

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

АРХЕОЛОГИЯ
И
ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

ВЫПУСК
4

НАЛЬЧИК • 2015

УДК – 902(470.6)+39(470.6)
ББК – 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А – 87

Редакторы:

Бгажноков Барасби Хачимович,
доктор исторических наук

Фоменко Владимир Александрович,
кандидат исторических наук, доцент

Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – Вып. 4. – 148 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В сборнике публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования. Рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Сборник предназначен для специалистов-археологов и этнологов, историков других специальностей, музейных работников, преподавателей вузов и школ, краеведов, студентов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины от горита с золотыми накладками (Семибратний курган № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж) и на титуле – серебряный позолоченный фалар (Курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

ISBN 978-5-91766-098-1

© КБИГИ, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

ARCHEOLOGY
AND
ETHNOLOGY
OF THE NORTH
CAUCASUS

ISSUE
4

NALCHIK • 2015

UDK – 902(470.6)+39(470.6)
BBK – 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A – 87

Editors:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A – 87 Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection
of research papers. – Nalchik: Issuing office of KBIHR, 2015. –
Issue 4. 148 p.

Subject collection includes articles developing topical questions of archeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. the Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovka town, 1968. Krasnodar museum).

ISBN 978-5-91766-098-1

© KBIHR, 2015

Содержание

<i>Баилай О.В.</i> (Ставрополь). Исполнительские традиции в русском народном творчестве Ставрополя по материалам аутентичных ансамблей	6
<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). Внешний облик и культура тела в истории черкесов	12
<i>Бгажноков Б.Х., Табишев М.А.</i> (Нальчик). Обряд первого шитья – мастэхэш – на традиционной кабардинской свадьбе	22
<i>Бурков С.Б.</i> (Владикавказ). Разведки грунтовых могильников эпохи раннего железного века на территории Чечни (конец XIX – начало XXI в.)	30
<i>Данилов А.В., Фоменко В.А.</i> (Ессентуки, Нальчик). Исследователь Алексей Николаевич Грен и его археологические разведки и раскопки Кавказских Минеральных Вод	46
<i>Емельянов О.Б.</i> (Ессентуки). Промысловое рыболовство в казачьих станицах терского левобережья в первые пореформенные годы XIX в.	57
<i>Кодзоев Н.Д.</i> (Назрань). Астрономические объекты в ингушской мифологии	76
<i>Кузнецов В.А.</i> (Нальчик). Аммиан Марцеллин и осетинские нарты	83
<i>Остахов А.А.</i> (Пятигорск). Роль стрелкового боя в тактике черкесов в XV–XVIII вв. (на базе археологических материалов)	93
<i>Прокопенко Ю.А.</i> (Ставрополь). Сираки, тохары и другие племена Центрального Предкавказья в политических событиях II в. до н.э. – нач. I в. н.э. по письменным источникам, археологическим и нумизматическим данным	107
<i>Семендяев М.В.</i> (Пятигорск). История исследования археологических памятников региона Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – начале XX в.	128
<u>Бижев А.Х.</u> Бесленей в историческом и этнокультурном контексте адыгского этноса	136
<i>Сведения об авторах</i>	144

УДК – 398.8(470.63)

О.В. Баилай,
(г. Ставрополь)

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ СТАВРОПОЛЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ АУТЕНТИЧНЫХ АНСАМБЛЕЙ

В статье рассматриваются некоторые особенности освоения народной песенной традиции в непосредственном общении с аутентичными ансамблями во время фольклорных экспедиций. Выявленные новые фольклорные материалы из 26 районов позволили проанализировать некоторые особенности сохранения и развития народных традиций и фольклорных обрядов на Ставрополье.

Ключевые слова: фольклор, народные традиции, народное творчество, народная культура, фольклорные экспедиции, фольклорные обряды.

Становление исполнительской традиции в русском народном песенном творчестве происходило в результате естественного, эволюционного развития жанровой системы и стилистики обрядового и бытового пения. Предпосылки этого становления видны в сочетании и взаимодействии форм коллективного и индивидуального творчества.

К началу XXI в. уже сложились некоторые особенности освоения народной песенной традиции в непосредственном общении с аутентичными ансамблями во время фольклорных экспедиций или благодаря использованию на репетициях аудио- и видеозаписей фольклорных обрядов – записей подлинных народных исполнителей¹.

Для того чтобы в полной мере почувствовать и понять красоту фольклорных обрядов, осознать их образный смысл, важно знать их роль в традиционной культуре, в том числе народов Северного Кавказа. Значение фольклорных обрядов с целью сохранения и возрождения традиционной народной культуры оценивалось еще с конца XVIII в. В XX–нач. XXI в. вопросы, касающиеся национальной культуры, рассматриваются на правительственном уровне².

В настоящее время при географическом обществе создаются группы специалистов, главной целью которых являются поездки в отдаленные сельские районы Ставрополья. Эти творческие коллективы фиксируют все, что касается традиционной культуры. При помощи выявленных и изданных впоследствии источников мы имеем возможность изучать все направления народного творчества. Материалы фольклорной экспедиции позволяют обнаружить новые детали в народном искусстве. Таким образом, более полное представление о традициях Ставропольского края возможно только при исследовании местных особенностей и краеведческих материалов.

Ставрополье сформировалось как край переселенцев – казачьих и крестьянских. Культура Ставрополья – это перекресток северорусской, южнорусской, западно-русской, украинской, казачьей и горской национальных

традиций. Ростовский исследователь Р. Ханаху отмечает историческую традиционность и консервативность культуры Северного Кавказа в целом и Ставрополя в частности³.

При обживании территории Ставрополя пришлым населением сохранялись многообразные традиции переселенцев, приспособление которых к новым жизненным условиям и историческим реалиям, а также их смешение с народами Кавказа формировали многообразие новых синкретических типов традиционной культуры. Особенно это отразилось в культурной жизни сельского населения Ставрополя, заселенного как выходцами из Центрального Черноземья и Восточной Украины, так и переселенцами с казачьего Терека. Основную часть населения составляли бывшие жители Воронежской, Курской, Тамбовской и ряда других великорусских губерний, а также малороссийских: Харьковской, Черниговской и Полтавской.

Результатом деятельности фольклорных экспедиций является собрание новейших звукозаписей музыкального фольклора из 26 районов Ставрополя: Изобильненский, Левокумский, Кировский, Новоалександровский, Апанасенковский, Предгорненский, Благодарненский, Георгиевский, Грачевский, Труновский, Курской, Шпаковский и др. районы.

Метод фольклорного репродуцирования (воспроизведения аудиозаписи песенных образцов) можно сравнить со стилизацией, представляющей собой имитацию образной системы и формальных особенностей одного из стилей прошлого⁴.

В этой работе по сбору фольклорного материала особо следует отметить вклад в развитие народного творчества Ставропольского края, внесенный творческой деятельностью В. Щурова⁵, В. Скунцева⁶, Л. Якоби⁷, В. Чернявского⁸, И. Ковальчука⁹, Л. Бобрышовой¹⁰, а также студентов Ставропольского государственного университета (в настоящее время ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет») под руководством О. Башлай и др. Выявленные новые фольклорные материалы позволяют проанализировать особенности сохранения и развития народных традиций и фольклорных обрядов на Ставрополье¹¹.

Следует отметить, что история и эволюция народно-певческой культуры на Ставрополье заслуживает особого внимания, так как при постоянно меняющемся укладе жизни населения подвергаются изменению не только определенные жанры, но и исполнительская культура отдельных песен. Певцы не только возрождают песни своих прародителей, но и привносят в них свое понимание и отношение к содержанию.

В настоящее время ученые-этнографы из этих осколков, как из кусочков мозаики, складывают картину русской народной культуры. Опишем пример отрывка зимнего обряда. Мы изложили устный рассказ местных жителей Ставрополя¹².

У всех славянских народов издревле зимние святочные вечера – от Рождества Христова до Крещения – были самыми почитаемыми и значительными. Люди верили: чем щедрее и веселее будут они на этих праздниках, тем богаче будет новый урожай. Интересным произведением является песня «Щедрый вечер», записанная автором в первой экспедиции 15 октября 1999 г. в с. Дербетовка Апанасенковского района от Р.Я. Пустовойт. В основе песни квартовая попевка; верхний подголосок появился намного позже.

– минорный тетрахорд.

В ряженой толпе – румяный Дед Мороз с палкой, красавица Миланка-невеста, которую водят подруги с песнями и пожеланиями в Новогоднюю ночь к гостеприимным хозяевам:

1. Миланка ходыла,
Васильку просыла:
«Василька, мий батька,
Пусты мини в хату».

Припев:
Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

2. Я жито не жала,
Честной христ держала,
Златую кадилъницу,
Серебрянугарильницу.

Припев:
Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

3. Кадитыся, люди,
До вас Христос будэ.
Христа, люди, славьте,
А нам калач дайте.

Припев:
Щедрый вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье.

Весь обряд строится на взаимоотношениях: хозяева – гости, гости – хозяева.

– Хозяйка, пусти миланковать!
– Заходите, милости просим!
– Нет, уже не обижайте, в дом проходите! И т.д.

Подобные примеры, указывающие на более поздний период создания, мы обнаруживаем в работах известных фольклористов¹³.

Важно отметить, что развитие музыкального фольклора шло и в результате взаимодействия различных групп переселенцев между собой, а также с казаками¹⁴. Особенно ярко это проявилось в песенном творчестве сельских районов Ставрополя.

Так, например, песня «У Ивана на дворе» (записанная автором в 2007 г.) свадебного жанра попала в с. Александрия Благодарненского района, по всей вероятности, из Воронежской губернии, граничащей с Харьковской. Контакты переселенцев с казаками нашли отражение в тексте:

Только ходит, дай гуляеть,
Дай Владимир с казаками...
Дай с донскими казаками.

Географическое положение Воронежской губернии с протекающим по ней Доном помогает понять, почему в песне, бытующей сегодня в с. Александрия, используется данный текст. Важно отметить, что, несмотря на южно-русское происхождение песни, произношение окончания преимущественно украинское – «гуляеть», указывающее на близость места происхождения песни к Украине.

С начала XX в. в культуру Ставрополя стали проникать элементы народно-революционных песенных традиций. Исследователь В.М. Забелин указывает, что в Ставропольской губернии в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. большое распространение в народной культуре получили революционные песни¹⁵. Особый размах революционная тематика народно-песенного творчества приобрела в годы революций 1917 г. и Гражданской войны. Эти события нашли отражение в песне «Как на наших полях»:

Как под этой вербой солдат бытай лежал.
Он убитыми убит сильно ранинай¹⁶.

Изменение народного быта, трагедии братоубийства, рассказывания и раскулачивания, коллективизация стали основой новой тематики народной песни, а также одним из фундаментальных элементов новой советской культуры. Законодательное закрепление переход к новым формам народной культуры получил в резолюции ЦК ВКП(б) от 1925 г., закрепившей идеологизацию советской культуры¹⁷. Некоторые изменения в песенной культуре после Октябрьской революции и теперь сохраняются в памяти старшего поколения. Примером является песня «На коне вороном» ст-цы Григорополисской Новоалександровского района записана автором в 2007 г.:

На коне вороном
Приезжал партизан.
Э-ой, сабля острая с ним,
Две гранаты, наган¹⁸.

Вариант этой песни можно найти в творчестве известного композитора В.Т. Захарова, который записывал песни от участников хора имени М.Е. Пятницкого и делал их обработки. Находясь под впечатлением от народно-песенного творчества, композитор создавал и свои песни на народные слова, одной из которых является песня «На коне вороном»¹⁹. При сравнении песен «На коне вороном» ст-цы Григорополисской и В.Т. Захарова необходимо обратить внимание на их мелодику и поэтические тексты.

На основании проанализированного фольклорного музыкального материала Ставропольского края можно сказать, что народная педагогика, народное воспитание, народная мудрость, народное творчество, традиционная культура составляют мощный пласт человеческой деятельности, знаний и культуры. Эта сфера духовно-нравственной деятельности и творческих созидательных исканий человека необычайно многозначно объясняет смысл слова «культура» – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание²⁰. Народ несет в себе концентрированный духовный заряд многих поколений, который накапливается веками.

Наряду с положительными тенденциями в сохранении и развитии народного творчества, традиционной культуры наблюдаются отдельные отрицательные моменты. Современное состояние музыкального фольклора обусловлено отдалением от традиций устного творчества и бытования в сторону исполнительского фольклоризма, опирающегося на закономер-

ности письменных форм существования и распространения. Исполнители, имитируя музыкальные диалекты, варианты напевов и подголосков песен заучивают наизусть. В результате в певческом исполнительстве теряется естественность и выразительность живой интонации музыкально-поэтической речи.

Таким образом, при анализе фольклорного материала, установлено, что в настоящее время многоголосная традиция народного пения в быту еще сохраняется, но ограничивается, как правило, параллелизмом звучания основного голоса и сопутствующих второстепенных партий. Чаще профессиональными и самодеятельными ансамблями исполняются песни авторского происхождения на гомофонной основе. Наиболее типичным становится многоголосие с терцовой второй к основному голосу снизу. Может появиться и октавное удвоение одного из голосов, если в пении принимают участие мужчины. Более сложные варианты многоголосия возникают в пении знатоков традиции, мастеров-импровизаторов.

Подробно анализируя записи народных песен, необходимо понять мотивационные предпосылки, побудившие народных певцов к импровизации подголосков в многоголосном распеве песни. Очевидным становится факт особого состояния исполнителей, объединенных вдохновением созидательного творческого порыва, продиктованного коллективным переживанием музыкально-поэтического содержания песни и глубоким проникновением в ее подтекст. Возникает мысль об эстетической оценке певцами своего творения. Найденный в импровизационном интонировании оптимальный вариант художественного воплощения идейно-образного смысла песни вызывает у певцов эмоциональный всплеск и ощущение особого удовольствия от достигнутого результата. Запоминаются и впоследствии воспроизводятся как эталон возникшие спонтанно удачные интонационно-ритмические обороты, слоговые распевы, вокальные приемы, выразительно звучащие гармонические созвучия. Процесс подобного рода изначально коммуникативен, так как он происходит в творческом общении его участников посредством пения²¹.

Исходя из всего вышесказанного, в целом материалы фольклорных экспедиций Ставропольского края свидетельствуют о том, что в новых географических и исторических условиях изменению больше подвергается напев, чем текст. Можно предположить, что традиционная культура Ставрополья складывается на протяжении всей истории русского народа, насчитывающей более тысячи лет. В современном музыкальном народном творчестве совмещаются культурные напластования разных времен и эпох.

В связи с этим за всю историю существования народно-певческого искусства возникло множество особенностей народных традиций и фольклорных обрядов населения Ставрополья: от архаичных языческих образцов, рассчитанных на подготовленного слушателя, до композиций, сопрягающихся с современной эстрадой; от сольного исполнения народных песен – до театрального действия или народного спектакля.

Примечания

1. Аникин В.П. Устное народное творчество: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В.П. Аникин. 4-е изд. Перераб. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2011. С. 18.

2. Ткаченко П.И. Кубанские обряды / П.И. Ткаченко; худож. К. Мятчин. Краснодар: Традиция, 2010. 224 с.; Щуров В.М. Жанры русского музыкального фольклора:

- учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ. В 2-х ч. Народные песни и инструментальная музыка в образцах. М.: Музыка, 2007. Ч. 2. 656 с., нот.
3. Ханыху Р. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времен (социально-философский анализ). Ростов-на-Дону, 2001. С. 39.
 4. Егорова И.Л. Исполнительский стиль Лидии Руслановой: К 110-летию Лидии Андреевны Руслановой. Саратов: SGK им. Л.В. Собинова, 2010. С. 86.
 5. Щуров В.М. Жанры русского музыкального фольклора: Учеб. пособие для музыкальных вузов и училищ. В 2-х ч. История, бытование, музыкально-поэтические особенности. М.: Музыка, 2007. Ч. 1. 400 с., нот.
 6. Песни казаков России. Подольск, 1999; Казаки некрасовцы: крюковое пение «Как подобает славить Рождество Христово». Подольск, 2003. (диск)
 7. Якоби Л.А. Песни казаков-некрасовцев. Ставрополь, 2002. 66 с.
 8. Казачий круг: Народные песни России в обработке В. Чернявского. Краснодар, 2000. 202 с.
 9. Ковальчук И.С. Песни Терских казаков. Новопавловск: Кировская районная типография, 1998. 184 с.
 10. Казачья сторона: Сборник фольклорных песен Курского района / Составитель Л.Ф. Бобрышова. Ставрополь: СКДНТ, 2003. 44 с.
 11. Башлай О.В. Повышение качества профессиональной подготовки студентов факультетов искусств. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. 217 с.
 12. Башлай О.В. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций. 1999–2003 гг.
 13. Христиансен Л.Л. Ладовая интонационность русской народной песни. М.: Советский композитор, 1976. С. 38–39.
 14. Шумакова Е.В. Указ. соч. // URL: <http://www.newlocalhistory.com/pogranobl/> (дата обращения: 07.08.2010).
 15. Забелин В.М. Благодарненский уезд в революции 1905–1907 гг. Ставрополь: СГСХА, 1997. С. 15.
 16. Башлай О.В. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций. 2007–2008 гг.
 17. Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы». 1925 г. // Материалы ЦК ВКП(б). М.: Политиздат, 1925. С. 72.
 18. Башлай О.В. Указ. соч. С. 200.
 19. Захаров В. Избранные песни. М.: Музыка, 1967. С. 17–18.
 20. Камаев А.Ф., Камаева Т.Ю. Народное музыкальное творчество: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2008. С. 10.
 21. Егорова И.Л. Указ. соч. С. 91.

O.V. BASHLAY

PERFORMING TRADITIONS IN RUSSIAN FOLK ARTS STAVROPOL
BY AUTHENTIC MATERIALS ENSEMBLES

This article discusses some features of the development of folk song tradition in direct contact with authentic ensembles during folklore expeditions. Identified new folklore materials from 26 districts allowed to analyze some features of the preservation and development of folk traditions and folk rites in the Stavropol region.

Keywords: folklore, folk traditions, folk art, folk culture, folklore expedition, folk rituals.

УДК – 572.512(470.64)

Б.Х. Бгажноков,
(г. Нальчик)

ВНЕШНИЙ ОБЛИК И КУЛЬТУРА ТЕЛА В ИСТОРИИ ЧЕРКЕСОВ

Рассматриваются характерные черты внешнего вида и облика черкесов, обусловленные их природными свойствами, культурой тела, исторически сложившимися установками невербального поведения и общения. Подчеркивается, что связанные с этим обычаи и предписания имеют определенный этический акцент и подчинены черкесскому морально-правому кодексу Адыга хабза.

Ключевые слова: культура тела, правила приличия, этикет, невербальное поведение, приветствие, объятия, жестикуляция.

I

Существует общее представление о внешнем облике человека. В нашем понимании, это синтетический образ внешних свойств человека. Опыт показывает, что он складывается у окружающих в результате восприятия и соединения в одно целое трех основных характеристик: 1) природных данных и культуры тела, 2) костюма и аксессуаров, 3) осанки и манеры держаться. В качестве четвертой характеристики можно добавить также манеру и общую установку общения с людьми.

По адыгским понятиям в зависимости от эффекта, который производит подобное объединение характерных внешних признаков и свойств человека, все люди делятся на две категории: *фэ зытет* букв. «с обликом» и *фэнишэ/фэ зытемыт* букв. «без облика», то есть на «*взрачных» и «невзрачных».

Распространены многие другие аналогичные определения и противопоставления внушительного (приятного) и малозначительного (неприятного) внешнего облика, например, с акцентом на стройной фигуре и тонкой талии. Отсюда прямо противоположные обозначения и характеристики: *бжьыфлэ* и *бжьыгуэ*. Слово *бжьыфлэ* означает – «стройный», «привлекательный», «внушительный», «видный». *Бжьыгуэ* соответствует таким значениям, как «невзрачный», «непривлекательный», «неприметный», «замухрышка».

С акцентом на опрятности, аккуратности, привлекательности, воспитанности употребляется, особенно по отношению к симпатичным молодым людям, определение *кьабзэ* – «чистый», ср.: *щлалэ кьабзэ* – букв. «чистый молодой человек», то есть «приятный, производящий хорошее впечатление, культурный молодой человек». К девушкам такое определение не применяется. В черкесском языковом сознании их чистота не подвергается сомнению. Не должна подвергаться.

Но хорошее или плохое общее впечатление о внешнем виде и облике создается не только под влиянием его природных данных и установок

языкового сознания, но и с учетом того, каким образом все это сочетаются с манерами человека – с манерой ходить, одеваться, говорить, беседовать. Даже движения глаз и особенности взгляда могут произвести на человека приятное или неприятное впечатление.

С этим связано еще одно противопоставление *щIыкIафIэ* и *щIыкIей* с акцентом на динамике и взаимодействии внешних черт и аксессуаров непосредственно в поведении человека, особенно в его контактах с другими людьми, с социальным окружением. Первое из этих слов является определением человека с хорошими, приятными манерами, а второе используется для обозначения человека с плохими манерами, человека неприятного, отталкивающего даже в том случае, если у него отличные природные данные.

Принято считать, что вызывая у окружающих симпатию, человек с хорошими манерами много добивается в жизни. И, напротив, человек с плохими манерами, вызывая у людей только злость и раздражение, рано или поздно плохо кончает, что выражается в известной реплике: *щIыкIей – кIуэдыкIей*.

Противопоставление человека с хорошими манерами (*щIыкIафIэ*) и с плохими (*щIыкIей*) коррелирует в адыгской картине мира с другим, не менее распространенным разделением людей: на приятных – *гурыхь*, и неприятных – *гурыхь*. Эти термины отображают некое пятое чувство или чутье, которое подсказывает, что человек приятен или неприятен, хорош или плох. Это те случаи, когда чувство приязни или неприязни, симпатии или антипатии возникает почти мгновенно при первом внимательном взгляде на человека. По каким признакам даже – трудно сказать: по взгляду, тембру голоса, походке или по какому-либо иному признаку. Но особенно часто в связи с этим акцентируют внимание на выражении лица – *нэгу*. Отсюда, например, определение *нэгу Iей* «плохой, неприятный, темный взгляд», «плохое, неприятное выражение лица». А с другой стороны, стереотипные высказывания типа *И гур к'абзэщ*, и *нэгур бзыг'эщ*: «Сердце у него чистое, и взгляд (выражение лица) ясное». Имеется в виду, что внутренняя чистота и добропорядочность (*гу к'абзэ*) человека соответствуют его приятному внешнему облику, ясному, чистому и открытому взгляду (*нэгу бзыг'э*).

II

Что касается природных данных, то, судя по всему, у черкесов они всегда были достаточно хороши. По свидетельству декабриста Александра Бестужева, черкесского мужчину отличала величавость и гордая осанка: «Ступит ли он, станет ли он – это модель Аякса и Ахиллеса. Все обнаруживает силу и свободу»¹. Об этом писали все иностранцы так или иначе соприкасавшиеся с черкесами. Например, Дж. Белл, три года живший среди западных черкесов отмечает:

«Их отличительные черты – это высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бедра, небольшая нога и пронзительные живые глаза. С полным основанием можно сказать, находясь здесь: «мужчина – это самое благородное творение, какое только дарит эта страна»².

О том же пишет А.Н. Дьячков-Тарасов, характеризуя внешний вид абадзехов, одного из самых многочисленных в XIX в. черкесских народностей:

«Внешность абадзехов очень привлекательна: они, в большинстве случаев, выше среднего роста, очень стройны; даже между стариками нам не пришлось заметить ни одного толстяка; плечи отличаются шириной, а талия, перехваченная ремнем, – тонкостью... Черты лица, в общем, правильные и приятны; крючковатых носов нам пришлось видеть мало. Часто встречаются серые и голубые глаза. Но редкость встретить блондина. Женщины миловидны, особенно из сословия уорков: белизна их кожи красиво оттеняется тонкими темными бровями; глаза, красивой овальной формы, не отличаются величиной. Походка мужчин и женщин легка и быстра»³.

Задолго до этого, в X в., еще более восторженно охарактеризовал внешность черкесов (кашаков) известный арабо-персидский ученый и путешественник Масуди: «Среди народов, живущих между Кавказом и Румом (Римом), нет ни одного, где мужчины отличались бы столь же правильными чертами лица, прекрасным цветом кожи и гибкостью фигуры... Их женщины удивительной красоты и очень соблазнительны»⁴. В XVII в. о том же писал итальянский миссионер Эмидио Дортелли д'Асколи. По его словам, черкесы «стройны, изящны и тонки в поясе. У них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми другими женщинами в мире»⁵.

Красота черкесских женщин больше всего привлекала внимание бытописателей Черкесии. Называя Черкесию родиной красоты, немецкий философ и историк Иоганн Готфрид Гердер красоту черкесских женщин выделял особо и подчеркивал, что за ними прочно и надолго закрепилась слава самых красивых в мире:

«Черкешенок, – пишет он, – все знают и все превозносят за их красоту, за черный шелк тонких бровей, за черные глаза, в которых горит огонь, за гладкий лоб, маленький рот, округлость лица... Счастье, что Европа была не очень удалена от этого средоточия красивых форм, что многие из населявших Европу народов в разное время или жили в областях между Черным и Каспийским морями, или же медленно прошли по этим землям»⁶.

Но красоту черкесов нельзя расценивать только как дар природы. Эти свойства были в значительной мере результатом глубоко укоренившихся представлений об идеале человеческой фигуры, исторически сложившихся традиций самоконтроля и самогигиены. Чтобы не утратить свою подвижность, ловкость, выносливость, мужчина обязан был сохранять стройность. Своеобразным отражением этой общей установки является широко известное выражение *Вым и кьузгьурэ лым и гьуррэ* – «Мускулистый бык и сухопарый мужчина».

Фигуру мужчин и женщин оценивали также и с эстетической точки зрения. В частности, полноту воспринимали как верх неприличия, как проявление распущенности и неуважения к окружающим, вынужденным видеть перед собой безобразную фигуру. Поэтому всеобщим правилом была воздержанность в еде, сочетавшаяся с ее разнообразием и большим выбором овощей, фруктов, ягод, молочных блюд. Мясная пища занимала в рационе скромное место. Как нельзя лучше свидетельствует об этом одна из записей в дневнике англичанина Дж. Белла, три года (1837–1839) гостившего у причерноморских адыгов: «Я полагаю, что люди здесь изумляются, с каким безрассудством мы употребляем ежедневно мясную пищу, – здесь большинство как богатых, так и бедных довольствуются растительной диетой и молоком»⁷. При этом недостатка в мясе диких животных и различных ви-

дов скота у черкесов, как известно, не было, если не считать коротких периодов голода, создававшегося в Черкесии искусственно царскими войсками и властями для истребления и окончательного покорения черкесов.

Чтобы добиться необходимой стройности, спали на жестких постелях, а девочки, кроме того, без подушек ради удлинения шеи. С малых лет мальчикам туго перетягивали талию поясом, на девочек знатных фамилий с 10–11 лет надевали корсет из деревянных пластинок, чтобы уберечь их от чрезмерного развития груди.

Наши старшие хорошо помнили установленные нормы или стандарты внешнего облика. Считалось важным, чтобы рост юноши был выше того, что сейчас принято считать средним, чтобы размах плеч визуально в два раза превышал талию. Обхват талии должен был равняться двум обхватам голени выше икр. У девушек за единицу измерения бралась окружность запястья (при этом нормальным считалось, если девушка может обхватить большим и указательным пальцами одной руки запястье другой). Идеальная окружность шеи равнялась двум таким единицам, а талии – четырем.

Представления об идеале женской красоты включают в себя кроме тонкой талии, длинной шеи и маленьких грудей целый ряд других параметров. В их числе: рост несколько ниже европейских стандартов (160–162 см), белизна кожи, густые пышные и длинные волосы, ровные ноги и изящные руки с тонкими длинными пальцами, высокий лоб, небольшой рот, ровные, белые зубы, длинные тонкие, но не сросшиеся брови другой, большие черные глаза с длинными густыми ресницами.

Главным украшением, своего рода эстетической доминантой женского лица, считаются брови. Возможно, с этим связано устойчивое выражение *лъэпкъым и набдзэ* – букв. «брови народа», относящееся к сфере высокого стиля. Так называют выдающихся деятелей нации, ее любимцев. По смыслу это выражение соотносимо со значением «гордость народа», «человек, прославивший нацию».

Предмет особой заботы – гордая осанка и красивая походка. Девушек приучали (и приучают ходить) не сутулясь, не размахивая руками, коротким шагом, не оглядываясь по сторонам, приглушая движение бедер. Такую походку сравнивают часто с походкой лани или княгини – *гуащэ кӀуэкӀэ*, но иногда, как ни странно, с походкой усталой собаки. В меткости последнего сравнения легко убедиться, внимательно понаблюдав за походкой усталых, безучастных к тому, что происходит вокруг, собак. И отсюда наставление, обращенное к девушкам: *Нэфым хуэдэу плъэ, дэгум хуэдэу зекӀуэ* – «Смотри словно слепая, ходи словно глухая», то есть не оглядываясь по сторонам, не проявляя излишнего любопытства к происходящему вокруг.

В таком же духе выдержаны все другие правила, касающиеся невербального поведения и общения. Жестикуляция и мимика адыгов традиционно бедны. Суэта, резкие, порывистые движения или сколько-нибудь ярко выраженная мимическая реплика не одобряются. Даже пристальный продолжительный взгляд на другого, особенно постороннего человека, и тот идет вразрез с традиционными представлениями об эстетике поведения и внешнего облика. Больше всего эти ограничения распространялись на девушек. Разговаривая с посторонним, им рекомендуется стоять поодаль, боком к собеседнику, не глядя ему в глаза. Общее правило таково, что взгляд женщины должен быть слегка потупленным, обращенным вниз, выражая мягкость, стыдливость, почтительность. Взгляд мужчины, в отличие от этого, – прямой, спокойный, открытый, но без излишнего любопытства.

Осуждают девушек, которые не опускают глаз (век) в присутствии мужчин и старших женщин. Обычно в таких случаях говорят: *И напIэр хуадэркъым* или *И напIэр къыридзыхыркъым*. Буквально это означает: «Не опускает глаз (век)». Но смысловой перевод: «Невоспитанна, лишена стыда». Существует даже понятие «стыдливости глаз» – *нэукIытэ*, как обозначение скромности, воспитанности. Если на улице или в другом общественном месте девушка бегаёт глазами по сторонам, оглядывается вслед прохожим, пристально и заинтересованно смотрит в глаза прохожим, то говорят, что она «лишена стыдливости глаз» – *нэукIытэ хэлъкъым*.

Распространены, особенно на западе Большой Черкесии, и другие способы применения формулы «стыдливость глаз». Например, часто говорят: «Нет у них в отношении «стыдливости глаз» – *НэукIытэ яку дэлъкъым*. То есть, нет взаимного уважения, страха «потерять лицо».

Неприлично, особенно в присутствии старших и женщин, сидеть, развалившись, а также стоять, опираясь на что-либо или прислонившись к стене. Нельзя держать руки в карманах. Не рекомендуют соединять руки, сцепив пальцы в замок, а также сидеть за столом, подперев подбородок руками. Последние две позы считаются проводниками враждебных, темных сил. Предпочтительная поза сидящего мужчины: спина прямая, ноги расставлены, ладонь правой руки упирается в правое колено, ладонь левой руки в левое бедро. В положении стоя руки обычно опущены по швам. В окружении младших старший может позволить себе стоять, уперев одну или обе руки в бока или скрестив их сзади, на пояснице.

На похоронах женщины обычно держат руки впереди, скрестив их немного выше пояса. Такая поза выражает смирение перед силой и волей Всевышнего. Кроме того, она считается знаком сочувствия, соболезнования, поэтому так могут стоять на похоронах и мужчины.

Однако, если мужчина скрестит ладони ниже пояса, между ног, то это, по понятиям адыгов, придает всей его фигуре жалкий, отнюдь не мужественный вид. Такая поза категорически запрещается и считается, кроме того, неприличной. В таком положении запрещается даже лежать в постели.

В положении сидя женщины соединяют ладони впереди, на поясе или кладут их аккуратно на колени. При этом колени плотно сомкнуты, а корпус развернут на 20–30 градусов влево или вправо, влоборота. Это по преимуществу поза девушек и молодых женщин. Старушки садятся ровно, то есть ставят свои ноги ровно и вместе.

Категорически запрещается указывать на человека пальцем, а также не рекомендуется касаться его рукой. Прикосновение к руке, похлопывание по плечу и другие формы телесного контакта, принятые, например, у арабов, латиноамериканцев, итальянцев⁸, у многих других народов, также исключаются. Если же случайно, по неосторожности или в силу какой-либо необходимости прикасаешься к человеку, нужно извиниться: *Си Iэ фIыкIэ ноIусэ* – «Руки мои добром тебя да коснутся».

Вообще же, во время беседы, стоя друг против друга, считается необходимым соблюдать сравнительно большую социальную дистанцию: не меньше 70 см при общении женщины с женщиной, не менее 1 м – при общении мужчины с женщиной, и не менее 1,5 м – при общении мужчины с женщиной. За точку отсчета берется здесь расстояние 70 см. Оно равно личному физическому пространству человека – *цIыхум и пащхэ*. Вторгаться в это пространство считается неприличным, недопустимым. В этом слу-

чае старший может сделать младшему резкое замечание: «Не стой в моем личном пространстве» – *Си пацхьэм уимыт*. Или в еще более резкой форме: «Не лезь в мое личное пространство» – *Си пацхьэм укъымыпцхьэ*. Обычно в этой связи старшие предупреждают младших: *Цыхум и пацхьэм фимыт (фимыхьэ), уепхьэу и бгъэр къипчын хуэдэу* – «В личном пространстве человека не стойте, словно хотите схватить собеседника за грудки».

О достоинстве и воспитанности человека могли судить и в зависимости от того, как ведет он себя в пути и особенно при встрече с другими людьми, насколько соблюдает так называемый «этикет дороги» – *гъуэгунэ хабзэ*. Например, если идут рядом двое мужчин, младший обязан занять позицию слева, уступая правую, почетную сторону старшему. Если их трое, то самый старший стоит в центре, а двое младших должны расположиться следующим образом: самый младший идет справа от самого старшего, выполняя роль посыльного, ординарца, а третий или средний по возрасту – слева от самого старшего мужчины, находящегося в центре.

Если один из двух идущих рядом мужчин был гостем в этой деревне (в этих краях), то другой из них, даже если он был гораздо старше гостя, занимал позицию слева, уступая почетное место справа гостю.

О том, какое значение придавали в таких случаях оппозиции «справа – слева», свидетельствуют и некоторые другие дополнительные правила, действовавшие, в частности, в Кабарде. Так, двигаясь по улице, мужчина старался держаться левой стороны, уступая чисто символически правую, почетную сторону своему еще живому отцу. Это обязательно отмечалось окружающими как поведение, заслуживающее похвалы, как признак почтительного отношения путника к своим родителям.

Целому ряду аналогичных норм подчинялось также поведение людей при встрече в пути. По общему правилу, известному под названием *шудэгъэзэ* при встрече где-нибудь в поле двух всадников младший из них (по возрасту или рангу) после обмена приветствиями обязан был развернуться и, пристроившись слева от старшего, продолжить путь вместе с ним, то есть в обратном порядке. В таких случаях старший мог воспользоваться обычаем и взять с собой младшего как своего подручного. Но мог и отпустить, поблагодарив за проявленное внимание к нему самому и к обычаю предков.

В других ситуациях мужчины должны были при встрече разойтись, оставляя друг друга слева от себя, так чтобы «концы их кинжалов сходились» – *я къамэпэр зэхуэзэу*. Однако женщине в такой же ситуации каждый мужчина уступал правую, почетную сторону. И отсюда мнемоническое правило для мужчины: *Цыхубзым къэмышыр ират, цыхухьум Ицэр ират* – «Женщину оставляют со стороны плети, мужчину – со стороны оружия». Эта формула была очень удобна для запоминания норм проксемики, о которых идет речь, так как горцы носили холодное оружие на левом боку, а плеть держали всегда справа, в правой руке. Но порядок встречного движения у мужчин объясняют иногда чисто рационально: предосторожностью, которую необходимо было соблюдать при встрече с вооруженным человеком. И в самом деле, следуя указанному правилу, расходящиеся мужчины оказывались в позиции менее удобной для нанесения неожиданного удара кинжалом. Иными словами, для каждой из сторон это была, – потенциально, конечно, – позиция боя, ставшая затем универсальной нормой взаимного обхождения. По отношению к женщинам это норма, как сообщил нам З.М. Налоев, выражала идею: «Мое оружие направлено против твоих врагов» – *Си Ицэр уи бийм хуэгъэзашц, по*

отношению к мужчинам: «Мое оружие направлено против тебя» – *Си Іэцэр ныхуэгъэзац*.

Аналогичные правила действовали, когда мужчина шел рядом с женщиной. Он обязан был идти слева, а не справа от нее. Только в тех редких случаях, когда вместе идут муж и жена, он занимает позицию справа, а она соответственно слева. Но такое исключение, как утверждают информанты, делается лишь для того, чтобы окружающие видели, что идут не просто мужчина и женщина (парень и девушка), а муж и жена. И тем самым не является принижением женщины. И не может быть таковым, так как по общему правилу муж считается старшим по отношению к жене только в кругу семьи. За пределами дома и семьи любой женщине дается социально-символическое (ритуальное) старшинство. Иными словами ей, даже независимо от ее возраста, должны оказывать знаки внимания и уважения как старшей.

При входе в помещение, при движении по улице и т.д. вперед пропускали старших по возрасту и рангу – норма, распространенная по всему миру. По прибытию на похороны группы мужчин и женщин первыми во двор пропускали обязательно женщин. В то же время женщине строжайшим образом запрещалось пересекать дорогу мужчине. По установившейся традиции (резко контрастирующей с вниманием, которым женщина была окружена в обществе), она была обязана остановиться за несколько метров до идущего ей наперерез мужчины и, опустив почтительно голову, подождать, пока тот не удалится на несколько метров. Возможно, перед нами патриархальная норма, уходящая своими корнями в древние представления о вредоносной магии, исходящей от физически слабой женщины. Если женщина пересекала дорогу мужчине, это считалось плохим предзнаменованием: казалось, что дело, с которым человек отправился в путь, лишится своей «силы», не будет иметь успеха. Именно так объясняют это правило сами адыги.

Во всех перечисленных случаях тот, кто не соблюдал «этикет дороги» вызывал у окружающих неприязнь, как человек плохо воспитанный, неотесанный, никчемный.

То же самое следует сказать и в отношении «этикета приветствий» – *сэлам ехыкІэ хабзэ*. Здесь все подчиняется определенным, строго установленным правилам, нарушение которых может дискредитировать человека.

Особым правилам подчиняются рукопожатия и объятия в составе приветствий и прощаний. Этикет предписывает здороваться с людьми с серьезным, сосредоточенным выражением лица и относиться к приветствию как к священнодействию. Первым после обмена приветствиями протягивает руку старший младшему, мужчина – женщине. При встрече с группой мужчин и женщин сначала надо приветствовать женщин. На это обратил внимание немецкий ученый Карл Кох дважды (в 1836–1838-м и 1842–1843 гг.) побывавший в Западной Черкесии, отметив, что натухайский князь Индароко, выйдя к гостям, «приветствовал, как галантный черкес, сначала женщин и девушек»⁹.

Процедура рукопожатия несколько отличается от «европейского» стандарта. Прежде чем протянуть человеку руку, мужчина сначала медленно поднимает ее до уровня груди (сердца), сжимая некрепко в кулак, затем разжимая кулак, и столь же медленно опускает снова до пояса и лишь после всего этого выдвигает вперед для достаточно энергичного, но не очень крепкого рукопожатия.

Пожимать чью-либо руку слегка, лишь за кончики пальцев, не рекомендуется. Говорят, это признак невоспитанности, недостаточной внимательности, либо проявление недоброго, неблагоприятного отношения. Поэтому обычно рекомендуют: *Зи Изэ уубыдым и Издакъэм нэгъэс*¹⁰ – «Здороваясь с человеком за руку, пожимай его ладонь до основания большого пальца». В то же время не следует пожимать руку человека очень крепко, до боли, демонстрируя силу.

Приветствуя большое собрание людей, считается уместным ограничиться установленной словесной формулой и приподниманием ладони правой руки к голове. Прощаясь с группой лиц, положено поднимать точно также обе руки. Приветствуя женщину, всадник обязан был встать на стременах, а в знак особого уважения к ней – спешиться. По отношению к почетным, знатым женщинам эти правила соблюдались неукоснительно. Г. Орбелиани писал о кабардинцах: «Если по дороге дворянин или крестьянин встретится с княгиней, то сейчас же, если он верхом, спрыгнет с лошади, поднимет руки вверх (это у них приветствие) и будет стоять, пока княгиня не удалится от него»¹¹.

В отношении приветственного взмаха правой руки надо заметить, что раньше он почти целиком заменял собой рукопожатие. Судя по свидетельству Хан-Гирея, А. Кешева и других авторов, прикладывание правой руки к головному убору служило обязательным компонентом приветствия людей высокочтимых: женщин, гостей, старших по возрасту и рангу. Кажется, этот жест есть не что иное, как сокращенная форма снятия головного убора в знак приветствия – стандарта, зафиксированного у адыгов в XVII–XVIII вв.¹² Но скорее всего, это древнейшая форма «дружеского», «мирного» приветствия, которая была воспринята черкесами и абхазами в период их тесного взаимодействия с индоариями.

Объятия – обязательный компонент приветствия у женщин, связанных узами родства, дружбы. Мужчины обнимаются с близкими родственницами, а друг с другом очень редко. Специфична техника объятий. У кабардинок они совершаются трижды: налево, направо, затем снова налево. Мужчины и женщины обнимаются только один раз. При этом, как правило, правую руку пожимают почти одновременно с объятием: левой рукой мужчина слегка касается правого плеча женщины (она обращена к нему боком), а правой пожимает ей руку. На Западе Большой Черкесии техника объятий имеет некоторые особенности: бжедугские и шапсугские женщины вместо третьего по счету объятия иногда наклоняются к руке старшей по возрасту женщины, словно для поцелуя. Имитацию поцелуя руки или собственно поцелуй (со стороны женщины) можно заметить также в составе приветствий, которыми обмениваются мужчины и женщины. На западе Большой Черкесии и в Абхазии (у шапсугов, бжедугов убыхов, абхазов) целование руки – одно из проявлений гостеприимства.

Несколько слов об улыбке в составе приветствия. Она приемлема при встрече женщин, а для мужчин менее характерна, так как придает приветствию некоторую фамильярность.

Не принято громко и продолжительно смеяться. Считается, что такой смех портит внешний облик человека, что лицо «искаженное» смехом противоречит эталону красоты. То же самое говорят и о процессе принятия пищи. Движения, производимые при этом, а также издаваемые звуки считаются неэстетичными, не укладываются в представления о красоте и

приличиях. Особенно когда это касается женщин. Поэтому женщины едят всегда отдельно от мужчин. Даже своим мужьям жены стараются никогда не показывать, как они едят. В ходе полевых исследований мне постоянно приходилось слышать от уже очень старых женщин, что они никогда не ели и даже не пили воду в присутствии своих мужей, что муж никогда не видел их даже жующими.

III

Мы убедились, что нормы, так или иначе связанные с культурой тела, с осанкой и манерой двигаться, были и остаются различными проявлениями социального символизма, иначе говоря, ритуала. Ритуал в свою очередь является способом закрепления обычаев или традиций, в нашем случае – традиций почтительного отношения и поведения. В этом удивительная сила и мощь ритуала, его общекультурная значимость. Чувство уважения и почитания, испытываемое по отношению к другим людям, к самому себе, к социальному и природному окружению, составляет, как утверждали еще древнекитайские философы, основу ритуала.

В еще большей степени это относится к манере говорить, к общим установкам и стратегиям коммуникации. Здесь, так же как и в других компонентах культуры, все подчинялось чувству меры, здравого смысла, исторически сложившимся представлениям о хорошем вкусе и красоте. Но это требует отдельного, специального рассмотрения. Поэтому в заключение мне остается лишь сказать, что многое из того, о чем здесь было неизвестно, уходит или ушло в прошлое безвозвратно. Естественный процесс, который, однако, не может не печалить ревнителей традиционного образа жизни. Часто можно услышать, что облик людей меняется к худшему, что адыги обмельчали, стали излишне суетливыми и невзрачными – *фэншэ*.

В какой-то мере это так: тяжелые испытания, выпавшие на долю народа в годы столетней Русско-черкесской войны, геноцида, а затем и в последующее время, не могли не сказаться на физическом и психическом здоровье людей. Не зря в 1928 году, опасаясь, что черкесы в скором времени вообще исчезнут, Российское общество Красного Креста снарядило из Ростова-на-Дону на Кавказ экспедицию для выявления причин общего, в том числе и физического, упадка черкесской нации. И все же народ выжил и сохранил чувство собственного достоинства. Не утратил он и своей природной красоты, и красоты манер.

Примечания

1. *Бестужев-Марлинский А.* Полное собр. соч. СПб., 1938. Ч. II. С. 47.
2. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 465.
3. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1902. Кн. 22. Вып. 4. С. 14–15.
4. *Масуди о Кавказе* // В кн.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206, 207. См. также Масуди. Из книги «Луга золотые и рудники драгоценных камней». Гл. 13 // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 54, 55.
5. *Аскали Э. Д.* Описание Черного моря и Татарии ... // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 63–64.
6. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
7. *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 485.

8. *Watson O.M. Proxemics // Current Trends in Linguistics. The Hague-Paris: Mouton, 1974. P. 330.*
9. *Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли. Т. 1. С. 603.*
10. *Кабардинские пословицы (Адыгэ псалъэжъхэр) Нальчик, 1967. Т. 1. С. 127.*
11. *Орбелиани Гр. Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга (О Кабарде) // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. С. 231.*
12. «Они имеют обыкновение приветствовать людей, обнажая голову вопреки магометанскому обычаю», – писал об адыгах голландец Н. Витсен. *Витсен Н. Северная и восточная Татария // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 161.* Итальянец Ксаверио Главани подтверждает описание Витсена: «Обхождение их похоже на франкское, они вежливы и, приветствуя, снимают шапку», – пишет он. *Главани К. Описание Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 161.*

В.Н. BGAZHNOKOV

APPEARANCE AND CULTURE
OF A BODY IN THE HISTORY OF CIRCASSIANS

In this article are considered the characteristic features of appearance and shape of Circassians, caused by their natural properties, culture of a body, historically developed installations of nonverbal behavior and communication. It is emphasized that the customs and instructions connected with it, have a certain ethical accent and are subordinated to the Circassian morally right code of Adyghe habza.

Keywords: culture of a body, rule of decency, etiquette, nonverbal behavior, greeting,

УДК – 392.51(470.64)

**Б.Х. Бгажноков,
М.А. Табишев,
(г. Нальчик)**

ОБРЯД ПЕРВОГО ШИТЬЯ – МАСТЭХЭШ – В ТРАДИЦИОННОЙ КАБАРДИНСКОЙ СВАДЬБЕ

Исследуемый обряд был одной из форм инкорпорации невесты в общину и семью жениха. Обычно этот переход отмечался особенно, как праздник, как пышное многолюдное торжество с характерной зрелищно-игровой формой, заданной самой спецификой свадьбы.

Ключевые слова: свадьба, обряды перехода, игла, золотые нити, наперсток, комната молодоженов.

Обряд *мастэхэши* в системе способов инкорпорации невесты в общину и в семью жениха

В переводе на русский язык слово *мастэхэши* означает «стежки иглой». Под этим или под другим аналогичным названием известен у кабардинцев и в целом у всех черкесов (включая западных адыгов) обряд приобщения невесты к шитью, или обряд первого шитья невесты в новом для нее доме.

Дело в том, что по сложившейся традиции в течение года после прибытия в общину жениха черкесской невесте не полагалось (во всяком случае, номинально) выполнять какую-либо постоянную и трудоемкую работу по дому: носить дрова, разжигать огонь в очаге, готовить для домочадцев пищу, ходить за водой, работать на приусадебном участке. Весь этот период, получивший символическое название *цхъэнтэтес* «сидение на подушках», невестка одевалась в традиционный свадебный (праздничный) наряд и считалась почетной, желанной гостьей и любимой воспитанницей дома, всех членов семьи жениха. Отсюда, кстати, и вторичные ласкательные имена, которые давала невесткам свекровь и вслед за ней – другие члены семьи: *Воспитанница-невестка – Къан-нысэ, Воспитанница моя ясная – Къансинэху, Воспитанница моя золотая – Къансидыцэ, Воспитанница моя милая – КъанситІасэ, Воспитанница маленькая – КъанцІыкІу¹ и др.*

В то же время сам по себе процесс воспитания невестки предполагал поэтапный, ненавязчивый, часто празднично оформленный обряд перехода к выполнению новобрачной каких-либо важных хозяйственных дел: шитье, разжигание огня, доставка воды. Обычно этот переход отмечался особенно, как праздник, как пышное многолюдное торжество с характерной зрелищно-игровой формой, заданной самой спецификой свадьбы. Центральное место занимали на празднике первого шитья и на других аналогичных праздниках ритуалы посвящения (инициации) невесты, ее инкорпорации в состав новой общины и новой для нее семьи в этой общи-

не. Отметим и подчеркнем особенно в данной связи, что за внешней стороной и функцией обряда первого шитья – переход к выполнению (или разрешение выполнять) определенные виды работы по дому – стояли другие, еще более важные функции, позволяющие понять логику и ключевые этапы драматического сюжета свадьбы.

Общая характеристика процедуры обряда *мастэхэи*

Принципиальное значение имеет место обряда первого шитья в сюжете и общей последовательности свадебных церемоний. По данным полевых исследований в Кабарде и в Карачаево-Черкесии, обряд приобщения невестки к шитью исполнялся здесь после так называемой большой свадьбы, в которой центральное место занимал торжественный, пышно обставленный ввод невесты в большой дом – *унэишэшхуэ*. По некоторым данным, обряд первого шитья проводился еще позже, после так называемой малой свадьбы, во время которой в большом доме совершался ритуал первого знакомства (первой встречи) невесты со свекровью – *гуацэтэхьэ*, а также (уже в домике молодоженов) – обряд раздачи подарков от имени невесты – *нысэтын*².

В отличие от этого, у моздокских кабардинцев до недавнего времени сохранялась кое-где наиболее древняя, на наш взгляд, традиция исполнения данного обряда до большой свадьбы, – за неделю до ввода в большой дом³. У западных черкесов и особенно у причерноморских шапсугов чаще всего обряд приобщения невестки к шитью проводился даже не в доме жениха, а в так называемом «чужом» или промежуточном доме друзей, соседей или родственников жениха – *тешэрып*И. Проводился, иначе говоря, до помещения ее в комнату молодоженов – *лэгьунэ* (*нысэ лэгьунэ*) при родительском доме жениха⁴. Это свидетельствует о том, что изначально обряд первого шитья невестки ассоциировался с актом ее инкорпорации (включении) в новую для нее общину жениха. Лишь после этого – после символического вхождения невестки в состав новой общины ее отвозили в дом жениха, и там совершались другие обряды ее инкорпорации в его семью.

На первый взгляд, обряд приобщения невестки к шитью сам по себе довольно прост. Согласно традиции, сложившейся в Кабарде и Карачаево-Черкесии, где-то через неделю после большой свадьбы или торжественного ввода невестки в большой дом, в ее (малый) дом или в комнату для молодоженов, где она постоянно находится – *нысэ лэгьунэ* – передают из большого родительского дома жениха – *унэшхуэ* – набор предметов для шитья; передают обычно от имени свекрови и старших женщин в общине. В этот набор входят: новая игла, новый наперсток, новый, не начатый моток золотой нити, кусок дорогой, обычно, шелковой ткани или новый женский головной платок, иногда и новые ножницы. Невестка скромно и с благодарностью принимает эти дары. Затем в присутствии и на виду у постоянно сопровождающих ее девушек (из числа родственниц, друзей или соседей жениха, именуемых у бесленейцев *нысэк*Иэрыс, у западных адыгов – *нысэдис*), она делает по этой ткани несколько легких стежков (обычно три стежка) и отправляет свою «работу» назад.

По некоторым данным, в отличие от этого у моздокских кабардинцев обряд первого шитья проводился накануне ввода в большой дом – за неделю до этого или в тот же день. А сейчас исполняется чаще всего через два

три дня (или через неделю) после свадьбы (торжественного ввода в большой дом). Например, у моздокских кабардинцев с. Авалово (Курского района Ставропольского края) обряд проводится по прошествии нескольких дней после торжественного размещения невесты в доме или комнате молодоженов – *нысэ лэгъунэ*. Обычно в таких случаях ее свекровь, находящаяся в большом доме – *унэшхуэ*, в окружении пожилых женщин из числа родственников и соседей, присылает к ней кого-либо из своих дочерей или других сравнительно молодых женщин-родственниц с предметами, необходимыми для совершения обряда. Сюда входит, как правило, игла, наперсток, ножницы, моток шелковых золотых нитей, а также шелковая, обычно белая, ткань. Все эти предметы, как сказано, готовит и передает невестке ее свекровь. Правда, у бесленейцев все необходимое для проведения обряда первого шитья присылают родители невесты, что, быть может, является фактом позднего характера.

Невестка принимает переданные ей предметы и раскладывает на треножном столике, затем делает на присланной ткани присланной иглой три стежка и отправляет ткань обратно свекрови вместе с результатами проделанной работы и прикрепленной к материи иглой. Свекровь аккуратно складывает все это в сундук и хранит. У моздокских кабардинцев-христиан, как утверждают, ткань со стежками невестки хранили как реликвию в комнате (доме), где стояла икона – *тхьэнапэ унэ*⁵.

Если в доме появляется еще одна невестка, то свекровь посылает ей эту ткань, но с другой (новой, еще не использованной) иглой и золотой нитью. Новая невестка должна сделать рядом с прежними стежками три новых стежка и вернуть ткань вместе с иглой назад. То же самое повторяется при появлении в доме следующих невесток⁶.

Логическая связь обряда *мастэхэи* с обрядом первой кройки – *ныбзэ*, *хыбзэ*

Следует отметить, что у бесленейцев и моздокских кабардинцев обряд первого шитья проводился в логической связи с обрядом первой кройки. У бесленейцев он назывался *ныбзэ* или *хыбзэ* «первая кройка», «кройка»⁷; у моздокцев-мусульман – *щыгъыныбз* «кройка одежды», у моздокцев-христиан – *дакӀуэ* «швея»⁸. Обряд первой кройки проводился, как правило, раньше обряда первого шитья – обычно за неделю до свадьбы (до торжественного ввода невесты в родительский дом жениха). Значение имел и рекомендованный для проведения данного торжества день недели. У моздокцев-мусульман в этом качестве выступает четверг. При этом говорят, что в пятницу шить и выполнять любую другую работу вообще не полагалось. И отсюда мнемоническое правило: *Мэремьр махуэмьщӀиц* – «Пятница – нерабочий день».

На торжество первой кройки собирается множество женщин. Невестку сажают за стол в ее комнате и объявляют «швея (мастерица) готова к работе» – *дакӀуэр тӀысащ*. В домик невестки заходят несколько женщин. Одна из них заносит и от имени свекрови передает новобрачной отрез шелковой ткани с лежащими поверх этой ткани ножницами. Затем эта же женщина берет в руки ножницы и, как бы подавая пример невестке или обучая ее кройке и шитью, делает несколько надрезов по краю ткани. Эта операция называется *хыбзэ*. Вслед за этим «эстафету» принимает невестка и, не спе-

ша, делает какую-либо выкройку, чтобы продемонстрировать свое мастерство: выкройку платья для куклы, выкройку какого-либо национального орнамента, галуна и т.п.⁹

Затем ткань и сделанные невесткой выкройки отсылают обратно в большой дом к свекрови. Там свекровь и другие, находящиеся с ней пожилые женщины (родственницы, соседи) осматривают и оценивают (обычно положительно) сделанные невесткой выкройки. Тотчас эту выкройку посыпают измельченным до состояния песка сахаром с пожеланиями невестке сладкой жизни в новом доме. У моздокских кабардинцев иногда иногда оставшуюся ткань отсылают невестке назад с разрешением (заданием) сшить из нее что-либо для своего свадебного костюма. Пока невестка шьет, молодежь, собравшаяся на торжество, танцует, веселится, играет.

Но обряд приобщения невестки к кройке и шитью был, кроме всего прочего, испытанием невестки, празднично оформленным тестом, по результатам которого участники обряда судили не только о ее умении шить, но также о некоторых чертах характера новобрачной. Все это носило шуточный характер, преподносилось в яркой зрелищно-игровой форме как часть праздника – всеобщего свадебного веселья. И все это также требует специального рассмотрения в качестве одного из важных структурно-функциональных блоков или компонентов рассматриваемого обряда.

Обряд первого шитья как испытание навыков и умений невесты

В народном сознании обряд первого шитья предстает в его практической плоскости – как зрелищно-игровое испытание невестки. Другими словами, он воспринимается и соответственно проводится как испытание невестки в таком важном для традиционной семьи занятии, как шитье.

Обычно свекровь вместе с другими пожилыми женщинами (в их окружении она сидит в большом доме, ожидая результаты «работы» невестки), внимательно рассматривает стежки, сделанные невесткой. Все наперебой дают оценку мастерства новобрачной, а также по особенностям шитья пытаются угадать, как проявит она себя в общине, в кругу семьи. К примеру, все сходятся в мнении, что если стежки мелкие, ровные, округлые, одинакового размера, то невестка большая мастерица¹⁰. У причерноморских шапсугов в таких случаях считалось, кроме всего прочего, что невестка им попалась добрая и уравновешенная. Если же стежки были чрезмерно большие и неровные, это воспринималось как признак или свидетельство ее нетерпеливости и беспокойного характера¹¹. Признаком плохой работы считались также туго затянутые стежки, рекомендовалось делать их легкими, воздушными¹².

В домике невестки, где она принимала дары и выполняла предписанные обрядом действия, за всем этим внимательно наблюдали девушки-нысадисы и потом рассказывали о произведенном на них впечатлении. Как похвала звучали оценки типа: «Мягко (ловко) притрагивается, ловко (мягко) орудует» – *Щабэу йоІусэ, щабэу ирокІуэ; Мастэгъэш дынхуэщ.* Восхищаясь высоким искусством шитья невестки говорили: *Тэн нэс егъэкІуащ* – «Ее шитье до самого Дона простирается». Обращали внимание и на то, насколько быстро и ловко находит и захватывает невестка конец золотой нити на присланном мотке, насколько быстро и ловко вдевает его в ушко

иглы и т.д.¹³ Если невестке удавалось очень быстро и ловко вдеть нить, то девушки с удовлетворением и с радостью говорили: *Бэринэрэ нэринэрэ зэ-зэгъащ* – «Барина (игла) и нарина (нить) нэшли друг друга». Оптимальной длиной вдетой нити считалось расстояние, равное от пальцев, держащих в руках иглу, до локтя. Если нить у невестки получалась заметно больше этой длины, то ее считали неумелой швеей. Неумелой и невоспитанной считали невестку, которая конец отмотанной нити отгрызает зубами, вместо того, чтобы отрезать нить ножницами. Если нить составлялась как двойная и в конце завязывалась в узелок, то ожидалось, что невестка будет делать свою работу добротнo, крепко. Если стежки были сделаны одной нитью, то все говорили об экономности и бережливости невестки – *кьунэ-щыпэщ*¹⁴. Наконец, в том случае, если конец нити оставался свободным (не завязанным в узел), то ожидалось, что у невестки открытый характер со склонностью прогнозировать будущее, широко и свободно мыслить, мечтать и строить большие планы.

Значение имело также общее направление шитья. Оптимальным считалось направление сверху вниз или шитье к себе. Направление от себя или снизу вверх воспринимали как свидетельство неумелости невестки.

Функция испытания невестки выступает, как мы видим, на первый план, заслоняя собой исторически первую и главную функцию посвящения (инициации). Для черкесов Большой Кабарды такое смещение акцентов особенно характерно. Часто все сводится к тому, что невестке предлагают что-либо конкретно сшить, зашить или пришить, чтобы посмотреть, насколько владеет она навыками шитья. К примеру, через неделю после прибытия невестки в аул жениха, соседи родителей жениха присылают ей через девочек-подростков заказы на шитье детской рубашки или платья. Посыльные приносят сшитые изделия, и соседи, собравшись, оценивают работу невестки, хвалят ее, высказывают обычные для таких случаев пожелания прослыть знаменитой мастерицей, быть счастливой и удачливой во всем. Посыльным, передающим готовые изделия, дарят подарки в виде каких-либо сладостей или безделушек. И отсюда название этих подарков – *дынхъыжытцIэ* «плата за возвращение сшитого»¹⁵.

В Кабарде известны и другие варианты подобного рода тестов на умение шить. Причем во многих селах Большой Кабарды их связь с древним обрядом первого шитья была практически утрачена и воспринималась только как проверка знаний и умений невестки. Так, в с. Шардаково, как утверждают информанты, молодые люди: девушки, парни использовали следующие приемы испытания невестки: 1) отрывали плетъ от ее рукоятки и присылали невестке с заданием пришить, 2) рвали какую-либо одежду и поручали ее зашить, 3) отрывали шнур для закрепления ножен кинжала, чтобы невестка его пришила. Точно так же и с той же целью отрывали шнурки бурки или заставляли невестку пришить шнурки для чувяк. Так проверялось умение невестки шить. Но для выяснения того, насколько невестка умела и воспитанна, обращали внимание и на другие детали ее поведения. Например, как она выходит из комнаты, где находятся люди. Если выходила из комнаты, повернувшись к людям спиной, а не пятясь – лицом к находящимся в комнате (как положено по этикету), то это считали признаком плохого воспитания. Иногда на пороге комнаты, из которой должна выйти невестка, бросали веник. Если невестка перешагивала через веник, не поднимая его, то это также воспринималось негативно, как проявление невоспитанности¹⁶.

Проверяли, насколько воздержанна невестка в еде и насколько обучена этикетной стороне традиционной культуры питания. Например, не давали ей целый день поесть и отслеживали ее реакцию. Если невестка жаловалась, что ее не кормят, то ее признавали прожорливой и невоспитанной. Если она садилась за накрытый стол без приглашения или украдкой брала со стола что-либо поесть, то это также считалось признаком дурного тона, плохого воспитания.

Такие же точно или аналогичные способы проверки умений, сноровки и воспитания невестки использовались, как показывает наш опыт, повсюду в местах проживания адыгов¹⁷. Отсюда различные названия обряда. У черкесов Большой и Малой Кабарды соответственно – *мастэхэи*, *мастэпэхэи*¹⁸, *мастэнищ*¹⁹. У моздокских кабардинцев – *мастэтеггэс*, *дынггызэ*, *мастэхэи*²⁰. У черкесов Карачаево-Черкесии (кабардинцев и бесленейцев) распространен термин *дынклэхэу*²¹. Он напоминает в большей степени западно-черкесские (адыгейские и шапсугские) названия обряда первого шитья.

Наконец, на западе Большой Черкесии обычно используется термин *дынхэу* – у бжедугов²², темиргоевцев, а также термин *дынхал* или *дынхалэ* – у причерноморских шапсугов²³.

Обряд первого шитья как институт праздничной культуры

Остается сказать, что обряд первого шитья сам по себе является лишь центральным звеном широкого, развернутого многолюдного торжества или праздника с пышными пирами, танцами, состязаниями наездников. Поэтому торжество первого шитья называют иногда малой свадьбой. За ней через определенное время следует большая свадьба, в которой центральное место занимает торжественный пышно обставленный ввод невесты в дом родителей жениха, в так называемый большой дом – *унэшиэшхуэ*.

Бытуют специальные названия праздников первого шитья, как событий, знаменующих важный этап перехода невестки в общину и семью жениха. У черкесов Кабардино-Балкарии их называют *мастэ хьэлъуэ* «халва в честь первого шитья»²⁴ с акцентом на одном из праздничных блюд, которое неизменно подается к пиршественному столу. У моздокских кабардинцев преобладает термин *дынафэ/дынхуефэ* «возлияния в честь первого шитья» с акцентом на хмельных напитках²⁵. У адыгейцев и причерноморских шапсугов распространены другие названия – *дынхэу джэгу*, *дынхалэ джэгу* «игрище первого шитья»²⁶. Акцент сделан в этом случае на агонической природе свадебного тожества – на танцах, всаднических состязаниях и играх.

Но и в том, и в другом случае на таких торжествах произносились тосты в честь невестки, в честь ее приобщения к шитью, ср.:

Ялыхь, мы нысэ цыкфур...
Гэкуэлъакфуэ,
Кфуэ къэси ефлакфуэ,
Фыр зэлуищэу...
И Гэщлаггэ дынхэу бзыпхьэу зэтрахы.
Езы цыкфур хьупхьэрэ,
Хьуэхьу хужалэр къехьулэу
Гьэпсэу²⁷

О Аллах, эта невеста маленькая,
Чтобы ловко и проворно шила,
Чтобы с каждым шитьем лучше становилась,
Чтобы все лучшее в себе накапливала,
Чтобы ее шитьем на обрядах дынхэу любовались,
Чтобы сама она оставалась хорошей,
Чтобы все хорошие пожелания в ее честь сбылись,
(О Аллах), дай ей так жить.

Отметим и подчеркнем особенно в данной связи, что за внешней стороной и функцией праздника первого шитья стояли другие, еще более важные функции, позволяющие лучше понять логику и ключевые этапы драматического сюжета свадьбы.

В народном сознании смысл и назначение обряда первого шитья связывают, как правило, не только с испытанием невестки, но прежде всего с инкорпорацией (включением) невестки в общину и в семью (в дом) жениха, с признанием полноправного членства в новом семейно-родственном коллективе и вследствие этого, – с приобщением к работе по дому, с разрешением (после исполнения данного обряда) заниматься шитьем

Вот почему все информанты подчеркивают, что после исполнения обряда первого шитья невестке *от любого члена общины* (фактически от постороннего человека) могли поступать заказы на шитье черкески, бешмета или обуви из сафьяна. И она должна была исполнить данный заказ бесплатно и без примерки, используя переданный ей образец из ношенной одежды заказчика²⁸. Одним словом, невестка становилась одним из работников и полезным человеком в общине, а следовательно, и ее полноправным, полноценным членом.

Примечания

1. Хежева Халимат Хасановна, 1895 г. р., аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия.
2. Щоджэн Хь., *КъардэнгъуцI З*. Адыгэ хабзэу цыгӕхэр (Обычаи прошлого). Налшык, 1966. Н. 101.
3. Шохужева Байрат Мусовна, 1882 г. р., с. Авалово (Иналхабль), Курской район, Ставропольский край; Сагындакова Хазинат, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
4. Чунтыжева Т.Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность. Майкоп, 1998. С. 68.
5. Сагындакова Хазинат, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
6. Шохужева Байрат Мусовна, 1982 г. р., с. Авалово (Иналхабль), Курской район, Ставропольский край.
7. Кербижева Зулета Назировна, 1957 г. р., аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия.
8. Сагындакова Хазинат, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
9. Кербижева Зулета Назировна, 1957 г. р., аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия.
10. Лосанова Калух Хасетовна, 1922 г. р., с. Заюково, Баксанский район, Кабардино-Балкария.
11. Гвашева Гуаисох Цаковна, 1930 г. р., аул Шхафит, Лазаревский район, Краснодарский край; См. также: Чунтыжева Т.Я. Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов как этнопедагогическая ценность. Майкоп, 1998. С. 67.
12. Сагындакова Хазинат, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
13. Лосанова Калух Хасетовна, 1922 г. р., с. Заюково, Баксанский район, Кабардино-Балкария.

14. *Кербижева Зулета Назировна*, 1957 г. р., аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия.
15. *Тхазапlicheва Абыхуна Ласовна*, 1916 г. р., с. Кишпек, Баксанский район, Кабардино-Балкария.
16. *Хаджиев Х.А.*, 1898 г.р., *Мальсургенов Х.Т.*, 1904 г.р., с. Шардаково, Зольский район, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 46. Т. III. Пасп. № 28.
17. Об обычае класть на пути невестки веник с целью проверки ее реакции на это рассказывали мне у причерноморских шапсугов, у бжедугов, у темиргоевцев.
18. *Лосанова Калух Хасетовна*, 1922 г. р., с. Заюково, Баксанский район, Кабардино-Балкария.
19. *Абазова Рабигат*, 1915 г. р., с. Верхний Курп, Терский район, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 46. Т. III. Пасп. 47.
20. *Сагындакова Хазинат*, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
21. *Хежева Халимат Хасановна*, 1895 г. р. аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия; *Аслъэныкъуэ Хауа Наибовна*, 1875 г. р., аул Хагундоково, Хабезский район, Карачаево-Черкесия; *Патова Кулистан Жамчериевна*, 1912 г. р., аул Бесленей, Хабезский район, Карачаево-Черкесия.
22. *Хейшхо Айшет Ахметовна*, 1913 г. р., аул 2-й Александровский, Лазаревский район, Краснодарский край.
23. *Харту Хаджифат Мусовна*, 1899 г. р., аул 2-й Александровский, Лазаревский район, Краснодарский край; *Гербо Айше Безуковна*, 1886 г. р., пос. Лазаревский, Лазаревский район, Краснодарский край.
24. *Шоджэн Хь.*, *КъардэнгъуцI З.* Адыгэ хабзэу цылахэр (Обычаи прошлого). Н. 101, 102.
25. *Сагындакова Хазинат*, 1920 г. р., ст-ца Новоосетинская, Северная Осетия.
26. *Меретуков М.А.* Семья и брак у адыгских народов (XIX–70-е годы XX в.). Майкоп, 1987. С. 224; *Джандар М.А.* Песня в семейных обрядах адыгов. Майкоп, 1991. С. 46; *Чунтыжева Т.Я.* Свадебно-обрядовая культура причерноморских адыгов... Майкоп, 1998. С. 68; *Унэрэкъо Р.*, *Хьакъунэ Э.* Адыгэ нысэшэджэгум илорыуат (Фольклор адыгской свадьбы). Мыекъуапэ, 2014. Н. 20.
27. *Лосанова Калух Хасетовна.*
28. *Джандар М.А.* Указ. соч. С. 47.

В.Н. BGAZHNOKOV, М.А. TABISHEV

CEREMONY OF THE FIRST SEWING «МАСТЭХЭШ»
IN A TRADITIONAL KABARDIAN WEDDING

The studied ceremony was one of forms of incorporation of the bride in a community and the groom's family. Usually this transition was noted especially, as a holiday, as a magnificent populous celebration with the characteristic spectacular and game form set by the specifics of a wedding.

Keywords: wedding, transition ceremonies, needle, gold threads, thimble, room of newlyweds.

УДК – 904(470.661)

С.Б. Бурков,
(г. Владикавказ)

**РАЗВЕДКИ ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ
ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ**
(*конец XIX – начало XXI в.*)

Статья посвящена истории обнаружения грунтовых могильников эпохи раннего железного века на территории Чечни. В ней впервые обобщены сведения об археологических разведках конца XIX – начала XXI в., приведены данные, опубликованные в научной литературе и находящиеся научных отчетах, которые хранятся в архивах и малодоступны для исследователей. Выделены этапы в изучении данной категории памятников, дана характеристика их особенностей, а также результатов научных исследований различных ученых и археологических экспедиций.

Ключевые слова: могильники, погребения, разведки памятников, ранний железный век, отчеты, источниковая база, археологические исследования.

Сведения о нахождении грунтовых могильников эпохи раннего железного века на территории Чечни разбросаны по различным источникам. Они присутствуют в сборниках «Археологических открытий», в небольших публикациях редких региональных научных изданий, в полевых отчетах и дневниках раскопок, хранящихся в различных фондах. Специально данной темой никто из исследователей, изучающих региональные древности, не занимался. В то же время, анализируя эту категорию материальных свидетельств, можно установить как общие, так и особенные тенденции в процессе формирования источниковой базы относительно одного из наиболее массовых источников о древних насельниках Северо-Восточного Кавказа – погребальных памятников. Это важно для понимания динамики развития самой археологической науки, написания истории изучения и охраны древностей Чечни, формирования базы данных для деятельности органов охраны памятников, и составления перспективных планов по полевому исследованию как уже известных, так и вновь выявляемых объектов.

Сами полевые работы на грунтовых могильниках могут быть отнесены к 4 категориям или видам деятельности: раскопки памятника с помощью закладки квадратов; установление факта наличия могильника путем установки небольших разведочных раскопов или траншей в местах обнаружения отдельных находок или потревоженных погребений; дочистки случайно найденных погребений, за которыми последовали дальнейшие работы по установлению возможных границ могильного поля; визуальный осмотр места предполагаемого нахождения могильника, сочетаемый со сбором случайных находок, опросом населения, работой с картографическим материалом, архивной документацией и научной литературой. Для определения критериев отбора произведенных работ на данном типе

памятников, которые могут быть отнесены к категории «археологические разведки», обратимся к нормативным документам, которыми регламентируются археологические исследования.

И.А. Сорокина отмечает, что согласно «Инструкции к открытому листу на право производства археологических исследований», принятой в 1939 г., были впервые установлены 2 категории работ – археологические обследования с частичным вскрытием отдельных участков памятников путем закладки отдельных шурфов или траншей на бытовых памятниках и собственно археологические раскопки. Согласно «Инструкции» 1949 г., разведочные раскопы предполагаются лишь для бытовых памятников. Данным документом впервые предусматриваются и разведочные работы без права производства земляных работ¹. Правилами раскопок 1958 г. были введены 4 категории Открытых листов, в том числе – на право разведок с частичным вскрытием незначительных участков памятников. При этом закладка разведочных раскопов разрешалась лишь для установления характеристик культурных напластований бытовых памятников, но не грунтовых могильников. В то же время форма № 4 предполагала исследование разрушенных памятников, но к категории разведок эти работы не относились². По Д.А. Авдусину, разведочные раскопы могли быть применены лишь на бытовых памятниках; поиск грунтовых могильников предусмотрен с помощью шупа или осмотра места обнаружения погребального инвентаря. Вскрытие верхнего почвенного слоя предполагалось лишь для зон проведения народно-хозяйственных работ³. В инструкции 1963 г. присутствуют 4 категории Открытых листов, в том числе – на право разведок с частичным вскрытием незначительных участков памятников⁴. В правилах ведения археологических работ к середине 90-х гг. XX в. закладка шурфов или траншей в местах предполагаемого обнаружения грунтового могильника относилась к разведочной деятельности⁵. Эта позиция была сохранена и в последующем⁶. Таким образом, под разведками грунтовых могильников следует понимать следующие виды деятельности:

– специализированные исследования по обнаружению некрополей и исследованию отдельных погребений, в том числе – ведение раскопок ограниченной площадью в местах предполагаемого нахождения памятников;

– исследование отдельных погребений, выявленных в ходе специальных работ по поиску археологических памятников, производимых по соответствующему Открытому листу, без закладки дополнительных разведочных шурфов, траншей или раскопов. В то же время из раздела «археологические разведки грунтовых могильников» должны быть исключены работы по дочистке отдельных погребений, найденных случайно. Исходя из указанных критериев отбора, ниже приведены сведения о производстве работ по обнаружению данной категории археологических памятников, произведенных в разные годы на территории Чечни, изложенные в последовательности их обнаружения.

В апреле 1887 г. Н.С. Семенов, ведя поиск археологических памятников, исследует 3 каменных ящика на левом берегу р. Гумс в районе с. Курен-Беной. Судя по описанию находок, обнаруженный им могильник функционировал в том числе и в первые века н.э.⁷ В 1902 г. В.И. Долбежовым в окрестностях с. Мескеты был обнаружен грунтовой могильник с инвентарем «скифского» времени. У В.Б. Виноградова и В.И. Марковина тип погребального сооружения описан как «отдельные захоронения... под каменными завалами», у В.И. Козенковой – это каменные ящики. При

этом ею была сделана ссылка на № 570 по общему списку объектов вышеуказанных авторов, тогда как у вышеуказанных авторов данный памятник присутствует под № 571, а под предыдущим номером зафиксирован еще один объект. При ознакомлении с первоисточником установлено, что одно погребение представляло собой грунтовую яму с обкладкой камнем размерами 1,05х0,7 м, труположение не установлено; второе – в каменном ящике. Еще около 10 погребений были разграблены местными жителями, вещей в них не оказалось. Сведений о том, что эти захоронения относились к различным местностям и представляют два различных могильника, нет⁸.

В последующем, разведки грунтовых могильников продолжились лишь с конца 50-х гг. XX в. Так, в 1949 г. склоны Сюир-Корта и Сюиль-Корта исследовал краевед М.П. Севостьянов, открывший здесь Сюир-Кортковский 2-й могильник, датированный концом скифского времени⁹. В 1958 г. был открыт Сержень-Юртовский могильник. В канаве, прорезавшей его, были найдены отдельные предметы погребального инвентаря из разрушенного водой захоронения. Разведочный раскоп 3х2 м, заложенный Р.М. Мунчаевым, выявил еще одно захоронение. Первоначально полученные материалы были датированы началом I тыс. до н.э. В полевом отчете СКАЭ за это год (1958) данных о нахождении могильника нет¹⁰. В 1965 г. в ходе рекогносцировочных работ на могильнике В.И. Козенкова обнаруживает и изучает еще 2 погребения¹¹. В 1958 г. был открыт Бети-Мохковский могильник № 1. По данным В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, он состоял из захоронений в каменных ящиках. Найденные первыми погребения, от которых сохранились отдельные костные остатки, а также керамика и предметы украшения, датированные VII–IV вв. до н.э. По их данным, некрополь продолжал использоваться и в сарматскую эпоху – III в. до н.э. – I в. н.э.¹² В отчете СКАЭ за 1958 г. отмечено, что могильник был открыт М. Мацуевым, который вскрыл часть найденного им склепа и потревожил 1 погребение, изъяв из захоронения несколько предметов. Склеп был доследован полностью, в нем найдены 3 костяка, причем 2 последних – подзахоронения в позднекобанское время и сарматскую эпоху. Кроме костяков, встречено захоронение отдельного черепа с сосудом. Весной этого года в том же селе, на огороде Х. Исмаилова, на глубине 0,2 м была найдена песчаная плита с высеченным на ней человеческим лицом. Информации о размерах могильного поля, а также о насыщенности погребениями отчет не содержит¹³. В 1959 г. к северу от него был заложен разведочный раскоп в 16 м². В результате были найден второй каменный ящик (в публикации Р.М. Мунчаева – каменный склеп), выстроенный V–IV вв. до н.э., для захоронений позднекобанского типа с последующим подзахоронением, совершенным в эпоху раннего железного века. Дата вторичного захоронения – первые века н.э. Тогда же, в том же селе, на землях У. Саадулаева и М. Шаипова, на правом высоком берегу р. Аксай, последним в обрыве был найден каменный ящик с одиночным захоронением. В раскопе, заложенном к северу от него (44 м²), была зачищена часть кромлеха диаметром около 25–30 м. В его центре оказался склеп; по найденному в нем сосуду раскопщиками была определена дата его сооружения – не позднее середины I тыс. до н.э. Памятник получил обозначение «Бети-Мохковский могильник № 2»¹⁴. В том же году в Ножай-Юртовском районе Р.М. Мунчаевым выявляется и осматривается могильник сарматской эпохи у с. Яман-Су, расположенный у на границе Чечни и Дагестана¹⁵.

В начале 70-х гг. XX в. (приблизительно) М.П. Севостьяновым в 5 км к Востоку от ст-цы Ильинской, на левом берегу р. Сунж, при осмотре места расположения скрытого при земляных работах кургана был найден грунтовый могильник из 4 погребений. Дата погребений – конец VIII – начало VII вв. до н.э.¹⁶

На левом гористом берегу р. Аксай, у дороги, ведущей из с. Ишхой-Юрт в с. Мескеты, в 1961 г. В.И. Марковиным был открыт и изучался каменнаящичный могильник (3 погребения), датированный первой половиной I тыс. до н.э. Культурная принадлежность – посткаякентско-хорочоевская. Информация об этом содержится только в сводке В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, в самом отчете данных об этом нет¹⁷.

В 1962 г. учителем П.А. Поповым был открыт могильник у с. Ялхой-Мохк. Он раскопал (без соблюдения методики) несколько погребений, обнаруженных им в обрыве, из которых происходят многочисленные находки. В 1965 г. на могильнике В.Б. Виноградовым был заложен разведочный раскоп 3х3 м, который выявил захоронение в каменном ящике, датированный VI–IV вв. до н.э. В том же году были произведены разведки у сел. Курен-Беной. Здесь, на северной окраине аула, был выявлен могильник, состоящий из каменных сооружений. Одна гробница была расчищена. Первоначально памятник был датирован VI–IV вв. до н.э., затем – VI–V вв. до н.э. В 1965 г. В.И. Марковиным раскапывался могильник у с. Балан-Су (Юго-Восточная Чечня), найденный С.Ц. Умаровым. В том же году, неподалеку от с. Балан-Су, случайно был найден могильник из каменных ящичков. Разведочным раскопом были вскрыты 9 погребений IV–III вв. до н.э. – I–II вв. н.э. В том же году у с. Байтарки, в месте нахождения склепа с материалами раннего железного века, были заложены разведочные траншеи, которые не привели к открытию могильника. Годом открытия Ялхой-Мохковского могильника в отчете СКАЭ за 1966 г. указан 1965 г., когда В.Б. Виноградовым, названным первооткрывателем данного памятника, было раскопано 1 погребение¹⁸.

В 1965 г. к юго-востоку от с. Балан-Су, в районе с. Байтарки, был случайно найден склеп, который в том же году обследовался В.И. Марковиным. Широкомасштабные работы в месте его обнаружения не производились, разведочные траншеи к нахождению других погребений не привели. В связи с тем, что для склепа было установлено его вторичное использование, данная находка получила обозначение «могильник сарматской эпохи у с. Байтарка»¹⁹. В 1966 г. был открыт обширный могильник из каменных ящичков у с. Курен-Беной, где вскрыта отдельная гробница (каменный ящик), датированный VI–V вв. до н.э. (34). У с. Харачой по серии случайных находок был обнаружен могильник второй половины IV–VII вв. н.э.; разведочным раскопом обнаружено 5 погребений²⁰.

В 500 м к югу от окраины с. Ножай-Юрт одноименного района, на крутом восточном склоне г. Лехкч-Корт располагается могильник из каменных ящичков, известный с конца XIX в. Захоронения обнаруживались местным населением с помощью металлических щупов, а плиты они использовали для строительных нужд. Подобным же образом в 1967 г. было найдено еще одно погребение. В ходе обследования прилегающей территории был заложен раскоп и исследованы 3 коллективных и 7 индивидуальных захоронений, располагавшихся на площади в 100 кв. м. Дата наиболее ранних погребений – I–II вв. до н.э., наиболее поздних – IV–V вв. н.э. В 1970 г. В.Б. Виноградов опубликовал данные о разрушении на территории Шалинского

могильника, известного по ряду случайных находок с 1961 г., нескольких погребений. Место обнаружения новых захоронений было осмотрено, но из-за плотности грунта и большой глубины залегания раскопки не производились. Вещи из погребений описаны. Могильник датирован VI–V вв. до н.э. Информации об этом ни отчет, ни заметка в «Археологических открытиях» не содержат²¹. В заметке, опубликованной в «Археологических открытиях» за 1968 г., приведены сведения о том, что в ходе археологических разведок у с. Аллерой, Агишбатой, Эрсеной 1-м отрядом СКАЭ были открыты многочисленные новые памятники, в том числе – могильники раннего железного века. В отчете за этот год имеются данные о нахождении местными жителями вещей из разрушающихся могил, находимых в узкой балке на востоке окраине с. Аллерой. Через территорию могильника проходила и грунтовая дорога. Разведочными траншеями были выявлены и доследованы 42 погребения VII–V вв. до н.э. В 300–350 м к 3 от Аллероевского поселения № 1 был осмотрен участок проселочной дороги, где неоднократно (по данным местных жителей) находили погребения и отдельные предметы. В ходе осмотра найдены фрагменты керамики раннего железного века. Заложённые 2 разведочные траншеи погребений не выявили. В 5–6 км к юго-западу от села, на хребте, на левом берегу р. Мичик был осмотрен еще один участок, где также неоднократно находили древние предметы. В ходе работ было найдено и почищено 1 грунтовое погребение, датированное «скифским временем». Здесь же найдены и другие предметы, датированные I в. до н.э. – I–II вв. н.э. Вновь найденные памятники получили наименование «Аллероевские № 1, 2, 3 могильники». В районе с. Эрсеной на месте находки в 30-е гг. XX в. каменного ящика было доследовано еще одно подобное же погребение. Заложённые разведочные траншеи общей площадью 170 кв. м. других захоронений не выявили. Дата могильника – II–IV вв. н.э. На западном склоне г. Эрсен-Корт при земляных работах были разрушены 2 погребения в каменных ящиках, из которых происходят предметы вооружения. При обследовании территории были сделаны и другие находки. Разведочные траншеи (общая площадь – около 100 кв. м) других погребений не выявили. Дата – IV–III вв. до н.э. Наименование памятников – «Эрсенойские № 1 и 2 могильники»²².

В 1969 г. на территории Чечни были открыты и частично изучены несколько памятников и отдельных погребений раннего железного века. Так, на юго-западной окраине с. Ножай-Юрт, на левом берегу р. Яман-Су, на склоне и вершине холмообразной вершины, сельским школьным учителем Г. Паком был открыт грунтовый могильник, получивший порядковый № 1. На его северной окраине изучено 2 погребения сарматского времени. Тогда же у с. Гендерген были зачищены 3 гробницы того же культурно-хронологического периода.

Тогда же, там же местными жителями был найден еще один подобный же могильник, располагавшийся в 0,5 км в 3 от могильника № 1, на левом берегу р. Яман-Су. Были расчищены 2 каменноящичных погребения; дата существования – II–III вв. н.э.

В этом же году в окрестностях с. Гендерген, на западной окраине села, на левом берегу р. Булк, в местности «Участок Пачу», было случайно найдено и доследовано одиночное грунтовое погребение № 1, а также коллективные погребения № 2 и 3. Дата – V–II вв. до н.э. В.И. Козенковой могильник датирован в целом V–III вв. до н.э., 2 погребения – V–IV вв. до н.э. Ис-

следователем новый некрополь включен в перечень памятников позднего этапа кобанской культуры.

Тогда же В.Б. Виноградовым в 1 км севернее железнодорожной станции Джалка был зафиксирован грунтовый могильник скифского времени.

В том же году В.Б. Виноградовым отмечены наборы предметов из еще одного грунтового могильника скифского времени юго-восточнее железнодорожной станции Джалка. Вновь открытые памятники у Х.М. Мамаева, Р.Х. Мамаева и Е.И. Нарожного получили наименования «Джалкинский 1-й и Джалкинский 2-й грунтовые могильники»²³.

Согласно данным, опубликованным в «Археологических открытиях», в 1972 г. в районе с. Джалка и г. Гудермеса в ходе археологической разведки были открыты памятники предскифского, скифского и сарматского времени²⁴. В связи с тем, что данная заметка не содержала никаких подробностей, возникла необходимость обратиться к материалам отчета. В картотеке научного архива ИА АН РАН за этот год хранятся 2 отчета. Авторы первого – В.А. Петренко, Р.А. Даутова и В.Б. Виноградов, второго – В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев и В.А. Петренко. В первом приведены только сведения о работах на средневековых памятниках²⁵. Согласно тексту второго полевого отчета за 1972 г., во время прокладки трубопровода в с. Джалка было разрушено отдельное погребение, дата – II–IV вв. н.э. Обряд погребения был описан со слов очевидцев. В октябре 1972 г. в с. Ахкинчу-Барзой были сделаны находки древних предметов. Разведочным раскопом в составе 4 траншей (35 кв. м) обнаружены 2 погребения. Дата могильника – X – конец VIII, возможно, – начало VII в. до н.э. В том же году на горе Хаян-Корт при строительстве буровой вышки был затронут могильник IV–II в.в. до н.э. В ходе обследования были найдены и почищены 3 грунтовых погребения. В коллективном отчете за этот год отмечено, что в результате строительных работ были разрушены не менее 3 погребений. Количество зачищенных погребений не указано, однако, судя по тому, что других данных нет, вероятно, разрушенные погребения следует считать не уничтоженными, а потревоженными. Дата могильника в отчете – IV–III вв. до н.э., при предварительной публикации – IV–II вв. до н.э. Об историко-культурной принадлежности данных нет. Сведения о могильнике содержит текст заметки в «Археологических открытиях» за следующий, 1973 г. Кроме того, в отчете приведены данные о разрушении в марте 1971 г. при работах по улучшению дороги в Гудермесском районе у с. Новогрозненского около 50 погребений грунтового могильника конца VI–IV вв. до н.э. Разведочным раскопом удалось обнаружить и доследовать еще 5 погребений, собраны многочисленные предметы из разрушенных захоронений. Информации о работах на могильнике в «Археологических открытиях» не публиковалось²⁶.

В 1974 г. у с. Лермонтов-Юрт были встречены фрагменты керамики и человеческих костей, а также отдельные находки. На участке обнаружения предметов был заложен шурф и 3 прирезки к нему. В результате найден ряд предметов погребального инвентаря и разрозненные костные останки погребенного. В связи с тем, что широкомасштабные раскопочные работы по выданному Открытому листу не предполагались, наличие могильника установлено не было. Разрушенное отдельное грунтовое погребение было датировано VI–V вв. до н.э.²⁷

В 1974 г., у ст-цы Воскресенской при нивелировке дороги было разрушено грунтовое погребение. В дальнейшем на прилегающем участке, в обрыве, по грунту заполнения был найден контур ямы погребения, которое

было исследовано. Дата могильника – VI–V вв. до н.э., отнесен к памятникам «кобанского» круга²⁸.

В ходе археологических разведок 2-го отряда ППАЭ ЧИГУ в 1975 г. у с. Аллерой Шалинского района было исследовано погребение в каменном ящике последних веков до н.э. У г. Аргуна доследовано грунтовое захоронение начала VI в. до н.э. Других работ по поиску возможного могильника не производилось²⁹. В этом же году М.Х. Багаев копает Бетти-Мохковские 1 и 2-й могильники. На первом изучен 1 каменный ящик, датировка – 2-я половина I тыс. до н.э. Погребение исследовано на месте находок из другого захоронения, обнаруженного жителем с. А. Даудовым в районе некрополя, найденного в 1958 г. Р.М. Мунчаевым. На втором, названном М.Х. Багаевым «Бетти-Мохковским могильником № 3», в 2 местах обнаружения ряда случайных находок из разрушенных погребений, было заложено 2 раскопа и 3 прирезки, найдены 9 каменноящичных погребений. Памятник датирован раскопщиком V–IV в.в до н.э.

Рядом с с. Бетти-Мохк в том же 1975 г. М.Х. Багаевым зафиксировано еще 2 могильника, один из которых отнесен к концу II тыс. до н.э., второй – к эпохе раннего железа. Он расположен в 700–800 м к С от с. Бетти-Мохк, справа от небольшой балки. На нем были доследованы 2 погребения, отнесенные раскопщиком к середине I тыс. до н.э. В отчете памятник вначале назван «Бетти-Мохковским могильником № 1», затем – «Бетти-Мохковским могильником № 5». Согласно информации, размещенной в «Археологических открытиях» за 1975 г., первые два могильника обозначены как № 1 и 3, третий – без обозначения³⁰.

В том же году в ходе разведок памятников Северо-Восточного Кавказа, в том числе расположенных на территории Ножай-Юртовского и Шалинского районов Чечни, В.И. Козенковой были осмотрены погребальные памятники эпохи раннего железного века у с. Бачи-Юрт и Галайты. У с. Курчалой было осмотрено место нахождения грунтового погребения раннего железного века. Обряд неизвестен, из захоронения получен ряд находок³¹.

В том же году на территории Ахкинчу-Барзойского могильника X–VIII вв. до н.э., при нивелировке грунта для хозяйственных нужд, были потревожены 2 погребения. В месте их обнаружения был заложен разведочный раскоп, который позволил доследовать захоронения. В ходе опроса местного населения и осмотра прилегающей территории, в яме для выборки глины, в 11 м к северу от вышеуказанных погребений, были обнаружены остатки еще 2 захоронений: сохранились лишь разрозненные кости и ряд предметов заупокойного инвентаря. В отчете за 1975 г. приведены данные о доследовании 4 погребений в районе строительства частного дома и остатках еще 2 захоронений. В совместной статье В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева опубликованы материалы, полученные при обследовании территории могильника у с. Яман-Су, когда были доследованы остатки разрушенного погребения в каменном ящике. Авторы раскопок датировали вновь найденные погребения предскифским временем – VIII – первой половиной VII в. до н.э. В отчете и заметке в «Археологических открытиях» за 1975 г. данных о погребении нет³².

Согласно данным, опубликованным в сборнике «Археологические открытия» за 1977 г., в 700 м от городища Гумси-Корт, южной окраине г. Гудермеса, в ходе работ по прокладке дороги Гудермес-Курчалой было потревожено 2 погребения. Отряд ППАЭ ЧИГУ под руководством В.А. Петренко доследовал их, а также обнаружил еще 4 погребения, выявленных

в 3 разведочных раскопах. Дата могильника в отчетных материалах была определена в пределах II–IV вв. н.э., при публикации о некоторых предметах – II–III вв. н.э.

Тогда же В.А. Петренко и С.Л. Дударев открывают Ялхой-Мохковский могильник № 3, обнаруженный при прокладке дороги на окраине села и состоящий из каменных ящиков и гробниц с инвентарем второй половины VI–V вв. до н.э. На нем В.А. Петренко было доследовано 1 потревоженное погребение. Разведочным раскопом был найден ряд предметов из других разрушенных захоронений. Находки были и в следующем году, когда было найдено и почищено еще одно подобное же захоронение. Памятник получил обозначение «Ялхой-Мохковский могильник № 3». В самом селе, при нивелировании склона под строительство дома, было разрушено еще одно погребение в каменном ящике 2-й половины IV – начала III в. до н.э., также доследованное В.А. Петренко. Данный некрополь на момент его обнаружения был застроен современными постройками. Некрополь получил наименование «Ялхой-Мохковский могильник № 4». В районе с. Ахкинчу-Барзой был обнаружен новый могильник раннего железного века. Доследованы 2 погребения, дата – X–VIII вв. до н.э. Информация об этом присутствует только в заметке в «Археологических открытиях»; в отчете данных об этом могильнике нет³³. В 1978 г. Н.Н. Бараниченко в районе с. Шикарой произвел разведки, в ходе которых выявляется могильник из каменных ящиков, одно из них почищено. Ранее, в 1976 г., местными жителями в этом районе были найдены отдельные предметы погребального инвентаря. Дальнейших раскопок на памятнике не производилось³⁴.

В ходе разведок К.З. Ерзункаевой в 1980 г. в районе с. Бельты Ножай-Юртовского района был обнаружен могильник, на котором в охранном раскопе площадью 17 м², на месте обнаружения предметов из разрушенных погребений, найдены 5 захоронений, два из которых оказались разрушенными. Могильник датирован I–III вв.³⁵

В этом же году М.Х. Багаевым выявлен грунтовый могильник № 2 у с. Комсомольское. Некрополь располагался на правом берегу р. Гой и был обнаружен при ремонте дороги. Несколько погребений оказались разрушенными; из них происходят 6 сосудов, 2 из которых стали достоянием ученых. В этой зоне был заложен разведочный раскоп в виде 2 квадратов 4x4 м. Отчет сведений об обнаруженных погребениях не содержит.

На территории этого же села, в ходе хозяйственных работ, было разрушено погребение, из которого сделаны находки. Здесь же ранее были найдены многочисленные костные остатки; об обряде данных нет. Разведочный шурф других находок и захоронений не выявил, вероятно, в связи с небольшими размерами по площади (1x0,5 м) и глубине (0,8 м). Могильник № 4 отнесен к сарматскому времени³⁶.

В 1980 г. С.Л. Дударев в районе станции Джалка исследовал два погребения VI–V вв. до н. э. Площадь разведочного раскопа – 20 м². По данным С.Л. Дударева, а также Х.М. Мамаева, Р.Х. Мамаева и Е.И. Нарожного, – это Джалкинский грунтовый могильник № 2. Последние авторы считают, что памятник впервые был зафиксирован в виде случайных находок В.Б. Виноградовым в 1969 г. (могильник № 2), однако, судя по привязкам к местности, это еще один некрополь (№ 3)³⁷ эпохи раннего железного века в этой зоне.

Осенью 1980 г. 2-й отряд ППАЭ под руководством С.Л. Дударева произвел разведочно-спасательные раскопки на случайно открытом при производстве земляных работ грунтовом могильнике у с. Майртуп Шалинского

района, получившем порядковый № 2. Здесь было разрушено не менее 10 погребений, из которых происходит разнообразный инвентарь. Несколько захоронений оказались потревоженными. В этот год было изучено 10 погребений и погребальных комплексов. В 1981 г. раскопки были продолжены. Всего на могильнике в 2 раскопах площадью 62 м² исследованы 20 погребений, отнесенных к 2-м хронологическим периодам: не позднее рубежа II–I тыс. до н.э. и начала I тыс. до н.э. Некоторые материалы последней, по мнению раскопщика, характеризуют собой самое начало перехода к железному веку на территории плоскостного Притеречья³⁸. В 1981 г. на юго-западной окраине с. Майртуп, при прокладке траншеи был найден новый грунтовый могильник № 3. При этом разрушается не менее 10 погребений, дата – VII–V вв. до н.э., культурная принадлежность – позднекобанская. По данным, опубликованным в сборнике «Археологические открытия», его в том же году его обследовал С.Л. Дударев. В отчете, подготовленном в 1987 г. приведены сведения о его расположении и даны описания предметов из разрушенных погребений, хранящихся в местной школе. Описаний произведенных разведочных работ на могильнике текст отчета не содержит³⁹.

Согласно сведениям, размещенным в «Археологических открытиях» за 1982 г., у с. Замай-Юрт Ножай-Юртовского района был открыт и частично исследован разрушенный при строительстве могильник из каменных ящиков и коллективных гробниц, функционировавший со 2-й половины II тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э. Краткая информация о разрушенном могильнике присутствует в отчете В.Б. Виноградова за 1984 г. О числе изученных погребений сведений нет, перечислен лишь ряд предметов, найденных в них⁴⁰.

В том же году С.Л. Дударевым у с. Майртуп зафиксирован новый грунтовый могильник. Из разрушенных погребений сделан ряд случайных находок. Памятник отнесен к позднекобанским древностям и датирован VII–V вв. до н.э. В отчете В.А. Петренко за этот год упомянут Майртупский могильник № 4, обнаруженный в 6 км от села, возле МТФ. Об обряде сведений нет, перечислены только случайно найденные предметы X–VII вв. до н.э. Судя по перечню находок, это разные могильники. В то же время, в отчете С.Л. Дударева за 1981 г. этот могильник (№ 4) уже был представлен как найденный в 7 км к северу от села на молочно-товарной ферме, когда при закладке траншеи были разрушены несколько грунтовых погребений. Перечни находок, приведенные в обоих отчетах, разнятся. Датировка могильника – начало I тыс. до н.э.⁴¹ В 1983 г. на С окраине с. Зандак при nivelировке грунта для строящегося здания был открыт новый могильник (№ 2), где было доследовано 2 погребения. Дата функционирования – IX–VIII вв. до н.э. (без уточнения), данных об обряде нет, в отчете приведены только описания находок⁴².

В 1984 г. на северо-восточной окраине с. Курчалой при рытье канавы было разрушено много грунтовых погребений, 2 из которых были доследованы. Из разрушенных захоронений был извлечен ряд предметов, время функционирования – ранний железный век (без уточнений)⁴³.

В том же году М.Х. Багаевым на склоне левого берега р. Искерка, на южной окраине с. Майртуп, в 200–250 м от него, был открыт могильник, названный им «Могильник «В»». Памятник выявлен в ходе работ по прокладке водопровода, когда было разрушено несколько погребений, откуда извлечен ряд находок. Об обряде сведений нет. Заложённая разведочная траншея 8х0,6 м и 2 прирезки позволили выявить 1 грунтовое погребение.

Дата погребения, приведенная в отчете, – конец первой половины I тыс. до н.э., точнее – VII в. до н.э.; могильник отнесен к кобанским древностям⁴⁴.

В 1985 г. 2-й отряд ЧИГУ и ЧИНИИ, под руководством В.А. Петренко, на восточной окраине с. Курчалой Шалинского района исследовал обширный могильник № 2, расположенный на правом берегу р. Гумс (в публикации «Археологических открытий» за 1985 г. указана р. Хумык). В раскопе площадью 20 м² на глубине 1 м были найдены 4 погребения. Дата – VI–IV вв. до н.э. Тогда же им же на территории Майртупского могильника № 3 была произведена зачистка стенок траншеи, вырытой местными жителями для хозяйственных нужд. На глубине 1 м были найдены 2 погребения, датированные V–IV вв. до н.э.⁴⁵ В 1986 г. Е.И. Нарожный произвел разведки в Ачхой-Мартановском районе, когда на территории вновь открытого Самашкинского катакомбного могильника № 1 были обнаружены 2 потревоженных грунтовых погребения. Могильник находился в 2 км от восточной окраины с. Самашки, у грунтовой дороги, вдоль правого высокого берега р. Сунжи. Погребения (№ 6 и 7) были частично потревожены при осыпании береговой линии и местными жителями; обряд погребения не установлен. По инвентарю памятник был отнесен к «скифскому времени» (без уточнения датировки). Материалы отчета содержат информацию и о втором грунтовом могильнике раннежелезного века, расположенного в этой же зоне, в овраге, где местными жителями было обнаружено разрушенное погребение. Разведочные раскопки на данных памятниках не производились⁴⁶.

В 1989 г. к северу от автодороги Шали-Гудермес были зачищены 3 пятна заполнения погребений и найдена камера катакомбы. По отдельным находкам могильник датирован III–V вв. н.э. Здесь тогда же были зафиксированы фрагменты погребальной конструкции (ровик) и дромос катакомбы № 2, прорезавший хозяйственную яму на поселении. В отчете и в первой публикации 2004 г. могильник, как и поселение, получили наименование «3-й километр», в работе 2012 г. – памятник был назван «Гумси-Кортовским (катакомбным) могильником № 2»⁴⁷.

В 2013 г. ООО «Археологическое общество Кубани» были произведены разведки на территории Курчалоевского и Гудермесского районов Чеченской Республики. В районе с. Кошкельды, у южного края полотна автодороги М – 29 «Кавказ», был обнаружен грунтовый могильник, получивший обозначение «Кошкельдинский грунтовый могильник № 2». На территории могильника был заложен разведочный шурф и прирезка, которые позволили выявить разрушенное перекопами погребение. Форма могильного сооружения не установлена. Костяк – первоначально вытянут, лежал на спине, головой на юго-восток. В инвентаре – керамическая кружка. При предварительной публикации могильник сближен с памятниками андрейяульского круга и датирован I–III вв. н.э.⁴⁸

В качестве некоторых выводов по данному подразделу отметим следующее. Грунтовые могильники горно-предгорной зоны редко становились объектами специализированных широкомасштабных разведочных работ. Их обнаружение, в основном, было связано с производственной деятельностью местного населения и обычно завершалось дочисткой уже выявленных захоронений. Лишь некоторые из вновь найденных некрополей в дальнейшем подвергались раскопкам большими площадями. Чаще всего, дальнейшие разведочные работы на памятниках сводились к незначительным раскопкам, в основном – с помощью разведочных раскопов или

траншей. В результате, в большинстве могильников оказывались изученными по несколько (редко – более 5) погребений. Часто это было связано с ограниченностью времени и материальных ресурсов, а также спецификой данного вида научных изысканий. Кроме того, для каждого этапа в их изучении были характерны свои особенности. Так, за период с 1887 по 1917 гг. в ходе специализированных поисков было найдено всего 2 памятника, что было связано с редким посещением исследователями изучаемой нами территории, отсутствием научных коллективов, нацеленных на их изучение, а также материальных средств. Х.М. Мамаев и Р.Х. Мамаев отмечают, что для периода второй половины 40-х – первой половины 50-х гг. XX в., после ликвидации ЧИАССР в 1944 г., для изучаемой территории была характерна смена и резкое сокращение численности населения. В свою очередь, это приводило к уменьшению объемов сельскохозяйственной деятельности, в ходе которой, как правило, и открывались новые погребальные памятники⁴⁹. До конца 50-х гг. в Чечне был найден только 1 грунтовый некрополь. После начала широкомасштабных работ СКАЭ ситуация разительно изменилась. Так, за 1958–1959 гг. было найдено 3 памятника, с 1961 по 1969 гг. (год завершения активной работы экспедиции Е.И. Крупнова) – 16. В дальнейшем, этими объектами продолжили заниматься его ученики и соратники, работавшие в различных научных и образовательных учреждениях ЧИАССР. Ими с 1970 по 1976 г. (год образования ППАЭ, руководитель – В.Б. Виноградов), а также М.Х. Багаевым, были обнаружены 10 новых могильников. Наибольшая активность по их выявлению приходится на период с 1975 по 1985 гг., когда достоянием науки стали сведения еще о 22 объектах. С началом деятельности археологической лаборатории НИСа ЧИГУ (1986 г.) количество открытых грунтовых могильников раннего железа резко пошло на убыль: за 3 года (по 1989 г. включительно) было открыто только 3 новых памятника. За последующие годы в ходе специализированного поиска древностей (археологических разведок) был найден лишь 1 объект (2013 г.). Такое положение связано, прежде всего, с последствиями событий 1992–2000-х гг., когда археологические кадры выехали за пределы республики, и полевых исследований на территории Чечни практически не велось. За исключением редких случайных находок из случайно обнаруженных и разрушенных погребений, за период с 1992 по 2012 гг. сведений об открытых могильниках нет.

Анализ имеющегося материала показывает, что вновь выявленные памятники в дальнейшем достаточно редко становились объектами последующих широкомасштабных и разновременных работ. В отчетах 50–70-х гг. XX в. они представлены схематическими планами – схемами, изредка – чертежами погребений, чаще – рисунками предметов и их кратким описанием. В дальнейшем, в связи с изменениями, внесенными в подготовку полевых отчетов, сведения стали более детальными, однако подробностей по их обнаружению все еще было немного. В настоящее время точное место обнаружения большинства из этих памятников может быть установлено только после дополнительных работ.

Динамика нахождения памятников может быть скоррелирована с формированием научно-исследовательских коллективов и ростом интереса к древностям раннего железного века со стороны региональных исследователей. Кроме того, следует отметить и географический фактор: большинство открытий грунтовых некрополей приходится на территорию Юго-Восточной Чечни, где концентрация объектов данного времени является

наиболее значительной, по сравнению с другими территориями. На наш взгляд, важную роль сыграли и личные контакты местной интеллигенции, краеведов с республиканскими археологами, установленные и развитые в годы деятельности в крае СКАЭ под руководством Е.И. Крупнова, которые в дальнейшем были расширены в ходе многолетних и успешных изысканий ППАЭ под руководством В.Б. Виноградова. Постоянный профессиональный интерес к памятникам предгорно-горной зоны края со стороны М.Х. Багаева позволил исследователю открыть и изучить ряд интересных некрополей эпохи раннего железного века. В настоящее время поиск и изучение погребальных памятников в Чечне происходит в рамках проведения проектно-изыскательских работ на территориях, отводимых под хозяйственное освоение, а также в связи с деятельностью вновь образованного центра археологических исследований Института гуманитарных исследований АН ЧР.

Примечания

1. *Сорокина И.А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008. 244 с. С. 63.
2. Инструкция к Открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. М.: Наука, 1958. С. 2, 5–6.
3. *Авдусин Д.А.* Археологические разведки и раскопки. М., 1959. 314 с. С. 86.
4. Инструкция к Открытому листу на право производства археологических раскопок и разведок. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Наука, 1963. С. 3. П. 2.1.
5. Инструкция к Открытым листам на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. М.: Наука, 1984. С. 5. П. 22.
6. Положение об Открытых листах на право производства археологических разведок и раскопок, выдаваемых Институтом археологии Академии наук СССР. М.: Наука, 1991. С. 7. П. 20; Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах. М.: Наука, 2001. С. 13. П. 5.5.
7. *Семенов Н.С.* Заметка о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах // Отдельный оттиск газеты «Терские ведомости» за 1890 г. С. 4; Терские ведомости. 1989. № 76, 81, 83, 87.
8. ОАК за 1902 г. СПб., 1904. С. 102; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР (материалы к археологической карте). Грозный, 1963. С. 104; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. С. 54. № 101.
9. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Армавир, 1999. С. 4, 6; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С. 64.
10. Полный научный отчет СКАЭ 1958 г. М., 1959 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 1818; *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции 1958 г.) // КСИА. М., 1961. Вып. 84. С. 59.
11. *Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2002. Вып. II. С. 12; С. 128–131.
12. *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА-84. М., 1961. С. 60; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 102–103.
13. *Крупнов Е.И.* Отчет о работах СКАЭ 1958 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 1818.
14. *Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И.* Отчет о работе Предгорного отряда // *Марковин В.И., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Крупнов Е.И.* Полный научный отчет СКАЭ о работах в Чечено-Ингушетии в 1959 г. М., 1960. Р-1. № 2018.

15. *Крупнов Е.И.* Отчет об археологических работах СКАЭ в 1960 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2185, 2185 «а»; *Марковин В.И.* Отчет об археологических работах СКАЭ 1961 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2320, 2320 «а»; *Марковин В.И.* Отчет о работе СКАЭ 1962 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2459, 2459 «а»; *Марковин В.И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА-93, М., 1963. С. 67–68; *Он же.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА-96. М., 1964. С. 88. *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Могильник Яман-Су на границе Чечни и Дагестана // АЭС. Грозный, 1968. Т. II. С. 153–205; *Марковин В.И.* Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС. Грозный, 1966. Т. I. С. 131; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники., С. 104; *Мунчаев Р.М.* Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА-84. М., 1961. С. 60–61. Рис. 8,4–12.

16. *Мамаев Х.М., Нарожный Е.И.* Археологические материалы из кургана у станции Ильинская в Чечне // Вестник АН ЧР. № 1(18). Грозный, 2013. С. 134–135, 142, 144; С. 138. Рис. 2,4–7; С. 139. Рис. 3,1–3, 12–5. С. 140. Рис. 4,1; С. 141. Рис. 5,1.

17. *Марковин В.И.* Работы нагорного (Аргунского) отряда – в составе: Полный научный отчет о работах объединенной СКАЭ, проведенной летом 1961 года // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 2320; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники... С. 108.

18. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Полный научный отчет о работе 4 отрядов СКАЭ 1965 года. М., 1966 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3122; *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Грозный, 1969. Т. III. С. 95–97, 99; *Виноградов В.Б.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1956 году // АЭС. Грозный? 1968. Т. II. С. 206. С. 215. Рис. 1,4–8; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня) // АЭС. Т. III. С. 37–55; *Крупнов Е.И.* Новое в изучении древней истории Северного Кавказа // АО. 1965 г. М., 1966, С. 36.

19. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Полный научный отчет о работе 4 отрядов СКАЭ 1965 года. М., 1966 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3122; *Крупнов Е.И.* Новое в изучении древней истории Северного Кавказа // АО. 1965. М., 1966. С. 35; *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня) // АЭС. Грозный, 1969. Т. III. С. 53–55.

20. *Виноградов В.Б.* Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ за 1966 год – в составе: Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Полный научный отчет о работах СКАЭ летом 1966 г. М.; Грозный, 1967 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3293; *Крупнов Е.И., Марковин В.И., Козенкова В.И., Мунчаев Р.М., Виноградов В.Б.* Северо-Кавказская экспедиция // АО. 1966 г. М., 1967. С. 63.

21. *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Умаров С.Ц.* Полный научный отчет Северокавказской археологической экспедиции о работах 1967 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 3450. С. 37–48; *Виноградов В.Б., Козенкова В.И., Крупнов Е.И., Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северо-Кавказская экспедиция // АО. 1967 г. М., 1968. С. 66; *Виноградов В.Б.* Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 3–45; *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня) // СА. 1974. № 1. С. 171–180. Рис. 1–4; *Виноградов В.Б.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1970. № 3. С. 204–208.

22. *Багаев М.Х., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц.* Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии // АО. 1968. М., 1969. С. 87; *Крупнов Е.И., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., Багаев М.Х.* Полный научный отчет о полевых работах СКАЭ на территории Чечено-Ингушской АССР в 1968. г. М., 1969 г. // архив ИА АН РАН. Р-1. № 3757.

23. *Виноградов В.Б.* Отчет 1-го отряда археологической экспедиции ЧИНИИ о полевых работах 1969 года, произведенных в Юго-Восточной Чечне с 25 июня по 17 августа. Грозный, 1970 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 4668; *Он же.* Раскопки памятников раннего периода железного века в Чечено-Ингушетии // АО. 1969 г. М., 1970. С. 96–97; *Он же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 65; *Дударев С.Л.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 55; *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. М.,

1977. Вып. В2–5. С. 56. № 135; *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И.* Археологические памятники Гудермесского района ЧР (материалы к археологической карте) // Вестник Академии Наук Чеченской Республики. Грозный, 2012. № 1 (16). С. 123.

24. *Даутова Р.А., Петренко В.А.* Новые археологические памятники в Чечне // АО. 1972 г. М., 1973. С. 123–124.

25. *Петренко В.А., Даутова Р.А., Виноградов В.Б.* Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции ЧИНИИИЯЛ за 1972 г. Грозный, 1973 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 4930.

26. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973. Архив ИА РАН. Р-1. № 4979, 4979 «а»; *Они же.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО. 1973 г. М., 1974. С. 101–103; *Дударев С.Л.* Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) // СА. 1976. № 1. С. 257–261.

27. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М.* Отчет об археологических раскопках, разведках, и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. Грозный, 1975 // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 5366.

28. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л., Мамаев Х.М.* Отчет об археологических раскопках, разведках, и находках в Чечено-Ингушетии в 1974 году. Грозный, 1975 // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 5366; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО. 1974 г. М., 1975. С. 102.

29. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л.* Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1, № 5460, 5460 «а»; *Петренко В.А., Дударев С.Л.* Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО. 1975 г. М., 1976, С. 142–143.

30. *Багаев М.Х.* Отчет отряда археологической экспедиции ЧИГУ в 1975 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 5835, 5835 «а»; *Он же.* Раскопки у с. Бетти-Мохк // АО. 1975 г. М., 1976. С. 111.

31. *Козенкова В.И.* Отчет о полевых исследованиях Чечено-Ингушской экспедиции 1975 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 5851, 5851 «а»; *Она же.* Работы Чечено-Ингушской экспедиции // АО. 1975 г. М., 1976. С. 127.

32. *Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л.* Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 году, произведенных археологической экспедицией ЧИГУ и РДЭС. Грозный, 1976 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 5460; *Виноградов В.Б., Дударев С.Л.* Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии // СА. 1979. № 1. С. 161–170.

33. *Петренко В.А.* Отчет о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1978 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 6798; *Он же.* Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. М., 1978. С. 136–137; *Он же.* К вопросу об этническом составе поселений плоскости Среднего Притеречья в сарматское время // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. Грозный, 1983. С. 59; *Он же.* Хронология погребального инвентаря сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) из могильников Юго-Восточной Чечни // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 35. С. 38. Табл. 1, 7, 3; С. 39. Табл. 2, 52; *Петренко В.А.* Отчет об археологических работах на территории ЧИАССР 1-го отряда ППАЭ ЧИГУ им. Л.Н. Толстого 1978 г. Грозный, 1979 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 7368.

34. *Бараниченко Н.Н.* Отчет о результатах полевых исследований за 1978 год 5-го отряда ППАЭ ЧИГУ. Грозный, 1979 г. // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 7323; *Она же.* Разведки в горной Чечено-Ингушетии // АО. 1978 г. М., 1979. С. 113.

35. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Чахкиев Д.Ю., Савенко С.Н., Ерзункаева К.З.* Сводный отчет о полевых исследованиях в 1980 году // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 7768; *Ерзункаева К.З.* Работы в Юго-Восточной Чечне // АО. 1980. М., 1981. С. 102.

36. *Багаев М.Х.* Отчет об археологических раскопках и разведках у сел. Комсомольское Урус – Мартановского района (ЧИАССР) в 1980 году // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 8218.

37. *Дударев С.Л.* Отчет о работах 2-го отряда ППАЭ в Чечено-Ингушской АССР и Ставропольском крае в 1980-е. Грозный, 1981. *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Чахкиев Д.Ю., Савенко С.Н., Ерзункаева К.З.* Сводный отчет о полевых исследованиях в 1980 году // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 7768; *Дударев С.Л.* Работы в Чечено-Ингушетии и Пятигорье // АО. 1980. М., 1981. С. 101; *Он же.* Очерк древней культуры Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. Табл. 42–44; *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И.* Археологические памятники Гудермесского района ЧР. С. 123.

38. *Дударев С.Л.* Отчет о работах 2-го отряда ППАЭ в Чечено-Ингушской АССР и в Ставропольском крае в 1980 г. Грозный, 1980 г. *Дударев С.Л., Виноградов В.Б., Савенко С.Н., Ерзункаева К.З.* Сводный отчет о полевых исследованиях (ЧИАССР, Ставропольский край) в 1980 г. Грозный, 1981 // Архив ИА АН РАН. Р-1. №№ 7768, 7768 «в», 7768 «г»; *Дударев С.Л.* Отчет о работах 3-го отряда ППАЭ ЧИГУ и ЧИНИИСФ в ЧИАССР в 1981 г. Грозный, 1987 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 11288; *Дударев С.Л.* Исследование могильников у с. Майртуп // АО. 1981. М., 1982. С. 116; *Даутова Р.А., Дударев С.Л., Власова Т.Н.* К изучению материалов рубежа II–I – начала I тыс. до н.э. из плоскостной Чечено-Ингушетии // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 64–69.

39. *Дударев С.Л.* Отчет о работах 3-го отряда ППАЭ ЧИГУ и ЧИНИИСФ в ЧИАССР в 1981 году. Грозный, 1987 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 11288; *Он же.* Исследование могильников у с. Майртуп // АО. 1981. М., 1982. С. 117.

40. *Виноградов В.Б.* Могильники Юго-Восточной Чечни // АО. 1982. М.? 1984, С. 111–112; *Он же.* Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника и Ялхой-Мохковского 3-го могильника в 1984 году // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 10477.

41. *Дударев С.Л.* Отчет о работах 3-го отряда ППАЭ ЧИГУ и ЧИНИИСФ в ЧИАССР в 1981 году // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 11288; *Он же.* Исследование могильников у с. Майртуп // АО. 1982. М., 1984. С. 117; *Петренко В.А.* Отчет о разведках и раскопках в долине р. Гумс (Чечено-Ингушетия) // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 8990.

42. *Виноградов В.Б.* Раскопки в Ичкерии // АО. 1983. М., 1985. С. 111; *Виноградов В.Б.* Отчет о раскопках Бельтинского могильника № 2 в 1983 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 9362.

43. *Виноградов В.Б.* Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника и Ялхой-Мохковского 3-го могильника в 1984 году. Грозный, 1985 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 10477; *Он же.* Могильники в Чечне // АО. 1984. М., 1986. С. 93.

44. *Багаев М.Х.* Отчет об археологических работах в окрестностях селения Майртуп Шалинского района ЧИАССР летом 1984 г. Грозный, 1985 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 10388.

45. *Петренко В.А.* Отчет о разведках и раскопках 2-го отряда ППАЭ в Ножай-Юртовском и Шалинском районах в 1985 г. // Научный архив ИА АН РАН. Р-1. № 11771; *Он же.* Работы в Юго-Восточной Чечне // АО. 1985. М., 1987. С. 151–152.

46. *Нарожный Е.И.* Отчет об археологических разведках в Ачхой-Мартановском районе ЧИАССР // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 11540.

47. *Нарожный Е.И.* Отчет об итогах охранно-спасательных археологических исследований на Гудермесском поселении (Гудермесский район) в Чечне, проводившихся в 1989 году // Архив центра археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета; *Малашев В.Ю., Мамаев Х.М.* Алхан-Калинский могильник (материалы раскопок 1937–1938 гг.) // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный–М., 2011, С. 246; *Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н.* Новые археологические памятники из Гудермесского и Ачхой-Мартановского районов (Чечня) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2004. Вып. 3. С. 207–209; Рис. 2; Рис. 4; С. 218. Рис. 3, 1–5; Рис. 4; *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И.* Археологические памятники Гудермесского района ЧР. С. 125.

48. *Давудов Ш.О., Мамаев Х.М., Козорезов А.А.* Археологические разведки в Гудермесском районе Чеченской Республики (предварительное сообщение) // Вестник АН ЧР. 2014. № 2 (23). С. 58; С. 59. Рис. 1; С. 60. Рис. 2 и 3; С. 61.

49. *Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х.* Археологические исследования в Чечне во второй половине 40 – первой половине 50-х гг. XX в. // РА. 2013. № 4. С. 165.

S.B. BURKOV

**THE FIELD WORKS AT THE BURIAL GROUNDS
OF THE EARLY IRON AGE ON THE TERRITORY OF CHECHNYA**
(end XIX – beginning XXI c.c.)

The article is dedicated to the history of detecting of the burial grounds of the Early Iron Age on the territory of Chechnya. It is the first experience of summarizing the data on the archaeological excavations of the end of XIX – beginning of XXI century. The article provides information collected from the published scientific articles and the archived reports, which are not easy accessible for the researchers. It also indicates stages of the research of this type of the archaeological sites, lists the sites' characteristic features, and the results of the studies of different researchers and field works.

Keywords: The burial grounds, the burials, the field works at the archaeological sites, the Early Iron Age, the reports, the data resources, the archaeological researches.

УДК – 904(470.638)

*А.В. Данилов,
В.А. Фоменко*
(г. Есентуки, г. Нальчик)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРЕН И ЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОДАХ В 1902 г.

В статье приведены краткие био-библиографические данные о незаурядном российском исследователе (историке, филологе и археологе) А.Н. Грене. Публикуется также краткий отчет о его археологических поисках в окрестностях Железноводска, Пятигорска и Кисловодска в 1902 г.

Ключевые слова: Северный Кавказ, район Кавказских Минеральных Вод, древние поселения, гора Бештау, кабардинские курганы, погребения с соколами.

В газете Кавказские Минеральные Воды один из авторов настоящего доклада нашел статью, подписанную А. Греном, где рассказывалось об археологических работах, проведенных в нашем районе в 1902 г. Эта газетная статья является популярным историко-археологическим очерком, хотя носит название «Фельетон»¹. Тем не менее она представляет определенный научный интерес, несмотря на стиль изложения и отсутствие у А. Грена необходимых знаний о раскопках его предшественников на КМВ. Прежде всего, бросаются в глаза его очень далекие от истины представления о масштабных раскопках 1881–1882 гг. Д.Я. Самоквасова². Ценность статьи А. Грена в том, что он хотя бы чуть-чуть приоткрыл завесу времени о частых любительских раскопках и кладоискательстве в нашем регионе в конце XIX и начале XX в., а также описал некоторые уникальные археологические памятники, которые к нашему времени утрачены полностью или в значительной степени. Интересно, что в своем очерке А. Грен весьма кратко, но отчетливо критически сообщает и о раскопках В.Р. Апухтиным старокабардинских курганов в станице Горячеводской, проводившихся, очевидно, в том же 1902 г.

В 2007 г. на конференции в Пятигорском краеведческом музее А.В. Даниловым был прочитан наш совместный доклад о раскопках А.Н. Грена 1902 г. на Кавминводах с комментариями, т. е. краткой современной характеристикой тех археологических объектов, которые исследователь частично раскапывал, осматривал или сообщил в публикации какую-либо ценную информацию. Но текст этого доклада не был опубликован. Особую ценность, на наш взгляд, представляют раскопки старокабардинского курганного могильника у колонии Николаевской (современный поселок Иноземцево). Курганы небольшие, но весьма многочисленные. Здесь А.Н. Грен раскопал 8 насыпей и опубликовал их краткие описания. Курганы у колонии Николаевской, исследованные А. Греном, похожи на курганы XV–

XVII вв., раскопанные в этой местности Д.Я. Самоквасовым в 1881 году, но все же заметно отличаются в погребальном обряде. Например в курганах 1, 2, 6, 7 зафиксировано нахождение в погребении скелета сокола. Надеемся в дальнейшем посвятить этим курганам отдельную публикацию.

Настоящая статья в основном посвящена био-библиографическим данным о А.Н. Грене. Опубликованные до нас сведения в ряде случаев противоречивы и не опираются на какие-либо документы. Так, в изданном в 1923 г. справочнике об А.Н. Грене сообщалось следующее: «Лингвист-этнограф Зырянского края. Родился на Кавказе в 1862 г. Был инспектором народных училищ Тифлисской губернии и то же время изучал кавказские языки. С 1892-го был приват-доцентом Харьковского и Киевского университетов. С 1913-го – преподавал на Черняевских курсах в Санкт-Петербурге и был редактором журнала «Вестник знания». С 1918-го преподаватель Вологодского пединститута, а с 1922-го – преподаватель Устьсысольского ПИНО. Совершил 3 экспедиции в Зырянский край с этнографической целью и в 1922 г. основал «Об-во для изучения Коми-края» в г. Устьсысольске³. Более полные и достоверные данные об А.Н. Грене были опубликованы Р.А. Ощурковой в справочнике «Профессора Пермского государственного университета»⁴.

Вполне внушающие доверие материалы из личного дела, в т.ч. биография («*Curriculum vitae*») историка и филолога Алексея Николаевича Грена в середине 2000-х гг. были опубликованы на сайте Пермского государственного университета. В дальнейшем эти материалы были удалены, и единственным, наиболее полным биографическим описанием стала заметка, написанная краснодарским этнографом И.В. Кузнецовым⁵. Совсем недавно И.В. Кузнецовым был прочитан доклад «Разделенные рекой» (к истории кавказоведения на Северо-Западном Кавказе) на конференции «Древняя и средневековая культура адыгов» в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований (Нальчик, 17.10.2013)⁶. В докладе сообщалось о екатеринодарском (краснодарском) периоде деятельности А.Н. Грена.

Суммируя знакомые нам публикации, ниже приводим свой вариант биографии выдающегося исследователя.

Грен Алексей Николаевич родился 5 декабря 1862 г. в Екатеринбурге в семье полковника из дворян. Получил высшее образование в Санкт-Петербургском университете, прослушав курс лекций на двух факультетах. В 1885 г. А.Н. Грен завершил обучение на факультете восточных языков (магистр истории Востока), а в 1886 г. – на естественно-историческом, после чего, по его словам, «непродолжительное время состоял помощником консерватора азиатского музея, где привел в порядок армянский, грузинский, еврейский отделы».

В 1885–1886 гг. преподавал в Екатеринодарском пединституте историю религий, кавказоведение, историю адыгов, общее языкознание. В автобиографии говорится: «Как специалист по антологии звука, я был в 1886 г. командирован Академией наук в Мингрелию для составления мингрельского алфавита, что и было мною выполнено. Затем состоял инспектором народных училищ сначала Тифлисской губернии, а затем Терской области на Кавказе; во время своего пребывания на этой должности составил сванетский алфавит, написал сравнительную грамматику картвельских наречий и записал до 4000 народных произведений кавказских народов».

В 1887 г. – инспектор народных училищ Тифлисской губернии. В Тифлисе стал активным автором «Сборника материалов для описания местностей

и племен Кавказа», собрав около четырех тысяч текстов из разных районов Кавказа. Часть текстов, в частности, сванские и чечено-ингушские тексты были опубликованы. Публикации А.Н. Грена в сборниках Общества летописца Нестора при Киевском университете дают основание предполагать, что в последней четверти XIX в. а он также был членом этого Общества.

В 1891–1904 гг. А.Н. Грен состоял приват-доцентом в Харьковском, затем Киевском университетах. В Киеве же редактировал журнал «Россия и Азия». В начале XX столетия в университетских «Известиях» он поместил некоторые из своих исследований, как, например, «Историю Кавказа» и «Историю династии Багратидов».

В 1903 г., находясь на Кавказских Минеральных Водах, Алексей Николаевич Грен, увлекавшийся спиритизмом, читал лекции в Кисловодске⁷. С 1904 г. по 1913 г. он был лишен права на педагогическую деятельность за «поддержку инородцев» на Кавказе. В 1904–1905 гг. А.Н. Грен проводит археологические работы в Дагестанской области. В своем отчете он отмечал: «В Хасавюртовском округе, в местности между с. Эндери (Андрейаул) и Хасавюртом, целая масса остатков старины»⁸. Он дает описание одиночных курганов и целых групп, раскопанных им вдоль рек Акташа и Ярыксу, Эгиз-тюбе (Балтаяк-тюбе, Актю-тюбе). Грен также отмечает и бытовые памятники, в том числе Андрейаульское городище, на котором он заложил небольшую разведочную траншею⁹. Раскопки А.Н. Грена в Дагестане явились первой попыткой исследования хазарских древностей в этой местности. Археолог активно сотрудничал с исследователями Кавказа. Так, он передал флигель-адъютанту Хан-Гирею для печати в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» статью «Князь пшъской Аходягоко»¹⁰.

С 1913-го по 1918 г. ученый преподавал в различных учебных заведениях Санкт-Петербурга (например, на Черняевских курсах) и Москвы, читал курсы лекций по истории, антропологии, истории педагогики и дидактики. В эти же годы Алексей Николаевич посетил Берлинский и Лондонский университеты, Парижскую школу живых восточных языков, побывал в Индии, Египте, Месопотамии. В своих работах по Востоку А.Н. Грен проводил сравнение египетского и некоторых кавказских языков.

Алексей Николаевич Грен также занимался издательской деятельностью. После 1904 г. А.Н. Грен издавал и редактировал журнал «Россия и Азия», после 1913 г. редактировал журнал «Вестник знания».

Революция и последовавшие за ней события привели Грена в Вологду. В 1918 г. он был избран советом Вологодского педагогического института на должность лектора по целому ряду гуманитарных дисциплин. Но уже в 1921 г. он подал заявление с просьбой об освобождении от педагогической деятельности, мотивируя это назначением профессором грузинского языка в Институте живых восточных языков в Москве. Заявление было удовлетворено. Однако в начале 1922 г. он внезапно

появляется в Усть-Сысольске в качестве лектора Коми института народного образования. С 1918-го по 1926 г. А.Н. Грен – профессор Вологодского пединститута, Усть-Сысольского техникума повышенного типа им. Ленина и Краснодарского пединститута.

В августе 1919 г. Алексей Грен производил археологические рекогносцировочные раскопки на песчаных дюнах реки Вычегды¹¹. В мае 1922 г. в Усть-Сысольске А.Н. Грен основал Общество изучения Коми края, был его первым председателем правления¹². С 90-х гг. XX столетия в Республике Коми Общество изучения Коми края воссоздано вновь.

В 1923–1924 г. в Кубанском пединституте была организована кафедра краеведения, заведующим которой стал Алексей Николаевич. Грен сетовал к организации «для педагогической и научной подготовки молодых черкесов секцию изучения адыгейской и общечеркесской культуры и языка, с организацией при ней кабинета адыгейской культуры...»¹³. Как профессор Краснодарского пединститута он читал студентам историю религий, кавказоведение, историю адыгов, общее языкознание.

В середине 20-х гг. Грен стал инициатором латинизации Коми края, для чего в 1924 г. приготовил проект-обоснование по этому вопросу¹⁴. В 1930 г. его предложения были утверждены Постановлением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома Коми. В 1925 г. А.Н. Грен внезапно покинул Общество изучения Коми края и Усть-Сысольск¹⁵.

В 1925–1926 учебном году решается вопрос о работе А.Н. Грена в Пермском университете. Он был избран кандидатом на должность профессора кафедры языка и культуры коми, в июне 1926 г. утвержден НКП РСФСР в должности профессора по курсу «Язык и культура коми». В 1920-е гг. преподавал известному впоследствии поэту, лингвисту и переводчику В.И. Лыткину финский язык¹⁶. С 1926-го по 1927 г. – председатель комитета и заведующий коми-кабинетом Пермского государственного университета. Проработал в Перми недолго (01.10.1926–01.11.1927) и был вынужден оставить службу по болезни, ушел на пенсию. В 1920-е гг. А.Н. Грен передал свою археологическую коллекцию в областной музей (сейчас Национальный музей республики Коми). Собранную А.Н. Греном «Коллекцию зырянских текстов», по его словам, профессор Богданов поместил в Румянцевскую библиотеку в Москве.

Дата смерти в биографиях А.Н. Грена обычно не указывается, в одном случае указан 1932 г.

Приложение 1

КРАТКИЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ И НАУЧНЫХ РАБОТ А.Н. ГРЕНА

Грен А.Н. Теория Бертрана о приморском положении дольменов и каменные ящики Мцхета // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1879. Т. 12.

Грен А.Н. Албания греков и Агвания армянских авторов // Кавказ. Тифлис, 1886. № 15.

Грен А.Н. Где жили народы Буртасы и где находился центр Хазарского каганата – Итиль? // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1889. Т. 13.

- Грен А.Н.* Сванетские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1890. Вып. 10. С. 76–160.
- Грен А.Н.* Библиографический список карт, картин, сочинений и статей, относящихся к Терской области // Терский сборник. Владикавказ, 1891. Вып. 2. Кн. 2. Отд. 2.
- Грен А.Н.* Новые варианты сюжета о Полифеме. Грузинский вариант // Этнографическое обозрение. М., 1891. № 2. С. 202–208.
- Грен А.Н.* Династия Багратидов в Армении // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1893. Ноябрь. С. 52–139.
- Грен А.Н.* Закавказские иудеи. Историко-этнографический эскиз // Этнографическое обозрение. М., 1893. Кн. XVI. № 1. С. 129–134.
- Грен А.Н.* Поездка в Мингрелию. От Анаклии до Чабурхинджи // Вокруг света. М., 1893. № 18. С. 279–283.
- Грен А.Н.* Поездка в Мингрелию... // Вокруг света. М., 1893. № 19. С. 296–298.
- Грен А.Н.* Поездка в Мингрелию... // Вокруг света. М., 1893. № 20. С. 314–316.
- Грен А.Н.* Поездка в Мингрелию... // Вокруг света. М., 1893. № 21. С. 325–326.
- Грен А.Н.* Расы Древнего мира и их историческая характеристика (вступительная лекция по предмету истории Востока приват-доцента А.Н. Грена, читанная 6 сент. 1893 г.). Киев, 1893.
- Грен А.Н.* Краткий очерк истории Кавказского перешейка. Киев, 1895.
- Грен А.Н.* Сказки и легенды чеченцев, записанные в русском пересказе: Лингвистические заметки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 22–26.
- Грен А.Н.* Учебник истории Древнего Востока: Пособие для государственного экзамена в русских университетах. Киев, 1898.
- Грен А.Н.* Армения: историко-литературный сборник по географии, истории и литературе армянского народа. Киев, 1899.
- Грен А.Н.* Двадцатый век: научно-литературный сборник для чтения и самообразования, выходящий два раза в год / Под редакцией приват-доцента Киевского университета А.Н. Грена. Киев, 1900. Вып. 1.
- Грен А.Н.* Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении // Кавказские Минеральные Воды. 1902. № 127, 129.
- Грен А.Н.* Информация // Отчеты археологической комиссии за 1902 г. СПб., 1904.
- Грен А.Н.* Отчет о командировке для раскопок и археологического исследования Хазарского каганата в Хасавюртовском округе Терской области // Известия археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 16. Прибавление.
- Грен А.Н.* Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области // Труды Московского археологического общества древности: Протоколы заседаний МАО за 1904–1905 и 1905–1906 гг. М., 1907. Т. XXI. Вып. II.
- Грен А.Н.* Зыряне и их народная литература // Жизнь национальностей. М., 1922.
- Грен А.Н.* Легенда о Рампсените на Крайнем Севере // Молодой Восток. М., 1922.
- Грен А.Н.* Зырянская мифология и Восток // Молодой Восток. М., 1922.
- Грен А.Н.* К вопросу о вымирании зырянского племени // Jугуб mij. 1922.
- Грен А.Н.* Культ солнца у зырян // Jугуб mij. 1922.
- Грен А.Н.* Шева (рассказ из зырянского быта) // Jугуб mij. 1922.
- Грен А.Н.* Зырянская мифология // Коми му. 1924. № 4–5.
- Грен А.Н.* Зырянская мифология // Коми му. 1925. № 7–10.

Рукописи:

Отчет о поездке в зырянский край. 1919 (5 толстых тетрадей в краеведческом кружке при Вологодском ПИНО).

«Зырянские этюды». 3 вып. 1923 (собр. народных текстов со словарем и комментариями).

На Крайнем Севере: Рассказы и сцены из жизни зырян.

«Ирнаб» – драма из зырянской народной мифологии в 8 картинах / Перевед. на зырянский язык Савиным, Лыткиным и Шаховым. Идет на сцене в Устьысольске, 1922.

Приложение 2

КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

На сравнительно небольшом пространстве, центром которого является гора Бештау, прихотливая природа раскинула целый ряд самых разнообразных минеральных источников, благодаря которым и вся местность носит название Кавказских Минеральных Вод. Эта местность почти одной из первых обратила на себя внимание нашего правительства, она считалась чуть ли не священной землею у местного черкесского населения, видевшего в нарзане напиток древних богатырей. Являясь потому несомненным, что если было когда-либо древнее население на Северном Кавказе, оно должно было несомненно сгруппироваться около тех же местностей. Ведь и в наших летописях не раз упоминается Пятигорье.

С такими мыслями я отправился на археологические разведки около горы Бештау, надеясь добыть хоть какие-либо крохи по древнейшей истории этой местности. Результаты находок совершенно оправдали все мои ожидания. Уже из расспросов местных жителей я успел заметить, что находки древностей – дело обычное в этой местности.

Так, жители Железноводской слободки указывали мне, что они при починке дороги из хутора на курорт неоднократно находили человеческие кости и бронзовые браслеты: один меня даже уверял, что у его знакомого имеется принесенный ручьем каменный молоток, вероятно, неолитического периода; находились и такие, которые уверяли, что в пещере на самой горе Бештау была найдена золотая шапка (шлем). Нашедшие говорили они, сплющили ее молотком и продали золотых дел мастеру в Пятигорск. В последнем пункте я слышал, как жители производили хищническую раскопку на горе Юца, причем был найден большой каменный подвал. В колонии Каррас указывали одного немца, живущего в колонии Николаевской, который якобы имел у себя на дому каменные орудия из нефрита. Наконец в первой же колонии около нового дома пастора были найдены тоже кости и бронзовые стрелы.

Были, кроме того, и вещественные следы находок. Так, еще в 1879 г. около Николаевской колонии раскапывал профессор Самоквасов и нашел в одном кургане пять гробов из каменных плит, где были кости, но не было никаких вещей. Местные немцы уверяли меня, что Самоквасов нашел несколько каких-то предметов из чистого серебра. Кроме того уже начал производить раскопки в ст-це Горячеводской г-н Апухтин и сразу нашел много костяков и разных предметов, между прочими были и ножницы

для стрижки овец, по его указанию. Судя по слухам, но не знаю, на каком основании, он относил свои находки к X веку по Р.Х. Я также слышал, что курганы копались не правильно, т.е. воронкой, и многие из них были недорыты, но утверждать за или против данного факта я не могу, так как не видел ни раскопок моего colleg'и, ни найденных им предметов. Но, во всяком случае, я мог надеяться на достаточную поживу.

Археологическому исследованию я подверг около Железноводска горы Развалка и Бештау, затем местность около озер Каррас и Николаевского и ряд любопытных пещер по долине Подкумка близ Кисловодска. Я не предполагал опубликовать свои результаты, но, думая, что, быть может, они принесут некоторую пользу любителям старины Северного Кавказа, я решил изложить свои находки в виде простых газетных заметок. У самой подошвы горы Развалки, со стороны слободки, мною был найден большой каменный столб, вероятно, менгир, находящийся, к сожалению, на частной земле графа Строганова. Затем уже со стороны парка я увидел ряд камней, наваленных в беспорядке около самой скалы. Камни почти все гигантской величины, и вот, к моему удивлению, я заметил, что они сложены не случайно, а с некоторой симметрией. Слева я тут нашел следы циклопической каменной кладки в виде полукруга из камней без цемента и сгнившую деревянную арку под камнем, образующим вход в узкий и низкий погреб. С правой стороны я увидел два других погреба, причем в нижнем, где чувствовалась какая-то положительно непонятная свежесть, несмотря на жаркий день, были найдены лошадиные и орлиные кости и целый слой окаменевшего помета. Так как несколько ниже были ряды камней, выдающихся из земли, я провел внизу небольшую траншею, надеясь напасть на могилы, но в ней не было ничего найдено.

Розыскания на горе Бештау были гораздо успешнее. Уже по всему лесу, вокруг горы, я заметил ряды камней, обыкновенно характеризующих некрополи на Кавказе. На горе выше леса оказалась даже раскопка. Это рыл какой-то пятигорский мещанин, надеясь напасть на клад. Тут, на вершине большого кургана, на поларшина от почвы, видна была кладка из громадных плит в виде скандинавских зал великанов. По уверениям полесовщиков, на этом месте костей не было найдено, а лишь большая амфора с какой-то крупью. Я провел ниже этого места две траншеи и везде нашел следы такой же каменной кладки из красноватых плит на цементе из желтой глины и тоже в полуаршине от почвы. Грунт сверху представлял их себя наносной чернозем. Такая же кладка, но уже над поверхностью почвы, находилась в лесу у Первого Бештау. Там же был найден длинный каменный колодец. Тогда я провел еще траншею, около нижнего ресторана на горе, и нашел там битые черепки из красной, сильно обожженной до буроты глины. В центре этих кладок на кургане стоял большой камень в виде менгира. Это заставляет меня предположить, что на нижней поляне Бештау находится большое городище довольно древнего периода, причем у жителей его совершенно не было понятия о тесании камней и извести, хотя, судя по черепкам, у них был уже гончарный круг.

Как раз над самым рестораном находится гора, носящая название: «лохматого кургана». Поднявшись на нее, я нашел две большие циклопические постройки из камней в виде правильных кругов из цемента. На некоторых из них были заметны следы огня; вся гора вокруг была завалена такими же камнями. Затем, даже по направлению к Мокрой Балке, вся дорога была усыпана битыми черепками. Все эти остатки, как и само назва-

ние «Лохматого кургана», по-моему, довольно достаточно объясняют это. Если около ресторана был какой-то древний город, на кургане могло находиться капище этого поселения, судя по многочисленным остаткам, но где находился его некрополь, мною не было найдено. Замечаю при этом, что вообще кладбища в древних городах устраивались, по обыкновению, далеко от них, иногда за целых пять-десять верст и что стоянка человечества на Бештау могла находиться и в историческое время под защиту горного леса. Может быть, именно к нему-то и должно отнести предания черкесов об аборигенах их земли, нартах. Нагайские легенды о Бештау так прямо говорят, что знаменитая гора служила местом жительства пяти знаменитых ханов востока: Бату, Чанибека, Чингиза, Тамура и Аштынбека, или Арегомбека, национального героя ногайцев, убившего дракона на Змеиной горе у минеральных вод. Последняя легенда встречается и в донесении Потемкина Императрице Екатерине по поводу пятигорских черкесов.

Из Бештау я перенес свои изыскания на многочисленные курганы, видневшиеся вокруг озера Каррас и Николаевского. Недостаток в рабочих руках и относительная величина курганов у первого, причем все-таки большинство много носило на себе варварские следы хищения, заставили меня отказаться от работ у Каррасского озера и перенести на Николаевское, где древние сооружения находятся и чаще, и более скромных размеров. Тут было мною раскопано восемь курганов, давших очень любопытные результаты. Следы хищения видны были и тут, вполне оправдывая рассказы о том, что у немцев-колонистов можно найти за деньги разные предметы из могил. Для большей точности я буду описывать каждый курган в отдельности, причем могу добавить, что все они круглого вида и имеют в диаметре 12 аршин, или 4 сажени. Траншеи при прорытии могил велись везде перекрестком.

Курган № 1. На глубине 1 аршина глинистой почвы был найден мужской костяк, лежащий на спине головою на запад. Он был заколочен в большом деревянном срубе, уже обратившимся в труху. Таких цельных дубов теперь нельзя найти в Пятигорье. Одна рука костяка подложена под зад, в другой у него был зажат костяк сокола.

Курган № 2. На глубине 1^{1/2} аршина такой же глинистой почвы тоже был найден дубовый сруб. Когда его развернули, оказался опять мужской костяк, лежащий боком направо с головою тоже на запад, представляющий в данном случае гору Бештау. На черепе два ясных следа сабельных ударов. По черепу субъекту лет 35, росту костяк 2 аршина 5 вершков, в одной из рук опять зажат костяк сокола; грудная кость лежит около пульмол. У ног одна железная стрела, у пояса – остаток железного ножа или кинжала и кресало в железной оправе.

Курган № 3. На глубине 2 аршин был найден такой же дубовый сруб. По раскрытии его оказался женский костяк, лежащий головою на запад лицом вниз. У руки его находилось свинцовое кольцо со следом грубого орнамента и, кроме того, остаток железного ножа. У ног поперек лежал костяк маленького ребенка головою на север. На черепе женщины виден ясный след перегорания или искусственного пролома.

Курган № 4. На глубине 1 аршина найден сруб из дуба, в котором был заколочен сильно побитый костяк. Он лежал головою на запад, лицом вверх, у головы лежал остаток железного ножа.

Курган № 5. При прорытии траншеи было найдено маленькое свинцовое кольцо. Затем на глубине 1 аршина оказался сильно побитый костяк

головую на запад, лежащий на правом боку. Около его рук находились железные шипцы. Последний предмет, как я узнал, был и при раскопках г-на Апухтина. Он считал его за ножницы, но, по моему мнению, последнее совершенно невероятно, да и быт населения имел совсем не скотоводческий, а скорее охотничий характер.

Курган № 6. На глубине $1\frac{1}{4}$ аршина был найден такой же дубовый сруб. В срубе лежал костяк голову на запад и опять на правом боку. Костяк мужской и, хотя череп его хорошо сохранился, но кости были найдены в страшно перепутанном состоянии. Так, нижняя челюсть лежала сверху головы, левая рука была на груди, правая ключица в ногах, позвонки были с левой стороны головы, но атлант находился на месте, предплечье правой руки находилось в смещенном состоянии параллельно левой. Весь сруб был осыпан белым щебнем. Можно было думать, что труп вкладывался по кускам. И тут был тоже костяк сокола, и кроме того, нижняя челюсть земляного зайца.

Курган № 7. На глубине $1\frac{1}{2}$ аршина глинистой почвы был найден великолепно сохранившийся дубовый сруб, местами довольно крепкий. Толщина его 2 вершка, но по бокам 1 вершок, длина $2\frac{3}{4}$ аршина, ширина около $\frac{3}{4}$ аршина. В середине лежал костяк голову на запад, опять на правом боку, череп был женский, как и таз. В срубе были найдены в большом количестве над голову и у таза мелкие древесные угли, сбоку же лежал остаток копья и костяного ножика, затем сбоку опять были костяки сокола. У шеи костяка находилось любопытное ожерелье из каких-то неизвестных семян или косточек наподобие вишневых.

Курган № 8. Была прорыта траншея глубиной в 3 аршина очень крепкой земли без всякого следа глины, но, несмотря ни на что, не было найдено совершенно ничего. Назначение кургана остается совершенно неизвестным, да он и не выше двух аршин. Остальные же приблизительно в 1 аршин высоту.

По первому взгляду на эти курганы для меня несомненно, что они все принадлежат неномадам, а охотникам, на что указывают соколы, копья, даже у женщин, и небольшие ножи, как и кресала. Такое население должно было жить в лесах, в изобилии растущих у Машука и Бештау, причем судя по срубам, дупла дубов должны были быть величиною по крайней мере в обхват. Черепа все кавказские, с ясно выраженным прагматизмом и низким лбом. Они не могут принадлежать культурному населению, не могут принадлежать ни половцам, ни монголам. Вот отчего я думаю, что это могилы того городища, которое теперь так ясно видно на Бештау. Могил на полях целые сотни. Они сплошь покрывают всю долину Карраса. Затем отсюда целый ряд курганов тянется до самого Кисловодска.

В последнем пункте меня сильно занимали многочисленные пещеры в бассейне р. Подкумка, расположенные целыми тысячами почти на одном уровне от долины. Знаменитая гора Кольцо есть тоже прорыв такого же грота. С тою целью я повел свои изыскания с правой стороны гор, начиная от полустанка Минераловодской ветви Владикавказской ж.д. Минутка. Тут было два яруса пещер, висящих прямо над большой котловиной, покрытою травою. Пещеры все оказались в мелком песчаном грунте и имели приблизительно сходные размеры. Так, в первой было 5 аршин высоты, 5 же аршин ширины и длины 5 сажень. В ней было двое ворот, расположенных на юге, а на полу оказался значительный слой перегнившего помета. Тут же лежали два огромных камня. Затем шла маленькая пещера в

2 сажени длины но прежней широты и высоты. Тут на стене было найдено несколько грубых рисунков углем. Пройдя далее по откосу, я заметил с одной стороны ряд следов еще ледообразовавшихся гротов, а с другой стороны – великолепный палеонтологический пласт раковин. Последних было целые миллионы. Во многих местах камень прямо состоял из раковин. Второй, верхний ярус пещер представлял совершенно такие же типы в песчанике. Так, в одной длина была 16 аршин, ширина 10 аршин, окружность 38 аршин, высота 2 сажени и отверстие 11 аршин. В другой ширина $8^{1/2}$ аршин, окружность 14 аршин и длина 5 аршин при высоте одинаковой с первой. Палеонтологического пласта около не оказалось, но он был повыше пещер на самой вершине горы. Такие же пещеры песчаные и огромные залежи раковин находились и на противоположной стороне бассейна Подкумка.

Все эти данные заставляют меня предполагать что местность около Кисловодска есть не что иное, как дно бывшего здесь внутреннего моря. Те свободные от зелени пласты, которые правильно каймою обрамляют здесь котловину, есть, без всякого сомнения, следы бывших берегов, как и палеонтологические пласты. Целыми веками раковины располагались здесь по откосам. В таком случае для меня ясно и самое происхождение пещер: это не естественные гроты, служившие жилищами животных, а затем и людей в каменный век, а простая работа морских волн, производимая в течение целых тысячелетий. Служили ли они жилищем позже, когда море иссякло, сказать невозможно, так как в них нет ровно никаких следов пребывания доисторического человека, но теперь они служат постоянным жилищем для скотоводов-карачаевцев, пасущих здесь свои стада.

Этими небольшими заметками я оканчиваю свои скромные изыскания в местности Кавказских Минеральных Вод. Сделано мною, конечно очень немного, так как у меня не было под руками достаточных средств для производства исследований в более обширных размерах. Тем не менее находки, как мои, так и г-на Апухтина несомненно доказали, что означенная местность имеет большое значение в археологическом отношении, и надо надеяться, что со временем она привлечет к себе не одного археолога. Замечаю при том, что исследования в местностях минеральных вод могут быть всегда поставлены в самые благоприятные условия: археолог здесь может не испытывать ровно никаких лишений, он может легко жить, даже припеваючи, и при том сделать много нового для науки.

А. Грен

Газета «Кавказские Минеральные Воды».
1902. № 127, 129.

Примечания

1. Грен А. Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении // Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск, 1902. № 127 и 129.
2. Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда. М., 1887.
3. Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923.
4. Ошуркова Р.А. Грен Алексей Николаевич // Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 57–58.
5. Кто есть кто в антропологии Северо-Западного Кавказа // <http://www.cpcs.kubsu.ru/bio/200-g.html>

6. Презентация данного доклада размещена на сайте <http://www.academia.edu>.
7. Яновский В.С. Два века у богатырского ключа. Кисловодск, 2010. С. 60.
8. Грен А.Н. Отчет о летней командировке в Хасавюртовский округ Терской области // Труды Московского археологического общества древностей. Протоколы заседаний МАО за 1904–1905 и 1905–1906 гг. М., 1907. Т. XXI. Вып. II. С. 133.
9. Грен А.Н. Отчет о командировке для раскопок и археологического исследования Хазарского каганата в Хасавюртовском округе Терской области // Известия Археологической комиссии. СПб., 1905. Прибавление к вып. 16. С. 137.
10. Хан-Гирей. Князь пшэской Аходягоко // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 17. С. 1–43.
11. Руднев Д. О стоянках доисторического человека на реке Вычегде (из материалов Печорской экспедиции 1919 г.) // <http://www.booksite.ru/fulltext/voi/sk1/922/1.htm>
12. Попов А. Даешь латинизацию! (один из основателей Общества изучения Коми края А. Грен выступал за создание международного языка) // Сыктывкар, Республика. 23.06.2012. № 117 (4754).
13. Бузаров А.К., Баранов А.Г., Каракаев З.Х., Панеш А.Д. Развитие исторической науки в Адыгее (20–30-е гг.) // <http://www.bonistikaweb.ru/razvitie.htm>.
14. Попов А.А., Сметанин А.Ф. Коми, Карелия, Финляндия: три пути развития. 1917–1940 гг. // <http://kultforum.natm.ru/forums/2009.seminar.porov.pdf>.
15. Шабает Ю.П., Конаков Н.Д. История этнографического изучения народов коми // http://www.kominarod.ru/catalogues/biblio/papers_352.html.
16. Жеребцов И.Л. Рожкин Е.Н. Тернистый путь к вершинам науки // <http://badelskkomi.svoiforum.ru/viewtopic.php?id=163>.

A.V. DANILOV,
V.A. FOMENKO

THE EXPLORER ALEXEI NICOLAYEVICH GREN AND
HIS ARCHEOLOGY RECONNAISSANCE AND
EXCAVATIONS IN CAUCASIAN MINERAL SPRINGS
REGION IN THE YEAR OF 1902.

The brief bio-bibliographic data on the prominent Russian explorer (historian, philosopher and archeologist) A.N. Gren have been presented in the article. The report on his archeological research in the vicinity of Zheleznovodsk, Pyatigorsk and Kislovodsk made in the year of 1902 has also been published.

Keywords: the North Caucasus, the Caucasian Mineral Springs region, the ancient settlements, mountain Beshtau, the Kabardian barrows, the tombs with falcons.

О.Б. Емельянов
(г. Ессентуки)

ПРОМЫСЛОВОЕ РЫБОЛОВСТВО В КАЗАЧЬИХ СТАНИЦАХ ТЕРСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В ПЕРВЫЕ ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются проблемы связанные с определением границ в дельте Терека и на побережье Каспийского моря, затрудненные регулярными наводнениями. Дается описание наиболее распространенных приспособлений, применяемые для лова рыбы в казачьих общинах. Приводятся по станичные статистические сведения о количестве рыбаков, сетей и лодок используемых на промыслах, а также затраты и доходы, полученные при получении рыбы и икры, которые, в основном предназначались для местного потребления.

Ключевые слова: рыболовные снасти, осетровые и простые породы рыб, черная и «красная» икра, стоимость продукции рыболовства.

Начало периода буржуазных реформ в Российской империи совпал по времени со значительными изменениями в административной структуре северокавказского казачества. Единое Кавказское Линейное казачье войско было разделено на две части – Кубанское и Терское. Вместе с тем последние орудийные залпы, прозвучавшие у высокогорного селения Гуниб в августе 1859 г., не означали немедленного прекращения военных действий.

К началу пореформенного периода большинство промысловых вод на морском берегу, а также в разветвленной дельте Терека были переданы крупным торгово-купеческим кругам, и лишь жители нескольких близлежащих ст-ц Кизлярского полка имели возможность рыбачить на Каспии. Обнаруженные документы свидетельствуют, что предоставленные «указом Правительствующего Сената 22 ноября» территории простирались «в длину моря на семьдесят шесть верст и в реке Терек, по течению его чрез участки, обозначенные «Положением о Кавказском Линейном казачьем войске» под № 160, 161, 162». Здесь же пояснялось, что вышеозначенные «воды эти находятся в оброчном состоянии, с уплатою в доход Войска оброчных денег, в Каспийском море 3200 руб. в год, а в реке Терек 3575 руб. серебром в год», итого 6575 руб. Не изменилось положение с промысловыми водами и в дальнейшем [1].

Получается, что лучшие участки, наиболее богатые биологическими ресурсами, под различными благовидными предлогами были беззастенчиво отобраны и только чисто номинально принадлежали казачьим общинам. Сложившаяся ситуация диктовала свои условия, по которым терско-гребенские казаки основное внимание обратили на русло полноводной реки. Необходимо добавить, что и на ближайших к левобережным станицам промыслам периодически возникали различные сложности. В 1861 г. на основе работ, проведенных представительной

экспедицией под руководством Н.А. Ивашинцова, «Гидрографическим департаментом» была издана подробная литографическая карта от ст-цы Шелкозаводской Гребенского полка до устья реки Терек «в масштабе 250 сажень в дюйме с подробною записью». Несмотря на то, что при издании были использованы данные, собранные за несколько лет до этого, карта уже во многом устарела. Посетивший низовья Терека в это же время начальник топографической службы Кавказской армии генерал-лейтенант И. Ходзько заметил многочисленные неточности и погрешности местности с предыдущими планами. «Изменения эти оказались таких больших размеров, что никак нельзя было допустить, что съемки, произведенные инструментально, могли быть настолько неверны; например, на месте болот виднелись сухие степи, нередко и пашни, где протекала прежде речка, теперь едва заметен и след ее течения, а в иных местах и его не видно, где было озеро, там теперь болото, камыш или хорошие луга, и наоборот, где были прежде луга и степи, там нанесло непроходимые песчаные бугры» [2].

Периодические разрушительные наводнения, особенно в низовьях Терека, систематически меняли рельеф прибрежной полосы, уничтожали и смывали установленные межевые знаки. Это давало возможность соседним владельцам претендовать на смежные земли, принадлежащие казачьим общинам, и заводить бесконечные судебные процессы в первой половине 60-х гг. XIX в., продолжавшиеся десятилетиями, требующие регулярного привлечения представительных землемерных партий для проведения неоднократных межевых работ [3]. Вместе с тем, за многие десятилетия проживания на левобережье станичники досконально изучили часто меняющие берега Терека с лучшими местами для рыбной ловли, для которой заимствовали в соседних общинах, изобрели и использовали всевозможные приспособления. Самые распространенные из них являлись «забойка» и «брედень». Далее следуют снасти, получившие названия: «удочки», «счалы», «подпаски», «ванды», «самоловки», «перетяжки», «сежи», «крыги» и др. Один из дореволюционных казачьих краеведов, не только видевший их, но и часто принимавший участие в сезонных рыбалках, дал подробное описание наиболее распространенных снарядов для речного лова рыбы.

«Забойка» обычно ставилась поперек бурного течения Терека на мелководье, в местах, где находился самый большой ход рыбы. Она состояла из двух рядов толстых и длинных бревен, расположенных строго в шахматном порядке. К крепко забитым в речное дно массивным кольям, едва видимым из воды, прикреплялись несколько не густо сплетенных из хвороста плетней. «Один конец плетня прикреплялся к первому колу одного ряда, другой к первому колу другого ряда. Второй плетень поставлен по направлению от первого кола второго ряда ко второму колу первого ряда, а отсюда плетень ставится по направлению ко второму колу второго ряда и т.д. В общем плетни образовывали собою ломанную линию». Только у одного конца прохода оставлялось неперегороженное место, рядом с которым над поверхностью сооружалась устойчивая деревянная вышка в виде небольшой платформы, на которой находился, как правило, один человек с сигнальными веревочками в руках.

Это были специальные «сторожки» от рыболовной сети, находившейся в воде у оставленного прохода между «забойкой» и речным берегом или выступающей косой. Сети в виде конусообразного мешка назывались

«сежами», их суженное и вытянутое дно называлось – «матнею», которые крепились к трем колам – «стоянам». Построенная таким образом преграда вынуждала рыбу плыть в обход плетней к «сежам», установленным в оставленном проходе и в углах сооружения, образуемых плетнями. Запутавшись в «матню», большая рыба начинала биться, что становилось известно рыбаку на платформе через прикрепленные «сторожки». Ему оставалось только достать улов, освободить от снастей и снова опустить «сежи» в речную воду. Также в прибрежных затонах, в глубоких или тенистых местах с помощью «сежи» без строительства громоздкой «забойки» часто вылавливали крупных рыб, в основном, сомов и лососей.

Следующим, наиболее распространенным приспособлением для речного рыболовства был «бредень», «имеющий около двадцати и более сажень длины и одной сажени ширины». Его края по всей длине были «окаймлены веревками толщиной в палец», на одной из которых укреплялись свинцовые грузила, а на другой – поплавки из пробкового дерева, называемые в притеречных станицах «балберами». К остальным краям «бредня» по ширине прикреплялись по одному прочному колу, которые именовались «клячами». Два человека брались за «клячи», раскладывали сеть поперек русла и медленно тащили вниз по течению, при этом нижний «причал» с грузилами волочился по илистому дну, а «балберы» оставались на поверхности, что позволяло использовать наибольшую площадь речного дна и замечать по движениям поплавков наличие запутавшейся рыбы, после чего промысловики «прибраживали к прибороду», месту с более отлогими берегами, и перекладывали улов в каюки. Ширина ячеек «бредня», крупная и мелкая, напрямую зависела от времени года и пород рыб, которых рыбаки собирались вылавливать в речных водах.

«Счалы» представляли собой большие и острые «удочки» (крючки) без наживки, привязанные к толстой веревке, оснащенные множеством «балберов», и были предназначены, в основном, для ловли красной рыбы. Прочная снасть перетягивалась через Терек и по берегам закреплялась на нескольких толстых столбах. Крупная рыба, главным образом, осетры и севрюги, накальвались на «удочки», после чего рыбакам оставалось только достать улов, иногда по несколько штук за один заброс. Однако, если огромный сом, прозванный казаками «калмык», цеплялся за «счалы» в летний период, то будучи полных сил, бился до тех пор, пока не вырывался, несмотря на чувствительные раны, при этом мог причинить значительные разрушения хитроумному сооружению.

«Перетяжки», которые по своему устройству и назначению напоминали «счалы», также перебрасывались через Терек и в удобных местах крепились по берегам. К десяти-двадцати крепким «удочкам», расположенным в отдалении друг от друга, насаживалась свежая приманка, после чего рыбакам необходимо было время от времени проверять снасть и собирать пойманную рыбу в каюки.

Следующими по прибыльности рыболовными снастями у терско-гребенских казаков считались «самоловки» и «ванды». «Самоловка», или, как ее еще называли в притеречных станицах, «плетенка» имела конусообразную форму, у основания которой оставалось отверстие для свободного прохода рыбы. Они изготовлялись всевозможной величины и предназначались для различных пород рыб – мелкой и средней. В отверстиях устанавливались специальные заостренные палочки, «обращенные внутрь

«самоловки», поэтому чистяковая рыба, заплыв внутрь, уже не могла вернуться обратно и становилась легкой добычей.

«Ванда» представляла собой ту же самую «плетенку» с той только разницей, что была гораздо объемнее и могла вместить большого осетра или сома. Ее строили из крепкого толстого хвороста и разделяли на несколько отдельных клеток, в которые свободно могла заплывать более мелкая рыба, но для большой рыбины оставался только один путь, оставленный, как и у «самоловки», у основания конуса.

Всю внутреннюю поверхность «самоловки» и вход в нее покрывали толстым слоем теста, что являлось гарантированной приманкой для большинства разновидностей речной рыбы. Стенки «ванды» не было необходимости обмазывать, зато «прямо кусок мяса или теста (в мешочке) подвешивались в разных местах внутри нее», так как «крупная рыба большая охотница до мяса» и часто попадалась в расставленные прибрежные ловушки.

Применялись для рыбной ловли и обыкновенные, всем хорошо известные удочки с насаженным на крючки лакомством. Некоторые из них, называемые «подпасками», предназначались для больших рыб и забрасывались «в глубину реки на длинной толстой лесе». Нередко на хорошо изготовленную и надежно закрепленную удочку попадались крупные усачи и даже двухпудовые сомы.

Остальные хитроумные приспособления не пользовались большим спросом в терско-гребенских общинах, и их практически не использовали для повседневной рыбной ловли. Зато очень популярно было зимнее «багрение», происходившее в сильные морозы и приносившее стабильное поступление продуктов питания в станицы. С наступлением осенних холодов с верховьев реки огромное количество рыбы скатывалось по течению во всевозможные затоны, кряжьи, заливчики, где она зарывалась в мягкий ил либо укрывалась в норы и там продолжала оставаться до наступления теплой погоды. Казаки, прекрасно осведомленные об этой особенности, предпочитали выискивать рыбу в местах с сильным «прижимом» воды, «то есть где вода своим течением упиралась в берег (при повороте реки) или в другое какое-либо препятствие». Полусонную, едва двигающуюся, страдающую от сильного холода рыбу доставали из Терека баграми и складывали на берегу.

Для этой же цели использовали и «сандоли», представляющие собой длинные палки «с двумя или тремя острыми железными наконечниками с зазубринами». Однако в отличие от багров, «сандолями» производили добычу рыбы круглогодично, и станичники в большом количестве накалывали на импровизированные копыя усачей, сомов, а также попадались сазаны, идущие весной на ежегодный нерест и др. [4].

С помощью различных приспособлений жители терско-гребенских общин успешно рыбачили на всем протяжении полноводной реки, вблизи своих станиц. Из отчетов полковых командиров известно, что в 1861 г. в гребенских станицах «рыбы поймано: красной – 512 пудов, черной – 330 пудов, итого 842 пуда», что в то же время меньше предыдущего года на 43 пуда. В Кизлярском полку «поймано рыбы красной – 6972 пудов, черной – 2098 пудов», всего 9070 пудов, что меньше на 1848 пудов. «Икры из красной рыбы добыто 407 пудов, менее 115 пудов» [5]. Данные о количестве выловленной рыбы полностью совпадают с другими документами, но по икре из ценных пород рыб несколько отличаются от источников, составленных позднее за подписью наказного атамана.

В «Статистических сведениях о Терском казачьем войске за 1861 год», составленных в канцелярии генерала Х.Е. Попондопулло, на наш взгляд, сохранились гораздо точные и более подробные материалы. В них представлены официальные данные о количестве человек, принимавших участие в сезонном рыболовстве; сетях и снастях; всевозможных плавсредствах, выловленной рыбе; полученной икре, расходах и чистых доходах, полученных промысловыми ватагами [6].

Название полков и станиц	войсковых чинов и казаков	На промыслах находилось				
		посторонних лиц	сетей	снастей	лодок	будок
Моздокский казачий полк						
Луковская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	10	0	–	65	–	4
летом	16	0	–	65	–	4
осенью	12	0	4	–	–	5
Горская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	11	0	–	32	–	3
летом	16	0	–	32	–	4
осенью	12	0	3	–	–	4
Стодеревская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	17	0	–	32	–	5
летом	16	0	–	32	–	4
осенью	10	0	3	–	–	5
Галюгаевская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	15	0	–	54	–	5
летом	16	0	–	54	–	5
осенью	11	0	4	–	–	4
Ищерская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	17	0	–	64	–	5
летом	16	0	–	64	–	5
осенью	10	0	4	–	–	4
Наурская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	18	0	–	75	–	5
летом	17	0	–	75	–	5
осенью	10	0	4	–	–	4
Мекенская		в реке Терек, дачах ст-цы				
весной	12	0	–	58	–	5
летом	15	0	–	58	–	5
осенью	10	0	4	–	–	4
ИТОГО						
весной	100	0	–	380	–	32
летом	112	0	–	380	–	32
осенью	75	0	26	–	–	30
ВСЕГО	287	0	26	760	–	94
Гребенской казачий полк						
Калиновская		в реке Терек, дачах ст-цы				

в течение года	110	0	23	192	–	60
Червленная			в реке Терек, дачах ст-цы			
осенью	55	0	–	–	–	10
ВСЕГО	165	0	23	192	–	70
Кизлярский казачий полк						
Старогладковская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	25	0	12	–	–	10
летом	30	0	–	15	–	15
осенью	30	0	15	–	–	16
Курдюковская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	20	0	10	–	–	10
летом	25	0	–	12	–	8
осенью	16	0	8	–	–	8
Каргалинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	30	0	15	–	–	15
летом	20	0	–	10	–	10
осенью	14	0	7	–	–	7
Дубовская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	18	0	9	–	–	9
летом	20	0	–	10	–	10
осенью	15	0	7	–	–	7
Бороздинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	15	0	6	–	–	6
летом	18	0	–	9	–	9
осенью	14	0	8	–	–	8
Кизлярская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	14	0	6	–	–	6
летом	28	0	–	12	–	12
осенью	16	0	8	–	–	8
Александрийская			в реке Терек, дачах ст-цы			
летом	70	125	70	–	–	70
осенью	100	200	100	–	–	100
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	3	17	1200	–	7	–
осенью	8	17	1200	–	7	–
ИТОГО						
весной	122	–	58	–	–	56
летом	214	142	1270	68	7	134
осенью	213	217	1353	–	7	154
ВСЕГО в ТКВ	549	359	2681	68	14	344

Обнаруженные архивные документы свидетельствуют, что практически во всех левобережных станицах, за исключением нескольких старожильческих гребенских, большую часть года занимались промысловым рыболовством, предпочитая летнее время. При этом жители единственной ст-цы Александрийской Кизлярского полка, для которых рыболовство в течение нескольких десятилетий было основным хозяйственным занятием, привлекали на промыслы сотни «посторонних» людей, сохранили не только

стремление, но еще и возможность рыбачить в прибрежных водах Каспийского моря, что значительно повышало размеры поставляемой на местный рынок продукции.

Название полков и станиц	Сколько и какой рыбы (пудов) поймано и на какую сумму					
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки
Моздокский казачий полк						
Луковская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	50	50	00	45	22	20
летом	55	55	00	42	21	00
осенью	60	60	00	55	27	50
Горская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	35	35	00	42	21	00
летом	55	55	00	42	21	00
осенью	47	47	00	50	25	00
Стодеревская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	55	55	00	60	30	00
летом	60	60	00	49	24	00
осенью	41	41	00	52	26	50
Галюгаевская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	60	60	00	49	24	50
летом	55	55	00	42	21	00
осенью	67	67	00	40	20	00
Ищерская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	58	58	00	60	30	00
летом	55	55	00	49	24	50
осенью	60	60	00	47	23	50
Наурская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	61	61	00	65	32	50
летом	55	55	00	41	20	50
осенью	49	49	00	42	21	00
Мекенская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	48	48	00	34	16	00
летом	55	55	00	49	24	50
осенью	58	58	00	42	21	00
ИТОГО						
весной	367	367	00	355	176	20
летом	390	390	00	314	156	50
осенью	382	382	00	328	164	50
ВСЕГО	1139	1139	00	997	497	20
Гребенской казачий полк						
Калиновская	в реке Терек, дачах ст-цы					
в течение года	512	630	00	80	61	00
Червленнная	в реке Терек, дачах ст-цы					
осенью	–	00	00	250	300	00
ВСЕГО	512	630	00	330	361	00

Кизлярский казачий полк						
Старогладковская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	35	70	00	170	170	00
летом	45	90	00	120	120	00
осенью	60	120	00	200	200	00
Курдюковская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	40	80	00	150	150	00
летом	46	92	00	130	130	00
осенью	30	60	00	100	100	00
Каргалинская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	70	140	00	158	158	00
летом	60	120	00	140	140	00
осенью	30	60	00	40	40	00
Дубовская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	70	140	00	80	80	00
летом	60	120	00	75	75	00
осенью	45	90	00	50	50	00
Бороздинская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	35	70	00	45	45	00
летом	65	130	00	70	70	00
осенью	44	88	00	57	57	00
Кизлярская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	30	60	00	40	40	00
летом	67	134	00	67	67	00
осенью	40	80	00	56	56	00
Александрийская						
			в реке Терек, дачах ст-цы			
летом	3000	6000	00	240	240	00
осенью	1000	2000	00	110	110	00
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	1200	2400	00	–	00	00
осенью	900	1800	00	–	00	00
ИТОГО						
весной	280	560	00	643	643	00
летом	4543	9086	00	842	842	00
осенью	2149	4298	00	613	613	00
ВСЕГО в ТКВ	6972	13944	00	2098	2098	00

В течение 1861 г. организованные казацкие промысловые ватаги выловили немалое количество рыбы лососевых и чистяковых пород, но меньше, чем в предыдущем. При этом рыночная цена на красную рыбу значительно варьировалась, и в низовьях, несмотря на то, что улов был на порядок выше, чем в ст-цах по среднему течению Терека, ее стоимость была в два раза больше. Это связано с тем, что Кизляр, где долгое время функционировал ежедневный городской базар в условиях стабилизации военно-политической ситуации в регионе вслед за Астраханью быстро превращался в один из крупнейших центров отечественной рыбороторговли, что стимулировало дальнейшее развитие отрасли, в том числе и в ближайших округах. В основном аналогичная картина, за исключением ст-ц Кизлярского полка, наблюдалась на ценообразование обычной икры, в отличие от установленной стоимости на белужью, осетровую и лососевую в низовьях Терека.

Название полков и станиц	Сколько и какой икры (пудов) получено и на какую сумму					
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки
Моздокский казачий полк						
Луковская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	7	14	00	2	2	00
летом	2	4	00	2	2	00
осенью	3	6	00	2	2	00
Горская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	2	4	00	2	2	00
летом	2	4	00	2	2	00
осенью	3	6	00	3	3	00
Стодеревская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	4	8	00	3	3	00
летом	3	6	00	2	2	00
осенью	3	6	00	3	3	00
Галюгаевская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	3	6	00	2	2	0
летом	4	8	00	3	3	00
осенью	3	6	00	2	2	00
Ищерская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	3	6	00	2	2	00
летом	3	6	00	2	2	00
осенью	4	8	00	2	2	00
Наурская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	4	8	00	3	3	00
летом	3	6	00	2	2	00
осенью	3	6	00	2	2	00
Мекенская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	3	6	00	2	2	00
летом	3	6	00	3	3	00
осенью	3	6	00	3	3	00
ИТОГО						
весной	26	52	00	16	16	00
летом	20	40	00	16	16	00
осенью	22	44	00	17	17	00
ВСЕГО	68	136	00	49	49	00
Гребенской казачий полк						
Калиновская	в реке Терек, дачах ст-цы					
в течение года	42	351	00	–	00	00
Червленая	в реке Терек, дачах ст-цы					
осенью	–	00	00	–	00	00
ВСЕГО	42	351	00	–	00	00
Кизлярский казачий полк						
Старогладковская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	20	40	00	–	00	00
летом	10	20	00	12	192	00

осенью	8	16	00	–	00	00
Курдюковская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	15	30	00	–	00	00
летом	10	20	00	10	160	00
осенью	8	16	00	–	00	00
Каргалинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	18	36	00	–	00	00
летом	10	20	00	15	240	00
осенью	7	14	00	–	00	00
Дубовская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	8	16	00	–	00	00
летом	12	24	00	8	128	00
осенью	6	12	00	–	00	00
Бороздинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	8	16	00	–	00	00
летом	–	00	00	10	160	00
осенью	7	14	00	–	00	00
Кизлярская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	6	12	00	–	00	00
летом	–	00	00	12	192	00
осенью	7	14	00	–	00	00
Александрийская			в реке Терек, дачах ст-цы			
летом	95	190	00	200	3200	00
осенью	60	120	00	–	00	00
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	–	00	00	140	2240	00
осенью	–	00	00	–	00	00
ИТОГО						
весной	75	150	00	–	00	00
летом	137	274	00	407	6512	00
осенью	103	206	00	–	00	00
ВСЕГО в ТКВ	315	630	00	407	6512	00

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех терско-гребенских общинах стоимость икры, главным образом, сазаньей, стоила 2 руб. за пуд. Небольшое исключение составляла ст-ца Калиновская, в которой средняя цена на нее достигала примерно 8 руб. 35 коп. В то же время, «черная», то есть икра из обычных пород, которую называли «казачьей» в станицах Моздокского полка ценилась гораздо меньше и стоила всего 1 руб. за пуд. В общинах же Кизлярского полка икра из ценных пород рыб повсеместно стоила 16 руб. за пуд, и главным поставщиком на рынок выступали промысловики из ст-цы Александрийской, добывающих львиную долю, составляющую 83,5% от общего объема производства.

Вместе с тем для успешного рыболовства еще до начала промыслового сезона требовались определенные финансовые вложения, достигавшие порой нескольких тыс. руб. серебром.

Название полков и станиц	выручено		На какую сумму издержки		чистый доход	
	рубли	копейки	рубли	копейки	рубли	копейки
Моздокский казачий полк						
Луковская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	88	20	20	00	68	20
летом	82	00	15	00	67	00
осенью	95	50	19	00	76	50
Горская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	62	00	18	00	44	00
летом	82	00	12	00	70	00
осенью	81	00	21	00	60	00
Стодеревская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	96	00	15	00	81	00
летом	92	00	10	00	82	00
осенью	76	50	21	00	55	50
Галюгаевская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	92	50	10	00	82	50
летом	87	00	8	00	79	00
осенью	95	00	20	00	75	00
Ищерская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	96	00	8	00	88	00
летом	87	50	9	00	78	50
осенью	93	50	20	00	73	50
Наурская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	104	50	10	00	94	50
летом	83	50	9	00	74	50
осенью	78	00	20	00	58	00
Мекенская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	72	00	8	00	64	00
летом	88	50	9	00	79	50
осенью	88	00	21	00	67	00
ИТОГО						
весной	611	20	89	00	522	20
летом	602	50	72	00	530	50
осенью	607	50	142	00	465	50
ВСЕГО	1821	20	303	00	1518	20
Гребенской казачий полк						
Калиновская	в реке Терек, дачах ст-цы					
в течение года	1042	00	употреблено на продовольствие			
Червленая	в реке Терек, дачах ст-цы					
осенью	300	00	употреблено на продовольствие			
ВСЕГО	1342	00	данные отсутствуют			
Кизлярский казачий полк						
Старогладковская	в реке Терек, дачах ст-цы					
весной	280	00	105	00	175	00
летом	422	00	155	00	267	00
осенью	336	00	132	00	204	00

Курдюковская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	260	00	100	00	160	00
летом	402	00	150	00	252	00
осенью	176	00	68	00	108	00
Каргалинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	334	00	134	00	200	00
летом	520	00	190	00	330	00
осенью	114	00	48	00	66	00
Дубовская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	236	00	100	00	136	00
летом	347	00	136	00	211	00
осенью	152	00	66	00	86	00
Бороздинская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	131	00	56	00	75	00
летом	360	00	141	00	219	00
осенью	159	00	68	00	91	00
Кизлярская			в реке Терек, дачах ст-цы			
весной	112	00	47	00	65	00
летом	393	00	156	00	237	00
осенью	150	00	63	00	87	00
Александрийская			в реке Терек, дачах ст-цы			
летом	9630	00	4300	00	5330	00
осенью	2230	00	750	00	1480	00
			в Каспийском море, в войсковых водах			
летом	4640	00	1740	00	2900	00
осенью	1800	00	650	00	1150	00
ИТОГО						
весной	1353	00	542	00	811	00
летом	16714	00	6968	00	9746	00
осенью	5117	00	1845	00	3272	00
ВСЕГО в ТКВ	23184	00	9355	00	13829	00

Во всех ст-цах Моздокского и Кизлярского полков рыболовы получили определенные доходы, в отличие от большинства казачьих общин, территориально входивших в Гребенской полк. Но в архивном документе в специальном примечании оговаривается, что из ст-цы Калиновской казаками отправлено на продажу за пределы Войсковых земель «соленой икры красной 36 пудов на 201 руб.», также «свежей рыбы красной 25 пудов на 379 руб.», а «всего выловлено рыбы и икры на 650 руб.». В Кизлярском полку, по всей видимости из ст-цы Александрийской из летнего улова в Каспийском море вывезли «соленой рыбы 1200 пудов на 2400 руб., свежей рыбы красной 140 пудов на 2240 руб.». Из осеннего улова добавили еще «соленой рыбы красной 900 пудов на 1800 руб.».

Таким образом, в 1861 г. из десяти иррегулярных подразделений, составляющих Терское казачье войско, только в трех жители занимались промысловым речным и всего в одной станице еще и морским рыболовством, часть продукции, которых регулярно поступала на местные ярмарки и базары. Однако на следующий год ситуация несколько изменилась, и еще в двух соседних полках казачье население приступило к организованной рыбалке на Терском берегу [7].

Название полков	На промыслах находилось					
	войсковых чинов и казаков	посторонних лиц	сетей	снастей	лодок	бударок
Моздокский казачий полк, в реке Терек						
весной	100	0	–	380	–	32
летом	112	0	–	380	–	32
осенью	75	0	26	–	–	30
ИТОГО	287	0	26	760	–	94
Гребенской казачий полк, в реке Терек						
в течение года	194	0	79	196	–	61
осенью	80	0	–	–	–	15
ИТОГО	274	0	79	196	–	76
Кизлярский казачий полк, в реке Терек						
весной	161	0	85	–	–	85
летом	64	0	–	32	–	32
осенью	60	0	38	–	–	38
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	1	4	500	–	1	2
осенью	1	4	500	–	1	2
ИТОГО	287	8	1123	32	2	159
Горский казачий полк, в реке Терек						
осенью	10	–	–	–	7	–
1-й Сунженский казачий полк, в реке Терек						
во всякое время	6	1	3	3	3	–
осенью	6	0	–	3	3	–
ИТОГО	12	1	3	6	6	–
ВСЕГО в ТКВ	870	9	1231	994	15	329

По сравнению с предыдущим годом в Моздокском полку не произошло никаких изменений. В Гребенском полку заметно увеличилось количество профессиональных рыбаков и сетей, используемых на речных промыслах. Также на несколько единиц возросла численность снастей и бударок, что свидетельствует о некотором оживлении рыболовства в старейших казачьих общинах на Тереке. В Кизлярском же полку, наоборот, количество занятых промысловиков сократилось почти вдвое, а на летне-осенний лов в море выходил всего один казак. Практически исчезли наемные работники, из них только несколько человек остались рыбачить на побережье Каспия. Соответственно, произошло заметное уменьшение сетей, снастей и различных плавсредств. Лишь на морском берегу на четыре возросла численность бударок. В целом же, несмотря на появление рыбаков из 1-го Сунженского и Горского полков, основная масса продукции приходилась на старейшие казачьи подразделения Северного Кавказа.

Название полков	Сколько и какой рыбы (пудов) поймано и на какую сумму					
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки
Моздокский казачий полк, в реке Терек						
весной	367	1321	20	355	177	50
летом	390	1404	00	314	157	00
осенью	382	1575	00	328	164	00
ИТОГО	1139	4300	20	997	498	50
Гребенской казачий полк, в реке Терек						
в течение года	350	700	00	75	75	00
осенью	–	00	00	50	75	00
ИТОГО	350	700	00	125	150	00
Кизлярский казачий полк, в реке Терек						
весной	2318	4636	00	1490	1490	00
летом	121	242	00	284	284	00
осенью	90	180	00	208	208	00
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	500	1000	00	401	401	00
осенью	350	700	00	–	00	00
ИТОГО	3379	6758	00	2383	2383	00
Горский казачий полк, в реке Терек						
осенью	80	320	69	69	69	00
1-й Сунженский казачий полк, в реке Терек						
во всякое время	15	45	00	90	180	00
осенью	5	15	00	40	80	00
ИТОГО	20	60	00	130	260	00
ВСЕГО в ТКВ	4968	12138	89	3704	3360	50

В Моздокском полку за промысловый сезон 1862 г. выловили такое же количество рыбы, как и в предыдущем, но цена на нее возросла. Причем, если на чистяковые породы рыбы в среднем она повысилась на едва заметные доли копейки за пуд, то на ценные возросла более чем в три с половиной раза. Подобная политика ценообразования на лососевые породы рыбы связана, в первую очередь, со значительным сокращением улова в пределах Кизлярского полка, но стоимость на нее осталась прежней, так же, как и на рыбу простых пород. Вместе с тем на морском побережье казаки приступили к добыче чистяковой рыбы, чего не наблюдалось раньше. В Гребенском полку, несмотря на сокращение улова ценных пород, казаки получили больший доход, однако стоимость простой рыбы, которой и выловили меньше, незначительно, но сократилась.

Название полков	Сколько и какой икры (пудов) получено и на какую сумму					
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки
Моздокский казачий полк, в реке Терек						
весной	26	52	00	16	256	00
летом	20	40	00	16	256	00
осенью	22	44	00	17	272	00
ИТОГО	68	136	00	49	784	00
Гребенской казачий полк, в реке Терек						
в течение года	20	200	00	–	00	00
осенью	–	00	00	–	00	00
ИТОГО	20	200	00	–	00	00
Кизлярский казачий полк, в реке Терек						
весной	25	37	50	100	1600	00
летом	25	37	50	19	304	00
осенью	19	28	50	–	00	00
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	5	7	50	50	800	00
осенью	–	00	00	–	00	00
ИТОГО	74	111	00	169	2704	00
Горский казачий полк, в реке Терек						
осенью	–	00	00	–	00	00
1-й Сунженский казачий полк, в реке Терек						
во всякое время	2	4	00	3	45	00
осенью	–	00	00	5	75	00
ИТОГО	2	4	00	8	120	00
ВСЕГО в ТКВ	164	451	00	226	3608	00

В Моздокском полку количество проданной икры не изменилось. Однако, если стоимость обычной икры осталась на прежнем уровне, то из лососевых рыб, по всей видимости, казаки научились засаливать для долгого хранения, ее цена стремительно подскочила с 1 руб. за пуд до 16. В Гребенском полку, как и прежде, черной икрой не торговали, но стоимость казачьей повысилась до 10 руб., что связано с уменьшением поступления ее на местный рынок. В Кизлярском полку добыча черной икры сократилась более чем в два с половиной раза. Еще больше снизилось поступление чистяковой икры в продажу, несмотря на начало ее получения на морском берегу. При этом, по сравнению с прошлым годом, ее стоимость сократилась до 50 коп. за пуд. В то же время основная часть икры, добываемой в промысловых водах, приходилась, как и прежде, на низовые станицы, что позволяло некоторым казачьим семьям получать определенные доходы.

Название полков	Выручено		На какую сумму Издержки		Чистый доход	
	рубли	копейки	рубли	копейки	рубли	копейки
Моздокский казачий полк, в реке Терек						
весной	1806	70	100	50	1706	20
летом	1857	00	104	50	1752	50
осенью	2055	00	104	00	1951	00
ИТОГО	5718	70	309	00	5409	70
Гребенской казачий полк, в реке Терек						
в течение года	975	00	275	00	700	00
осенью	75	00	00	00	75	00
ИТОГО	1050	00	275	00	775	00
Кизлярский казачий полк, в реке Терек						
весной	7763	50	3917	00	3846	50
летом	867	50	380	00	487	50
осенью	416	50	147	00	269	50
в Каспийском море, в войсковых водах						
летом	2208	50	1050	00	1158	50
осенью	700	00	280	00	420	00
ИТОГО	11956	00	5774	00	6182	00
Горский казачий полк, в реке Терек						
осенью	389	69	80	00	309	69
1-й Сунженский казачий полк, в реке Терек						
во всякое время	255	00	155	00	100	00
осенью	105	00	45	00	60	00
ИТОГО	360	00	200	00	160	00
ВСЕГО в ТКВ	19474	39	6638	00	12836	39

Используя сложившуюся конъюнктуру местного рынка, рыболовецкие ватаги из общин Моздокского полка обратили особое внимание на добычу дорогостоящих осетровых пород. При мизерном увеличении денежных затрат на проведение рыболовного промысла, казаки сумели выручить более чем в три с половиной раза больше денег по сравнению с 1862 г. Очевидно, и в Гребенском полку произошло некоторое увеличение поступлений в семейные бюджеты. В Кизлярском же полку происходила диаметрально противоположная ситуация. Расходы как на Тереке, так и на Каспийском море за один календарный год в среднем сократились на треть, что привело к заметному уменьшению финансовых поступлений в станицы, что необходимо отнести на счет ранее допускаемых на Войсковые промыслы «посторонних лиц». В 1-м Сунженском и Горском полках профессиональные рыболовы также получили свои первые заработки в начале 60-х гг. XIX в., что позволило им продолжить заниматься не только рыболовством на Тереке, но и несколько разнообразить пищевой рацион населения еще нескольких казачьих станиц, хотя их доля в общем улове оставалась незначительной и не могла существенно повлиять на сложившиеся приоритеты в казачьих промысловых водах.

Вместе с тем, несмотря на определенные положительные изменения, в этом году представители казачества самостоятельно не вывезли за пределы Войсковых земель ни одного фунта готовой продукции. По всей видимости, вся выловленная рыба и полученная икра разошлась на местных

ярмарках и рынках, а оставшиеся излишки были с меньшей выгодой проданы пришлым заготовителям, перепродавшим готовую продукцию казачков в центральных губерниях страны.

Согласно отчетным документам из канцелярии генерала Х.Е. Попондопулло за 1863 г., в подразделениях Терского казачьего войска, занимавшихся промысловым рыболовством, не произошло ни одного изменения ни по одному запрашиваемому пункту. Численность сезонных промысловиков, количество рыболовных приспособлений, различных плавсредств, объем добытой икры и рыбы полностью совпадали с данными за предыдущий год. Подобное положение может быть связано с тем обстоятельством, что в старейших левобережных полках, играющих основную роль в рыболовецком промысле, сформировалась своеобразная квота на выдачу рыболовных лицензий, контролируемых областным начальством, за которые необходимо было вносить определенную плату в Войсковую казну. По этой причине руководители рыболовных ватажек с молчаливого согласия полкового командования предоставляли прошлогодние сведения, которые устраивали все заинтересованные стороны.

Вместе с тем в отличие от прошлого года, рыбопромышленники из казачьих станиц возобновили вывоз готовой продукции за пределы Войсковых земель, получая дополнительные доходы [8].

		Сколько и какой рыбы, икры (пудов) вывезено и на какую сумму за пределы Терского казачьего войска					
				Свежей рыбы (возов)			
Гребенской казачий полк	Икры	рубли	копейки	черной	рубли	копейки	
	красной						
	1	75	00	–	00	00	
				соленой рыбы (пуды)			
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки	
	85	300	00	–	00	00	
				свежей икры (пуды)			
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки	
	–	00	00	–	00	00	
				соленой икры (пуды)			
	красной	рубли	копейки	черной	рубли	копейки	
	15	150	00	15	30	00	
		осетровые			остальные		
ИТОГО	100 и один воз	525	00	15	30	00	
ВСЕГО в Терском казачьем войске					555	00	

Из рассмотренного документа следует, что в 1863 г. из Кизлярского полка станичники самостоятельно не отправили в другие округа ни одного фунта рыбной продукции, что свидетельствует об определенных трудностях, возникших в низовьях Терека. В Гребенском полку, скорее всего, из стцы Калиновской, вывезли на продажу свежую и соленую рыбу осетровых пород, а также по 15 пудов засоленной «красной и черной икры». Вполне возможно, что казаки отправляли излишки рыболовной продукции, не находившей спроса на местных рынках, а также это могло быть связано и со стремлением освоить собственные рынки сбыта либо сохранить преж-

ние, так как продажная стоимость одного пуда икра ценных пород была одинаковой как на территории полка, так и за пределами Войска.

Вместе с тем необходимо отметить, что, по нашему мнению, представленные сведения в нескольких годовых отчетах наказного атамана Терского казачьего войска являются не совсем достоверными, но позволяют составить определенное представление о казачьем рыболовстве. В первую очередь, при всей развитости системы государственного контроля невозможно было отследить всех станичных рыболовов, не зарегистрированных в официальных структурах. К тому же жители старожильческих общин, поселенных на Тереке, небезосновательно считали промысловые рыболовные воды неким «Божьим даром», в пользовании которыми им чинили всяческие препятствия чиновники различных инстанций. И в случае запрета казакам рыболовства рядом со своими домашними очагами представителями станичной администрации, то так называемое общественное мнение, составляющее неотъемлемую часть жизни большинства приречных общин, как правило, было на стороне «нарушителей» нововведенных законов. Не стоит сбрасывать со счетов зимнее «багрение» сомов и других пород теплолюбивых рыб в терско-гребенских станицах, складывавшееся многими десятилетиями, доставлявшее казачеству дополнительный источник питания и просуществовавшее с некоторыми изменениями вплоть до 90-х гг. XX в. В «Статистических сведениях о Терском казачьем войске» за разные годы нигде ни словом не упоминается о зимней рыбалке в левобережных ст-цах, что показательно уже само по себе.

Таким образом, в первые годы пореформенного периода рыболовство продолжало играть одну из ведущих ролей в обеспечении продовольствием населения терско-гребенских станиц и получении некоторых денежных поступлений. Однако лучшие промысловые рыболовные воды в Тереке и на Каспийском море, принадлежащие казачьим общинам, регулярно передавались в оброчное содержание пришлым промышленникам, так что большинству профессиональных рыболовов приходилось довольствоваться оставшимися речными участками, расположенными рядом со станицами.

С помощью всевозможных снастей и хитроумных ловушек казацки рыболовы регулярно поставляли на сельские базары, местные ярмарки рыбу и икру лососевых и обыкновенных пород из речных вод. В меньшем количестве продавались и дары Каспийского моря, цена на которые периодически менялась в зависимости от времени года и сложившейся конъюнктуры рыбного рынка. Предпринимались казачеством определенные попытки самостоятельно вывозить рыбную продукцию за пределы Войсковых земель, правда, в незначительном количестве. По этой причине основная часть не востребованной в ст-цах рыбы и икры попадала в руки пришлых перекупщиков. Привлекались к рыболовному промыслу на морском берегу и наемные работники, но с появлением большего количества времени у освободившейся от военной службы части терско-гребенского казачества и в связи с заметным сокращением биологических ресурсов от их услуг стали очень быстро отказываться.

Появление на речных промыслах в 1862 г. немногочисленных представителей двух соседних иррегулярных подразделений в целом не изменили общей картины казачьего рыболовства на берегах Терека и Каспия, складывающейся несколько десятилетий. Жители Моздокского, Гребенского и Кизлярского полков по-прежнему оставались основными поставщиками рыбной продукции в Терском казачьем войске, и именно им принадлежа-

ла основная заслуга в развитии этой отрасли производства в отдаленном крае, которая, в свою очередь, сыграла не последнюю роль в закреплении этих территорий за Россией.

Примечания

1. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1030. Л. 250–250 об.; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 535. Л. 68–68 об.

2. *Литвинов А.* Об изменениях течения реки Терека и берегов Каспийского моря с 1841 по 1863 год // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1864. Т. VI. С. 83; *Висковатов А.* Обзор географических работ на Кавказе в 1863 году // Там же. С. 107–109.

3. ЦГА РСО-А. Ф. 10. Оп. 1. Д. 46. Л. 51, 67, 116–116 об.; 156; ЦГА РСО-А. Ф. 10. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3 об., 6–6 об., 9, 14–14 об., 17–20 об., 29–32; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 249. Л. 1 об.-3 об., 6–6 об.; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2, 24, 78–78 об.-3 об.; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1750. Л. 19, 57 об.-58; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1752. Л. 1–3; ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1754. Л. 1–2, 4; ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 535. Л. 2–2 об.

4. *Востриков П.А.* Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. С. 241–246.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 81, 104.

6. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1030. Л. 244 об.-247.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 53. Оп. 1. Д. 612. Л. 66 об.-68.

8. ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1239. Л. 135 об.-136 об.

О.В. EMELYANOV

THE ARCHIVE DOCUMENTS ON STATUS OF THE TRADE FISHERY IN THE COSSACK REGIMENTS AT THE LEFT BANK OF THE TEREK RIVER IN THE EARLY POST-REFORM YEARS OF XIX C.

The article is dealing with the problems related to indicating of the borders in delta of the Terek river and on the coast of the Caspian sea complicated with the regular floods. The article describes the most widely used devices applied in fishery in the Cossack communities. It reflects the village level statistical data on the quantities of the fishermen, the nets and the boats used in fishery, as well as the investments made in and the income gained from getting fish and caviar, mainly used for the local consumption.

Keywords: the fish tackles, the sturgeons and the ordinary fish breeds, the black and the red caviar, prices for the fishery products.

Н.Д. Кодзоев,
(г. Назрань)

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ИНГУШСКОЙ МИФОЛОГИИ

В Средневековье у ингушей имелись некоторые знания об астрономии и астрономических объектах. В Горной Ингушетии известны места, где в древности и в средневековье находились обсерватории, в которых жрецы вели постоянное наблюдение за небесными светилами. В статье рассматриваются названия астрономических объектов, зафиксированные в ингушских мифах.

Ключевые слова: астрономия, ингуши, мифы, небо, звезда, солнце, луна, Млечный Путь, комета.

У ингушей в Средневековье имелись некоторые знания об астрономии и астрономических объектах. Ингушские жрецы наблюдали за звездами, могли предсказывать природные явления, затмения солнца и луны. К примеру, представление о форме Земли (инг. Лятта) ингушские жрецы имели близкое к современным знаниям: ингуши считали, что Земля имеет форму яйца¹.

В Горной Ингушетии известны места, где в древности и в Средневековье находились обсерватории, в которых жрецы вели постоянное наблюдение за небесными светилами. Одна из таких обсерваторий находилась вблизи башенного поселения Кейрах в Арамхинском ущелье на месте, которое называлось «Седкъя босие» – «Склон Звезды». «Согласно преданиям, данную обсерваторию вплоть до середины XIX столетия обслуживали «мудрые и всезнающие старцы Эсмурзиевы»².

Для обозначения неба в ингушском языке имеется два слова: сигале и ане. В разговорной речи в основном употребляется слово «сигале», в то время как слово «ане» употребляется намного реже – чаще в фольклорных и художественных произведениях. В фольклоре иногда различают два неба – восточное (ане) и западное (анзе; *букв.* «противоположное ане»). Слово «ане» является также составной частью двух слов, которые обозначают горизонт: «анайист» (*букв.* «край неба») и «анаюх» (*букв.* «начало неба»). Необходимо также отметить что это слово составной частью входит в название селения Ангушт, от которого произошел и русский этноним «ингуши» (*букв.* «видящие небо»).

В ингушском языке Вселенная (Космос) звучит как Айлам, солнце – малх, луна – бутт, звезда – седкъя, созвездие (группа звезд) – седкярче, планета – дуне.

Некоторые ингушские названия небесных тел приводятся в работе Б.К. Далгата «Первобытная религия чеченцев», впервые опубликованной (в сокращенном варианте) в 1893 г. в «Терском сборнике», издававшемся во

Владикавказе³. Эта работа написана, в основном, на ингушском материале, что отмечает сам автор⁴, и поэтому при переиздании в 2004 г., осуществленном его дочерью У.Б. Далгат, работа уже называлась «Первобытная религия чеченцев и ингушей». Выбор названия работы автор объясняет тем, что ингуши, по мнению Б.К. Далгата (даргинца по национальности), являются ветвью чеченского племени, и тем, что, хотя у чеченцев невозможно ничего записать из-за того, что «чеченцы давно приняли магометанство и позабыли свои прежние религиозные воззрения», по мнению автора, у ингушей и чеченцев в предыдущее время должны были иметь место одинаковые религиозные воззрения⁵, что вызывает определенные сомнения.

Б.К. Далгат называет имена двух своих основных информаторов – стариков-ингушей, у которых, «как туземец», он «пользовался полным доверием». Это жители Мецхальского общества Ганыж Абыевич Келигов-Фалханов, «шестидесяти с лишним лет», из с. Байни, и Газбык Казиевич Хабиёв-Буржаев, которому «за 100 лет», из с. Арзи⁶.

В ингушских названиях небесных тел присутствуют имена божеств ингушского языческого пантеона, большинство которых является в то же время героями ингушского нартского эпоса.

Особым почитанием, как источник света и тепла, у ингушей пользовалось Солнце (Дяла-Малх – «Божье Солнце» [у Далгата «Дэлä-Молх»]), которое обожествлялось. Б.К. Далгат отмечает, что ингуши «высоко чтут солнце. Составляют мифы о нем и просят благодати. Они считают его добрым божеством. Оно играет большую роль почти во всех празднествах в честь других богов; все моельни обращены у них к солнцу, на восток, все молящиеся смотрят также на восток; с высоты горы Будур-лом они с благоговением наблюдают ночью, как вдали восходит божественное Солнце, величиною с целый город»⁷.

Божеству Малх («Солнцу»), почитавшемуся как источник света и тепла, по данным абхазского исследователя Г.Дж. Гумбы, поклонялись еще предки ингушей – племена кобанской культуры в I тыс. до н.э., создавшие во второй половине I тыс. до н.э. предгосударственное объединение племен, получившее название по имени верховного бога – Малх⁸.

У Солнца имеется мать – Мялха-Нана (слово «нана» можно перевести, как «мать», «богиня», «хозяйка». Если солнце было обожествлено, то, вероятно, и его «мать» также почиталась как богиня). Б.К. Далгат приводит ее имя – Аза. Но, возможно, тут произошла ошибка – ошибся или информатор, или сам Б.К. Далгат, т.к. Аза – «богиня утренней зари», полное имя которой Мялха Аза («Аза, дочь Солнца»), считалась дочерью солнца. Таким образом, вероятно, что Мьялха-Нана («Мать Солнца») и Мялха Аза («Дочь Солнца Аза») являются двумя различными божествами ингушского языческого пантеона. Но существует мнение, что были две богини Азы: Аза – мать Солнца и Аза – дочь Солнца⁹. В нартском эпосе Мялха Аза является искусницей и красавицей. Она выходит замуж за нарта Хамчи Патарза, освободившего Солнце из чрева проглотившего его сармака (дракона)¹⁰.

Солнце, как отмечает Б.К. Далгат, является светилом для живых, в то время как луна является светилом для мертвых¹¹. Луна тоже имела мать – Кхинча (у Б.К. Далгата – Кинч)¹². Кхинча является покровительницей мертвых¹³.

Б.К. Далгат приводит названия некоторых звезд и созвездий: «Большую Медведицу составляют семь сыновей богини вьюг. На небе... есть пять звезд, называемых Астхи-саг (АстагIа Саг. – *Авт.*), т.е. Хромой человек: две из них расположены по краям, одна посередине немного выше их,

а другие две – под ними, одна ниже другой... Известно также созвездие Джи-картә (Жакарт – 4 звезды из созвездия Андромеды (Альферац вместе с тремя звездами), составляющие четырехугольник большого размера. – *Авт.*), или Баз (хлев) баранты, образующее правильную окружность. Известен еще Кку-ког (Кхо Ког. – *Авт.*; в другом месте Б.К. Далгат называет это созвездие «Сати-боджл» (Сати Божоалг – звезды Сириус, Бетельгейзе и Процион в созвездии Малого Пса) – «Треугольный хлеб Саты»¹⁴), т.е. Треугольник. Полярная звезда называется Кулби-сетха (Къулбаседкъа. – *Авт.*), т.е. Указывающий на юг; если стать к ней спиной, то впереди будет юг. Куча звезд на небе... называется ингушами Чухи гер (Чухи Паър – созвездие Малой Медведицы. – *Авт.*). Утренняя звезда – Оири сетга (Ийрен седкъа – Венера. – *Авт.*). Три звезды – одна красная, другая темная и третья среднего света – называются Солса-гебаге (Солса Гебага – созвездие Орла – *Авт.*), т.е. Копье Солсы (В названии этого созвездия присутствует имя полубожественного предводителя нартов Сеска Солсы. – *Авт.*).

Две близко соприкасающиеся звезды Дурди ораж, т.е. Яйца Дурди¹⁵. Млечный путь – «Чатикаде-мот» (Ча Токхадаь Моттиг) – это «место, по которому пронесена солома» (точнее: «Ча Токхадаь Никъ» (Дорога, по которой протащили солому). – *Авт.*)¹⁶.

Комета, согласно Б.К. Далгату, называется «Цог-до-сетга» (Цог доа седкъа) – «Звезда с хвостом» или же «Лошадь Турида», т.е. лошадь хозяина шашки¹⁷ – имеется в виду Али бин Абу-Талиб – двоюродный брат и зять пророка Мухаммада.

О созвездии Большой Медведицы Б.К. Далгат сообщает, что богиня вьюг Дардза-нянильк (Дардза-нанильг), местопребывание которой находится на вершине Казбека, «имела семерых сыновей, которые покинули ее и ушли на небо – это Дардза-куангиж (Дардза Къонгаш. – *Авт.*) «сыновья вьюги»¹⁸.

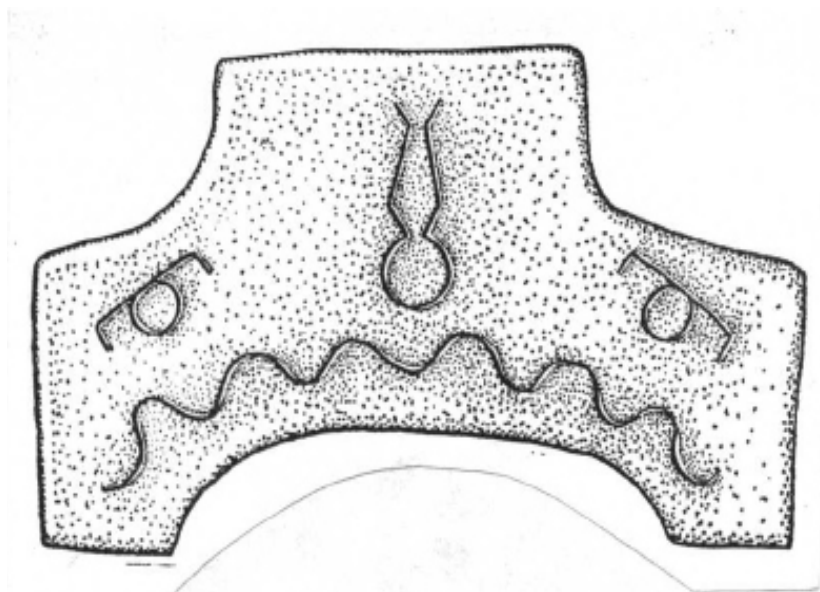
О том, почему семь сыновей вьюги превратились в звезды, повествуется в сказании «Семь сыновей вьюги», опубликованном В.Я. Светловым в 1910 г. Семеро сыновей бога Тга (Тхъа) и богини вьюги (в тексте «Химехнинен» [«Химиха нана» – букв.: «Богиня воды и ветра»]), обитавшие на Казбеке (Бешлоам), были наказаны и превращены в семь звезд их отцом – богом Тга за то, что они позволили нарту Курюко (Куркъа) украсть у него для нартов баранов и тростник¹⁹.

Происхождение названий Млечного Пути (Ча Токхадаь Моттиг («Место, по которому протащили солому») // Ча Токхадаь Никъ («Дорога, по которой протащили солому») // Села Сатас Ча Токхадаь Никъ (Дорога, по которой Сата, дочь Селы, протащила солому) и трех звезд из созвездия Малого Пса – Сати Божолг или Кхо Ког – связаны со сказанием о Села Сате, покровительнице искусств и невест, дочери могущественно бога грома и молнии Селы, приемной матери нарта Сеска Солсы.

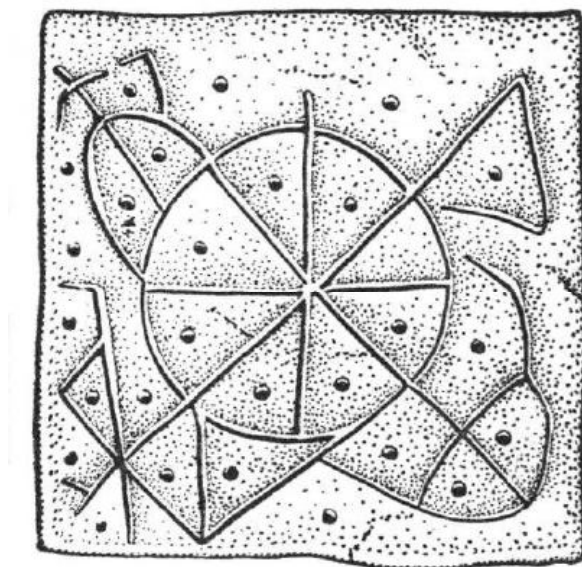
Млечный путь – это след от соломы для брачного ложа, которую протащила по небу Села Сата, когда вышла замуж за бога неба Хало (Хало). «Уходя из дома за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками. Пока она возвратилась, два угла хлеба сторели, а один уцелел. На небе теперь видны три звезды, образующие треугольник: одна – светлая, а две темные».²⁰ В нартском сказании «Спор между Села Сатой и Мялха Азой» также рассказывается, как Села Сата стала супругой бога Хало, который «владел небом»: Села Сата победила в споре с Мялха Азой, сшив за ночь одежду для шестидесяти трех нартов – дружинников Хало.²¹

Вполне вероятно, что в Средние века ингушам могли быть известны названия большего количества звезд и созвездий, чем известны исследователям в наше время. Но даже те названия, которые известны нам сегодня, представляют для исследователей ингушской истории огромный интерес.

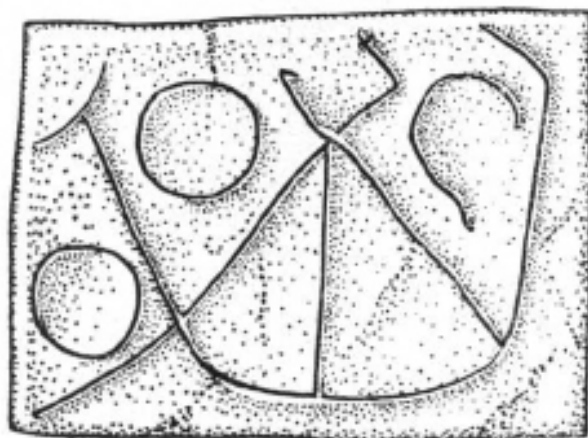
**Петроглифы на башнях в горной Ингушетии
с изображением астрономических объектов:**

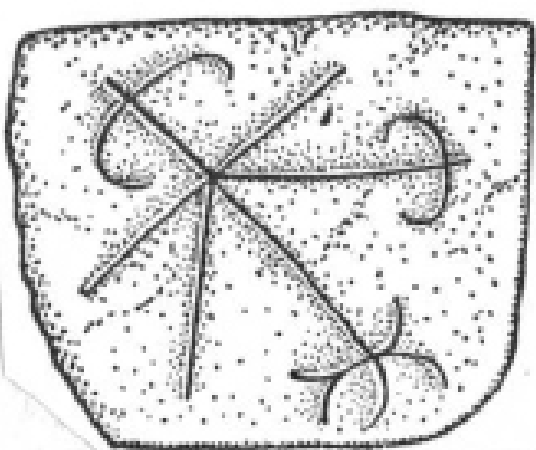
Петроглиф № 1 на камне
над входной дверью боевой башни Газдиевых в Этикале

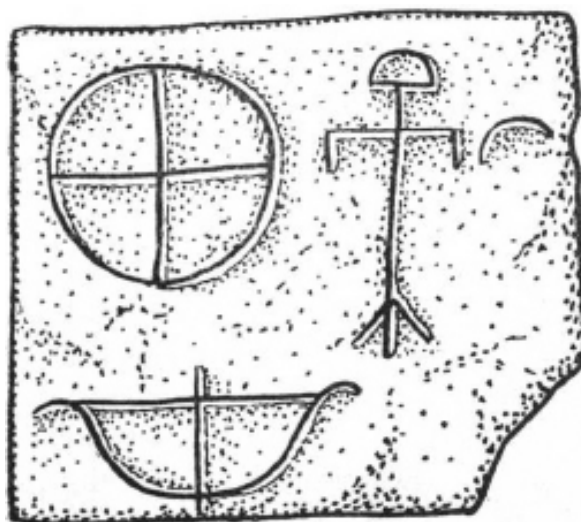
Петроглиф № 2 на жилой башне поселения Этикал

Петроглиф № 3 на жилой башне поселения Этикал

Петроглиф № 4 на жилой башне поселения Этикал

Петроглиф № 5 на жилой башне поселения Этикал

Петроглиф № 1 на жилой башне поселения Хамхи

Петроглиф № 2 на жилой башне поселения Хамхи

Примечания

1. Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VIII. Отд. 1. 2. Тифлис, 1875. С. 8.
2. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Назрань, 2003. Т. 1. С. 48.
3. Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Владикавказ, Вып. 3. Кн. 2. 1893.

4. Там же. С. 32.
5. Там же.
6. Там же. С. 31.
7. Там же. С. 161.
8. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дисс. ... канд. ист. наук / Ереван: АН Армянской ССР, Институт истории. 1988. С. 9–10.
9. Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997. С. 39.
10. Антология ингушского фольклора. Нальчик, 2006. Т. 4. С. 136.
11. Далгат Б.К. Указ. соч. С. 161.
12. Там же. С. 163.
13. Танкиев А.Х. Указ. соч. С. 39.
14. Далгат Б.К. Указ. соч. С. 171.
15. Там же. С. 164.
16. Там же. С. 171.
17. Там же. С. 164.
18. Там же. С. 157.
19. Светлов В.Я. Сочинения. СПб., 1910. Т. 2. С. 198–214.
20. Далгат Б.К. Указ. соч. С. 171.
- 21/ Ингушские сказки, сказания и предания / (Сост. И.А. Дахкильгов). Нальчик, 2002. С. 255–256.

N.D. KODZOEV

THE ASTRONOMIC OBJECTS
IN THE INGUSH MYTHOLOGY

In the middle ages, the Ingushes possessed certain knowledge on the astronomy and the astronomic objects. There are locations in the mountains of Ingushetia known to have had the medieval observatories used by the priests to observe the planets. The article is providing names of the astronomic objects noted in the Ingush myths.

Keywords: Astronomy, the Ingushes, the myths, sky, a star, Sun, Moon, the Milky Way (the Galaxy), the comet.

В.А. Кузнецов
(г. Нальчик)

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ОСЕТИНСКИЕ НАРТЫ

В статье проводится сравнительный анализ сведений известного латинского писателя конца IV в. Аммиана Марцеллина об аланах-танаитах со сведениями, содержащимися в осетинском нартском эпосе (роль кочевого образа жизни, культ меча, роль коня, наслаждение в войнах, презрение к старикам). Автор приходит к выводу о высокой информативности нартского эпоса как исторического источника.

Ключевые слова: Северный Кавказ, I тыс. н.э., аланский союз племен, аланы-танаиты, сведения Аммиана Марцеллина, нартский эпос.

Вряд ли нужно представлять известного латинского писателя конца IV в. Аммиана Марцеллина (ок. 330–395), о котором современный исследователь письменных источников об аланах Агости Алемань пишет: объективность Аммиана делает его величайшим римским историком после самого Тацита. В отношении аланов его труд может рассматриваться в качестве наиболее полного источника всей классической древности»¹. Аммиан Марцеллин написал свой труд «Деяния» («Res Gestae») в 31 книге, из которых сохранились последние 18 книг, доведенных до 378 г.²

Описывая гуннов, Марцеллин подробно и ярко рассказывает о жизни и быте алан, помещавшихся тогда к западу от Рифейских гор (Уральский хребет) и вокруг Меотиды (Азовское море). Как считал Ю.А. Кулаковский, в этом географическом экскурсе Марцеллин исходил из бывшей перед его глазами «традиционной географической карты»³, тогда как этнографическое описание алан основано «на живом современном знании»⁴. Аммиан Марцеллин был солдатом римской армии, «участвовал практически во всех войнах своего времени»⁵ и, возможно, побывал на Боспоре, где мог лично наблюдать алан-танаитов. В своем комментарии к изданию «Getica» Иордана (середина VI в.) Е.Ч. Скрижинская отмечала, что в последних книгах своего труда Марцеллин «использовал современный ему материал – либо собственные наблюдения, либо рассказы очевидцев и близких к событиям людей»⁶.

Таким образом, этнографические описания алан, живших вокруг Меотиды и в Подонье, исследователями признается результатом личного опыта Аммиана Марцеллина и, следовательно, достоверным источником. В этом его особая научная ценность. Характеристика алан Марцеллином настолько уникальна, что есть смысл процитировать ее в переводе А. Алеманя⁷:

«Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы

и распространили на них свое имя, как сделали персы... Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. Нет у них шалашей, никто из них не пашет, питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они ни зашли, там у них родной дом. Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют своим коням... Все, кто по возрасту и полу не годится для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами...

Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения; во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Метийского моря и Киммерийского Боспора, с одной стороны, и до Армении и Мидии, с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестоким насмешками, называются выродками и трусами. Ничем они так не гордятся, как убийством человека и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя не увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. О рабстве они не имели понятия, все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах»⁸.

Текст Марцеллина всегда привлекал внимание историков, касавшихся как эпохи «великого переселения», так и аланской проблемы. Но исследователи, как правило, обходили стороной нартский эпос, дающий разительные параллели сведениям Марцеллина. Причиной этого, очевидно, был долгое время существовавший нигилизм в отношении историчности эпоса в целом и отражения в нем реальных событий. Сейчас упомянутый скепсис постепенно преодолевается и применительно к Марцеллину можно указать на сюжет о преследовании и даже казни стариков у Марцеллина и у нартов, а также культ меча – параллель, приведенную Ж. Дюмезилем⁹. Эти интересные экскурсы Ж. Дюмезиля – от Марцеллина к осетинским нартам и

его же авторитетное и воодушевляющее убеждение о том, что «по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов»¹⁰, побудило меня обратиться к вышеуказанным сравнительным параллелям, показавшимися мне существенным.

Это тем более существенно и потому, что Ю.С. Гаглойти в своей монографии и историографии нартского эпоса справедливо заметил, что многие обычаи алан, описанные Марцеллином, «сохранились до последнего времени в живом быту осетин, не говоря уже об их наличии в нартских сказаниях»¹¹. Конкретный сравнительный анализ в труде Ю.С. Гаглойти отсутствует. В докладе Т.А. Габуева на XX Крупновских чтениях рассматривался только вопрос о происхождении алан по сведениям А. Марцеллина¹². Нартский эпос не входил в интересы Т.А. Габуева.

Сначала кратко о пространственно-временном континууме, в пределах которого укладываются сведения А. Марцеллина об аланах. Ареал, известный ему, совершенно очевидно касается степей Северного Причерноморья, Крыма и Нижнего – Среднего Подонья (аланы-танаиты), где аланы в IV в. действительно хорошо известны. Это группа аланских племен (а их было много по Марцеллину), ведших типичный кочевой «варварский» образ жизни, сходный с образом жизни гуннов. Но на предгорных равнинах Северного Кавказа, могут возразить, обитала другая группа алан, «разделенных по двум частям света», и именно в недрах этой, кавказской группы алан, происходило формирование эпоса. Причем здесь кочевые танаиты? Такие сомнения тем более правомерны в связи с крупными археологическими открытиями последних лет, во многом меняющими представления о ранней истории алан и, в частности, о характере их расселения в предгорье Центрального Кавказа. Имею в виду широкие и успешные по результату раскопки Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева подкурганно-катакомбного могильника II–IV вв. Брутского городища в Северной Осетии¹³, в совокупности с городищем, демонстрирующим бесспорно прочный оседлый, а не кочевой образ жизни местного аланского общества. К Брутскому могильнику можно добавить крупные и пока не опубликованные раскопки катакомбных могильников II–IV вв. у Зилгинского городища в Северной Осетии (Ф.С. Дзудев) и Зарагидж II в Кабардино-Балкарии (Б.Х. Атабиев), а также систему городищ в пределах зрительной связи по берегам рек Терек, Кумы и др. (И.М. Чеченов, А.Б. Белинский). Эти аланы – не кочевники, хотя датировки их памятников соответствуют тому позднеиримскому периоду, о котором писал А. Марцеллин.

Поскольку достоверность информации Марцеллина и указанных выше археологических материалов достаточно обоснована, возникает чисто логическое противоречие между этими базовыми источниками. Оно не менее логично устраняется свидетельством самого А. Марцеллина о том, что аланы «раздроблены на множество племен», о чем мы только что упомянули. Наше компаративное сопоставление показывает, что ранние аланы I–IV вв. действительно состояли из нескольких крупных группировок, сильно отличающихся друг от друга, и их локальные отличия могут свидетельствовать о гетерогенном, а не гомогенном их происхождении.

Итак, можно предположить, что в рассказе фигурирует степная северопричерноморская группа алан I–IV вв. Могла ли она найти отражение в осетинском нартском эпосе, основное «ядро» которого восходит к сармато-аланской этноязыковой среде?¹⁴ Безусловно, могла и нашла. Как писал В.И. Абаев, аланы-осетины «появились на арене истории как народ-ското-

вод и кочевник» обычная обстановка подвигов героев – равнина, притом часто – в соседстве с морем или большой рекой. Море нередко называется по имени: Черное море. Название большой реки безупречно соответствует старому названию реки Прут: Porata, которая на карте блаженного Иеронима названа «Аланской рекой» (Alanus fluvius). Упоминается река Idil – Волга. В нескольких сказаниях ареной событий является Taraqaiu Vidur, Тьмутараканская равнина¹⁵. Блестящим подтверждением сказанного является нартское сказание о владетеле пролива Кафтысар – Хуандон – алдаре, в котором В.И. Абаев убедительно опознал Боспорского царя, владевшего Боспорским проливом в действительности¹⁶.

Складывается впечатление, что в приведенных материалах просматриваются контуры двух больших групп алан – северопричерноморской и северокавказской, синхронно занимавших свои территории, отделенные сотнями километров. Наличие в формирующемся эпосе северокавказских алан степных, причерноморских мотивов служит доказательством не только связей между двумя группами алан, но и их этноязыковой близости. Эти доводы в нартведении уже высказывались (В.И. Абаев), но вне археологического контекста, сложившегося в последние десятилетия. Сейчас эти выводы представляются более обоснованными.

Обратимся к рассмотрению некоторых конкретных сведений А. Марцеллина, получивших отражение в осетинском эпосе. В качестве источника используется сводный текст издания 1948 г., подготовленного Нартским комитетом в составе Х. Ардасенова, С. Бритаева и Л.П. Семенова и остающегося, на мой взгляд, наиболее удачным по сей день.

Кочевники-скотоводы. Прежде всего, это типичный кочевнический образ жизни в кибитках, влекомых животными, очевидно, волами. Поэтому «никто из них (алан. – В.К.) не пашет». По Марцеллину, аланы – скотоводы. Кибитки описанными им, – реальный археологический артефакт, зафиксированный детскими глиняными игрушками I–III вв. н.э. в Пантикапее¹⁷, т.е. на территории, знакомой Марцеллину, и в его эпоху. В эпосе есть упоминание кибитки: «...велела красавица Акола запрячь лошадей в свою крытую повозку на мягком ходу»¹⁸, но, как правило, нарты живут в домах или в башнях, что следует связывать с поздним, «горным», а не «степным» периодом оформления эпоса. В сказании «Гибель нартов» они уже выступают не только как скотоводы, но и как земледельцы: бросают вызов самому Богу и предлагают ему помериться с ним силой, а Бог послал им Уастырджи, который проклял нартов: «Пусть однодневный ваш труд даст вам не больше одного мешка зерен. Так и стало. И сколько копен хлеба не обмолят нарты за день, а больше одного мешка зерен не получается». Далее нарты хитрят, обманывают Бога с помощью стрел с раздвоенными (в археологии т.н. «вильчатыми») наконечниками и затем долгой, бесславной жизни предпочитают гибель, но со славой¹⁹. Действительно, здесь нарты предстают как земледельцы, и это подтверждается в сказании «Нарт Сыбалц, сын Уархтанага». Сыбалц встает утром пораньше, налаживает свой плуг и пашет²⁰. Плуг упоминается и в сказании об удалом Арахдзау²¹. Но эти «следы» земледелия²² тонут в массе свидетельств о господствующей роли скотоводства, о нартских стадах скота и бесчисленных отарах овец. Покровитель домашнего скота Фалвар оберегает стада нартов: это величайшая ценность, жизненный ресурс общества скотоводов-кочевников; кочевников по причине, указанной Марцеллином, – когда пастбище выедено, кочевники в своих кибитках двигаются дальше.

Роль коня. «Более всего заботы уделяют коням», – говорит об аланах Марцеллин. В нартском эпосе осетин явно особое место принадлежит верному другу нартов – коню. Как большую ценность дарит нарт Сослан гумскому человеку своего коня²³, а когда наступила бескормица, «особенно боялись нарты за свой коней. «Что будем делать мы, если падут наши кони? Ведь человек без коня – все равно что птица без крыльев, – говорили нарты»²⁴. Кони нартов особые, могучие. «Выше земли, ниже облаков мчит Сослана конь его, силою своей равный буре»²⁵. Нарты разговаривают со своими конями, и они помогают нартам в сражениях²⁶. В древних обществах использование лошади как тяглового и вьючного животного было повсеместным, но гораздо важнее ее боевая и сакральная функции. Трудно представить скифского, сармато-аланского или гуннского воина без его боевого коня, в восприятии окружающих народов сложившихся в сакральный образ «человек-конь». Тот же А. Марцеллин не случайно рисует кочевника-варвара в страшном облике кентавра, т.е. человека-коня. В этой связи Ф. Кардини справедливо пишет: «Варвары привыкли жить вместе с конем, величать его по имени (в осетинском эпосе это Авсург, Аласа, Арфан, Дур-дура. – В.К.), беседовать с ним. Они не удивились бы, если бы вдруг человеческим голосом (есть в осетинских сказаниях. – В.К.). Столь глубоко укоренилась в их жизни традиция считать коня мудрым, обладающим даром речи и прорицания. Они готовы рисковать жизнью ради своего коня. Они уверены, что в трудный час он тоже придет на помощь и выручит из беды. Они восхищены, как дети, его великолепием, заботятся о его здоровье. Они уверены, что конь не оставит их после смерти»²⁷. Эта характеристика Ф. Кардини полностью соответствует как свидетельству Марцеллина о конях алан, так и сказаниям нартского эпоса, включая сакрализацию коня. Здесь мы имеем в виду захоронения коней в аланских катакомбных могильниках Северного Кавказа второй половины I – начала II тыс. н.э. (Клин-Яр III²⁸, Змейский катакомбный могильник²⁹ и др.). Сакральная роль коня в этнографическом быте осетин до XX в. сохранялась в обряде посвящения коня покойному «бахфалдишын»^{30,31}.

Культ меча. Согласно Марцеллину, аланы «по варварскому обычаю» втыкают в землю обнаженный меч и поклоняются ему, как покровителю. По этой причине у них нет ни храмов, ни святилищ: при кочевом образе жизни и описанном культе меча стационарные святилища не были нужны. Культ оружия, в первую очередь разящего меча, в раннесредневековой Европе был популярен. Дело в том, что не только у варваров Северного Кавказа, но и у кельтов, германцев оборонительное оружие и доспехи не пользовались авторитетом и считались оружием, говорящем о слабости и даже трусости. Главным и почетным было оружие наступательное – символ храбрости и героизма. А в нем, естественно, был меч. Меч очень ценили еще и потому, что, как считает Ф. Кардини, производство хорошего меча было технологически очень сложным делом, и это отчасти объясняет, почему меч считали священным оружием³². Он же, кстати, заметил, что по качеству оружие варваров – наследников восточной металлургии – «намного превосходило римское»³³. В европейской мифологии некоторые мечи имеют божественное происхождение и личные имена: Дюрандаль Роланда, Жуаз Карла Великого, Эскалибур короля Артура, Хрутинг легендарного Беовульфа. Такой меч изготовлялся не простым, а небесным кузнецом и стоил целое состояние.

Не могу не отметить, что Ф. Кардини пишет о германских народах, у которых оружие – часть ритуала присяги, «священный знак – меч, вогнанный в землю по самую рукоять»... но «это скифо-алано-гуннский ритуал»³⁴. Автор явно имеет в виду рассказ А. Марцеллина.

Что поэтому поводу можно обнаружить в осетинском нартском эпосе? Безусловно, меч и лук со стрелами – наиболее часто упоминаемые в сказаниях виды ружья, и это справедливо отметил А.Е. Иванеско³⁵. Он же пришел к выводу о культе оружия и прежде всего меча³⁶. И это не вызывает сомнений. А.Р. Чочиев показал в своем исследовании синкретизм древних культов коня, оружия, вождей и выдающихся воинов и писал: «Вонзенный в землю меч – идол алан и вонзание Батраза в землю «по щиколотку» посреди круга пляшущих нартов – это реалии из единого фонда военной идеологии осетин с его мечами-идолами» ...³⁷. «Добрый меч», «меч-фаринк», подаренный небесным кузнецом Курдалагоном нарту Уастырджи, а им – нарту Сослану³⁸; мечи, отточенные на черном камне так, что если положить на острие меча волос и дунуть на него, пополам разлетается волос³⁹; лихие танцы на остриях мечей⁴⁰; солнце и луна блещут на лезвии меча, и вся земля отражается в нем⁴¹; «стальной клинок меча моего в жажде боя изогнулся и острием вонзился в рукоять и синее пламя испускает»⁴², – таковы чудесные свойства нартских мечей, выкованных и закаленных небесным кузнецом Курдалагоном, что еще раз подчеркивает сакральные функции аланского меча.

Совпадения с текстом Марцеллина, можно сказать, полные, вплоть до меча, втыкаемого в землю. Аланский культ оружия и меча вписывается в контекст религиозно-идеологических представлений эпохи и имеет не только национально-культурное, но и эпохальное значение.

Наслаждение в войнах. Признано, что нартский эпос осетин запечатлел эпоху т.н. военной демократии⁴³ и аланского племенного объединения I – начала II тыс. н.э.⁴⁴ Нам остается только подтвердить эти убедительные выводы, ибо нарты – это конные профессиональные воины, рыцари Кавказа, величайшая драгоценность которых – их боевые кони и оружие; при помощи их нарты совершают подвиги и добывают бессмертную славу. Слава им дороже жизни, и это запечатлено в сказании о гибели нартов, которого выше мы уже касались. «Все они благородного происхождения, – свидетельствует Марцеллин, – у них нет рабов, а властвует герой, отличившийся в битвах». Тот же менталитет мы видим в обществе нартов: у них нет ни рабов, ни царей, хотя признаки некой социальной стратификации налицо: элитой нартского общества является выделившийся род Ахсартаката – род воинов-героев, самый сильный и авторитетный. Видимо он в скором будущем станет основой формирования аланской знати, а пока признаков «вождизма» в эпосе не заметно, все нартские герои равны, и лишь Урызмаг является старшим, но не по положению, а по возрасту.

Естественно, в таком обществе существует особый пиетет в отношении войны и боевых столкновений. Только через них можно совершить свои подвиги и прославиться, т.е. реализовать себя как личность. По Марцеллину, аланская молодежь, «с раннего детства сроднившись в верховой езде», путем разнообразных упражнений становится «великолепными воинами». Нартский эпос повествует, как нартская молодежь на Ныхасе состязается в стрельбе из луков⁴⁵; лучшие юноши, «краса и гордость Нижнего Нарта», пускают стрелы в яйцо через реку⁴⁶. Маленькие мальчики ездят на коне, требуют себе доспехи, чтобы воевать⁴⁷; что тут говорить о

взрослых? «Они находят наслаждение в войнах и опасностях», – говорит Марцеллин, и нартский эпос дает полные и яркие подтверждения этому. Покровитель домашнего очага Сафа утверждает: «Славен род Ахсартагката. Ничего в мире они не боятся и в жажде боя горят синим огнем»⁴⁸, «без охоты и сражений не мила мне жизнь», – говорит Сослан⁴⁹ и далее повторяет: «Я нарт Сослан, тот самый, что не может жить без пиров или без войны; если есть война, то дайте мне войну»⁵⁰. И нарты часто уходят в долгие походы, не возвращаясь по два-три года⁵¹. Здесь стоит вспомнить свидетельство Марцеллина о походах алан, доходивших до Меотиды и Боспора, с одной стороны, и до Армении и Мидии – с другой. Когда войны долго нет, оружие нартов в жажде боя пылает синим пламенем⁵², стальной клинок меча в жажде боя изогнулся и синее пламя испускает, а лук испускает красное пламя⁵³. Кажется, и здесь мы имеем полное пересечение достоверных данных Марцеллина с соответствующими текстами осетинского нартского эпоса, подкрепленными этнографическим исследованием (культ оружия и великих воинов) А.Р. Чочиева.

Презрение к старикам. «Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, называются вырожденками и трусами», – говорит А. Марцеллин. И это его свидетельство исторически для эпохи военной демократии реально и достоверно. Касаясь проблем сакрализации власти вождей в первобытных обществах Евразии С.А. Токарев отмечает, что «у некоторых народов был даже обычай умерщвлять вождя при первых признаках его старения или через определенное число лет ибо считалось, что одряхлевший вождь уже не может поддерживать магически равновесие сил природы»⁵⁴. Аналогии между данными Марцеллина и сведениями нартского эпоса о презрительном отношении к старикам подметил Ж. Дюмезиль, писавший: «...когда молодые нарты у осетин видят, что их предводитель Урызмаг стареет день ото дня, они издеваются над ним на все лады, стовариваются его убить, и, как так сам Урызмаг находит их отношение вполне нормальным, решает убить себя сам. Уважать старшего (в частности, в походах) считалось долгом, но при условии, что старший еще крепок и силен»⁵⁵. Сам эпос в сказании «Последний поход Урызмага» об этом повествует так: «Одряхлел нарт Урызмаг, надломилась его силы, не ездил он больше в походы. Перестала нартская молодежь спрашивать у него совета, а нашлись и такие юноши, что смеялись над Урызмагом» ... однажды, придя на ныхас, Урызмаг предложил нартам положить его в деревянный сундук и бросить его в море. Нарты совершили эту акцию умерщвления старика, ставшего обузой, но Урызмаг чудесно спасся и, к радости нартов, вернулся к ним⁵⁶.

И здесь мы имеем поразительные совпадения между повествованием А. Марцеллина и сказанием об Урызмаге. Конечно, они не результат каких-то случайностей, тем более в контексте других совпадений. В этнографической действительности осетин, кажется, не сохранились вплоть до XX в. никаких следов варварского обычая умерщвления стариков, как ненужной обузы. Напротив, старшие почитаются, это общеизвестно и показано в монографиях крупных осетинских этнографов Б.А. Калоева и Л.А. Чибирова. Но вместе с тем в исследовании А.Р. Чочиева есть интересные сведения о наступлении «функциональной нейтральности», ставшей рациональным основанием практики умерщвления стариков. Умерщвление стариков понималось как «третье рождение» и переход в истинный

мир⁵⁷. По-видимому, в данном случае можно говорить о стертой временем уникальной реплике архаичного обряда, отразившегося и в сочинении А. Марцеллина, и в осетинских нартских сказаниях. Таковы наиболее яркие, живые соответствия информации об аланах А. Марцеллина некоторым осетинским нартским сказаниям. Прежде всего, следует подчеркнуть достоверность рассказа Марцеллина, убедительно показанную Е.Ч. Скржинской в ее комментариях к «Гетике» Иордана⁵⁸, и его объективность. В этой связи не могу согласиться с З.В. Удальцовой, считающей, что А. Марцеллин с пренебрежением относился к варварским народам: «Особого презрения заслуживают, по его мнению, дикие кочевые народы – гунны и аланы»⁵⁹. В цитированных выше описаниях Марцеллина я не вижу ни пренебрежения, ни презрения. Это, скорее, спокойный и внимательный взгляд просвещенного римлянина на действительно «варварскую» и диковатую, страшную и опасную периферию римского мира. Если следовать З.В. Удальцовой и согласиться с приведенными выше соответствиями между Марцеллином и нартскими сказаниями осетин, складывается парадоксальная ситуация, когда герои-нартты и осетинские сказители презирают самих себя. В это слишком трудно поверить.

С другой стороны, сравнительный анализ сведений А. Марцеллина со сведениями, содержащимися в осетинском нартском эпосе, убеждает в высокой его информативности как исторического источника. Эпос говорит, когда его спрашивают. Снимая с эпоса красивые мифологические одежды, мы начинаем видеть его не менее прекрасную историческую сущность и не можем ее игнорировать. Понятию «археология фольклора» научное кавказоведение должно найти свое место, достойное величия духовного наследия народов Северного Кавказа. Вспомним верные идеи А. Шwegлера, писавшего: «Разграничительная линия между мифами и историей должна быть проведена там, где прекращаются чудеса, ибо чудо – любимое дитя народной веры. Лишь там, где кончаются чудеса, начинается история»⁶⁰.

Примечания

1. Далее А. Алемань, несколько противореча себе, говорит о «весьма ограниченной ценности» сведений Аммиана Марцеллина (см.: Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 69). С этим трудно согласиться.

2. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 67.

3. Следует ссыла на труд Конрада Миллера «Die altesten Weltkarten», 1898.

4. Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступит. статья, комм. и карта С.М. Перевалова. СПб., 2000. С. 73.

5. Алемань А. Аланы ... М., 2003. С. 67.

6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступит. ст. перев., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. Комм. 388. С. 274–276. С. 275. Комм. 388.

7. Первое издание на русском языке в переводе В.В. Латышева (Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских Кавказе. СПб., 1906. Т. II. Вып. 2), второе изд. в перев. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (Марцеллин А. Римская история. Перев. с лат. Кулаковского Ю.А., Сонни А.И. СПб., 1996). Перев. А. Алеманя наиболее современный и удачный.

8. Алемань А. Аланы ... С. 70–72.

9. Оригинал мне недоступен, поэтому см.: Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 75.

10. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 153.
11. Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977. С. 40.
12. Габуев Т.А. Клавдий Птолемей и Аммиан Марцеллин об аланах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 615.
13. Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
14. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 163.
15. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, I. М.;Л., 1949. С. 47.
16. Там же. С. 237; Абаев В.И. Сармато-боспорские отношения в отражении нартских сказаний // Советская археология. М., 1958. XXVIII. С. 55–61.
17. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.;Л., 1949. С. 391. Рис. 67; Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 325. Табл. СXXXIV, 13, 15, 19.
18. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 297.
19. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 483–484.
20. Там же. С. 415.
21. Там же. С. 439.
22. В эпосе есть сюжет, повествующий о происхождении земледелия: Сослан, просит бога-громовержца Уацилла подарить людям Земли хлебные зерна, которые Уацилла хранит в своей сумке. Уацилла дарит их и наставляет весной сеять на южных склонах гор и холмов (теми зернами будете кормиться целый год) // Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 80.
23. Там же. С. 93.
24. Там же. С. 94.
25. Там же. С. 125.
26. Там же. С. 267; 301–302; 346.
27. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 84–85.
28. Флеров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000. Рис. 16.
29. Фидаров Р.Ф. Раскопки Змейского могильника. // Археологические открытия 1982 г. М., 1984. С. 136.
30. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ, 2008. С. 257–258.
31. Иногда встречаются утверждения о том, что другим народам этот обряд был неизвестен. Это не так, см., напр., в Дагестане: (Бакушев М.А. Конь в погребальной обрядности населения Дагестана албано-сарматского времени // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 792; у тюркоязычных племен (Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1990; в могильнике эпохи переселения Дюрсо у Новороссийска: Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология. М., 1979. 4. С. 212–231) и т.д.
32. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 92.
33. Там же. С. 95.
34. Там же. С. 101.
35. Иванеско А.Е. Реалии воинского быта в осетинских нартских сказаниях и проблема датировки ядра нартиады // Известие высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. 2. С. 36.
36. Там же.
37. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин (традиции кочевничества и оседлости в социальной культуре осетин). Цхинвали, 1985. С. 207.
38. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 79.
39. Там же. С. 100.
40. Там же. С. 115.
41. Там же. С. 323–324.

42. Там же. С. 449.
43. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 162–163; Смирнова Я.С. Военная демократия в нартском эпосе // Советская этнография. М., 1959. 6. С. 60–68.
44. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса... С. 158, 163; Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 9; Иванеско А.Е. Реалии воинского быта... С. 39.
45. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 60.
46. Там же. С. 246.
47. Там же. С. 340 и др.
48. Там же. С. 78.
49. Там же. С. 134.
50. Там же. С. 139.
51. Там же. С. 263.
52. Там же. С. 421.
53. Там же. С. 449.
54. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. С. 324.
55. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С. 36.
56. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С. 60–67.
57. Чочиев А.Р. Очерки истории социальной культуры осетин... С. 86–87.
58. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* // Вступит. ст., перев., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. Комм. 388. С. 274–276.
59. Удальцова З.В. Мирозрение А. Марцеллина // Византийский временник. Т. XXVIII. 1968. С. 57.
60. Schwegler A. *Römische Yeschichte im Zeitalter der Konige* / Tübingen. 1853. С. 46. Цит. по: Ильинская Л.С. Легенды и археология. Древнейшее Средиземноморье. М., 1988. С. 167.

V.A. KUZNETSOV

AMMIAN MARCELLIN AND THE OSETIAN NARTS

The comparative analysis of Ammian Marcellin's the famous Roman writer's of the IV century AD, information, on the Alans-Tanaites with the data contained in the Osetian Narts epos has been presented in the article (the role of nomadic way of life, the sword worship, the horse's role, pleasure of wars, despising old people). The author comes to the conclusion of the highly informative Narts epos as a historical source.

Keywords: the North Caucasus, I centennial AD, the Circassians' tribal union, the Alans-Tanaites, Ammian Marcellin's data, the Narts' epos.

А.А. Остахов
(г. Пятигорск)

**РОЛЬ СРЕЛКОВОГО БОЯ
В ТАКТИКЕ ЧЕРКЕСОВ В XIV–XVIII вв.**
(на базе археологических материалов)

Статья рассматривает роль и формы реализации стрелкового боя в тактике черкесов. Проводится сравнительный анализ стрелкового боя у монголов, англичан и черкесов на базе археологических материалов. В ходе исследования выявлена специфика стрелкового боя у черкесов и его роль в их тактике боя.

Ключевые слова: лук и стрелы, наконечники стрел, тактика, археология, рукопашный бой, стрелковый бой, главное и вспомогательное оружие.

Лук со стрелами как основное и высокоэффективное оружие дистанционного боя имели повсеместное распространение. Искусное владение лучной стрельбой было непременным атрибутом многих героев, деяния которых были запечатлены в исторической памяти разных народов мира. Однако уровень развития искусства лучного боя среди народов Европы и Азии был неодинаков. Традиционно в Азии лук играл роль главного оружия, несшего на себе основную боевую нагрузку, поэтому здесь он превратился в сакральное оружие, наделенное магическими свойствами. Однако в Европе начиная с античных времен лук уступал приоритет клинковому оружию, поэтому считался оружием таких слабаков, как гомеровский Парис.

Выявление степени развития лучного боя у какого-либо народа позволяет не только реконструировать общую картину его военного искусства и выявить его специфические черты, но и найти ответ на вопрос: какому культурному пространству принадлежит данный этнос и его военное искусство – европейскому или азиатскому?

В ходе предыдущих исследований автора было выяснено, что искусство лучной стрельбы было хорошо развито у черкесов, но при этом оно уступало приоритет рукопашному бою, в связи с чем лук со стрелами были вспомогательным оружием, а не основным. Отсюда вытекает ряд интересных вопросов: 1) в каких формах проявлялась вспомогательная роль лука в общей картине боя у черкесов? 2) где проходила грань предельных боевых возможностей лучного оружия у адыгов? 3) к какой модели относится адыгская тактика – к европейской или азиатской? Из всего вышесказанного видно, что изучение вопроса о роли лучного боя в адыгской тактике приобретает фундаментальные черты, представляет сложную задачу, т.к. все имеющиеся сведения носят отрывочный или поверхностный характер без глубокого анализа. В связи с этим требуется комплексный подход, который позволит собрать в единый конгломерат весь имеющийся материал, провести исторические параллели и выстроить общую картину

проблемы. При этом особую ценность здесь представляют археологические материалы, позволяющие найти недостающие связующие нити и с их помощью соединить в единую картину множество разнородных информационных фрагментов.

Проведем сравнительный анализ стрелкового оружия азиатского, европейского и черкесского воинств сквозь призму археологии и тактики.

В качестве представителей азиатского воинства возьмем монголов. Стрелковый боекомплект монгольского воина XIII–XIV вв., согласно археологическим данным, был представлен стрелами трех типов: трехлопастные, плоские и граненые (Рис. 1)¹.

Основной удельный вес среди всех имеющихся стрел составляли стрелы с широкими плоскими наконечниками, с дугообразным или прямым острием (срезни). Срезни предназначались для нанесения широких резаных ран всадникам и лошадям. При этом против лошадей старались использовать стрелы с крупными наконечниками, а против всадников – с наконечниками меньших размеров. Судя по большому количеству срезней, на них возлагалась основная боевая нагрузка: они выполняли функцию клинкового оружия.

Трехлопастные наконечники стрел, по мнению Ю.С. Худякова, предназначались для стрельбы на дальние дистанции. Дополнительные лопасти позволяли стреле вращаться вокруг оси, что увеличивало дальность ее полета. Однако В.Ф. Немеров считает, что дополнительные лопасти придавали стреле устойчивость в полете и наносили болезненные рваные раны. Стрелы с такими наконечниками использовались для поражения воинов, не защищенных доспехами². Стрелы с гранеными наконечниками предназначались против воинов в доспехах, т.е. они были бронебойными. Данный вид стрел в общем наборе представлен в незначительном количестве³.

Отсюда выделяются основные характеристики монгольского стрелкового комплекта: большое разнообразие форм наконечников стрел, наличие наконечников для стрельбы на дальние и ближние дистанции, значительное преобладание срезней над всеми другими видами. Из этого вырисовываются основные черты монгольской тактики: лук со стрелами был главным оружием монголов, поэтому их стрелковый боекомплект обладал большим разнообразием наконечников, выполнявших широкий спектр боевых задач; стержень их тактики составлял стрелковый бой, а не рукопашный (клинковый), поэтому у монголов луки со стрелами были на более высоком уровне развития, чем клинковое оружие; рукопашный бой, а следовательно, и клинковое оружие были слабо развиты у монголов, обусловив этим большое количество и разнообразие срезней, выполнявших их функцию; в деле истребления живой силы противника лук при всех своих достоинствах обладал ограниченным потенциалом в отличие от клинкового оружия, поэтому монголам приходилось расширять его боевые возможности за счет массовых форм применения.

Такое состояние монгольского оружия обусловило следующую тактику боя: сначала легкая конница монголов с помощью визуальной разведки и прощупывающих атак выявляла слабые места позиции противника; затем они сосредотачивали основные силы против выбранного для атаки места и одновременно совершали глубокий обходной маневр для захода во вражеский тыл; далее переходили к стрелковому бою, обстреливая выбранный пункт в позиции противника. Подразделения конных лучников вели обстрел залпами с дальних дистанций, попеременно сме-

няя друг друга. Благодаря этому монгольский обстрел представлял собой непрерывный ливень стрел, который не прекращался вплоть до полного истощения вражеских сил. Когда потери противника в людях и особенно в лошадях достигали значительных размеров, а войско было дезорганизовано, в дело вступала тяжелая кавалерия монголов, которая наносила решающий удар. Обычно враг не выдерживал его и обращался в массовое бегство, а монголы силами своей легкой и тяжелой кавалерии активно преследовали отступающих, превращая их в беспорядочную толпу и нанося им большие потери. Монголы гнали их в сторону своего отряда, который в начале боя зашел в тыл к неприятелю и ждал нужного момента. Далее тыловой отряд внезапно атаковал бегущего противника, сдавливая его в тисках. Чаще всего такое преследование приводило к полному истреблению вражеской армии⁴.

Особое внимание стоит обратить на систему ведения лучного боя у монголов в рамках данной тактической системы. Сначала монголы начинали тревожащий обстрел. С дальних дистанций они интенсивно обстреливали неприятеля дальнебойными стрелами. В этом случае сразить вражеского воина было практически невозможно, но зато можно было легко ранить его самого и его лошадь. Высокая интенсивность обстрела приводила к накоплению легких ранений, которые могли стать серьезным фактором победы. На ближней дистанции монголы переходили к основной стрельбе: они прицельно стреляли по лицу и рукам вражеских воинов стрелами с крупными трехлопастными наконечниками и широкими плоскими срезными лопатковидной формы. Последние на близком расстоянии наносили не проникающие, а сильнейшие рубящие удары, оставлявшие сильно кровоточащие и обессиливающие раны. При этом срезни наносили широкие резаные раны, а трехлопастные стрелы – рваные раны. Так же использовались стрелы с ассиметрично-ромбовидными наконечниками, которые, обладая смещенным центром тяжести, оставляли тяжелые раны: при попадании стрелы в цель краем наконечника ее сильно заносило, так что рана получалась заглубленной. Далее в дело вступала тяжелая кавалерия монголов, которая, по утверждению Г. Панченко, больше полагалась на лучную стрельбу, чем на рукопашный бой. Имея хорошие доспехи, которые защищали от вражеских стрел, всадники могли приблизиться к неприятелю на близкую дистанцию и прицельно расстреливать его: одоспешенных воинов – бронебойными стрелами или обычными по лицу и рукам, неодоспешенных – срезными. При этом им не надо было совершать сложные маневры и носиться перед вражеским войском галопом во избежание угрозы попадания вражеских стрел. Израсходовав весь запас стрел, тяжелооруженные всадники переходили к рукопашному бою, где они имели преимущество над вражескими воинами, лица и руки которых, как основные инструменты клинкового боя, были изранены монгольскими срезными. Далее, когда враг обращался в бегство, тяжелые монгольские всадники пересаживались на запасных лошадей с полным комплектом стрел и преследовали неприятеля, уничтожая его из луков⁵.

Из всего вышесказанного следует, что монголы возложили именно на лук со стрелами, а не на клинковое оружие, главную боевую задачу – уничтожение живой силы врага. Выполнение этой сложной задачи требовало поставить стрелковый бой на совершенно новый уровень за счет следующих элементов: высокая плотность обстрела путем залповой системы, непрерывность обстрела за счет поочередной смены в бою подразделений,

эффективное сочетание стрельбы на ближней и дальней дистанциях. Поэтому стрелковый бой был стержнем монгольской тактики. Широкое применение маневра, длительное ведение боя и выносливость лошадей – все эти детали монголы использовали для обеспечения высокоэффективной стрельбы из лука. Причина, обусловившая такое положение дел, заключалась в слабом развитии клинкового боя и оружия у монгольского воинства.

Средневековое европейское воинство, которое представляли рыцари, будучи преемником достижений греко-римской цивилизации, основной упор в бою сделало на рукопашный бой. Поэтому его главным оружием был меч, который стал символом рыцарского воинства и превратился в сакральное оружие. Несмотря на это, рыцари отлично владели луком, но, осознавая его крупные недостатки в ближнем бою, они отказались от его использования в условиях конного боя.

Основным средством уничтожения вражеской силы у рыцарей был рукопашный бой, именно он составлял стержень средневековой европейской тактики и формировал ее внешний вид, сильно отличавшийся от азиатской тактики. Как следствие, одной из главных задач в данной ситуации становилось навязывание рукопашного боя неприятелю, а для этого необходимо было проникнуть в глубь вражеских масс. На практике это достигалось за счет стремительной конной атаки, быстро переводившей бой на ближнюю дистанцию, и таранного удара, позволявшего прорвать строй неприятеля и глубоко врезаться в его ряды. Для усиления эффекта таранного удара рыцари использовали длинные копья, которые нередко в ходе атаки пронзали двух воинов одновременно и создавали глубокую брешь в строевой линии. Далее, сквозь эти бреши, рыцари глубоко вклинивались во вражеские массы и устраивали сечу, истребляя противника.

Английские рыцари, в отличие от своих континентальных собратьев по оружию, смогли по достоинству оценить преимущества стрелкового боя и решили воспользоваться его боевым потенциалом. Однако, прекрасно осознавая неэффективность лука в кавалерийской схватке, английские рыцари передали его в руки пехотинцев.

Основными типами наконечников стрел у англичан были лезвийные (бродхеды) и граненые (бодкины), которые в свою очередь имели различные вариации (Рис. 2)⁶. Общие контуры и малые размеры всех видов английских наконечников говорят о том, что они были предназначены для нанесения глубоких проникающих ран. При этом бродхеды обладали режущими гранями, которые при попадании в тело оставляли глубокий порез, вызывавший сильное кровотечение. Бодкины в большинстве своем были граненой формы и предназначались для пробивания рыцарских доспехов⁷. В отличие от монгольского стрелкового комплекта, где значительный удельный вес составляли стрелы с широкими срезнями, у англичан большое внимание уделялось стрелам с гранеными наконечниками (Рис. 3)⁸. Специфической чертой английских наконечников является их втульчатая насадка, хотя в странах Азии и Восточной Европы в период позднего Средневековья господствовали черешковые наконечники. При вытаскивании стрелы из тела втульчатый наконечник оставался в ране и вызывал нагноение, увеличивая смертность среди раненых воинов.

Из этого следует выделить ряд особенностей стрелкового оружия англичан: английские стрелы были предназначены для нанесения проникающих ран, поэтому лучники основной упор делали на высокую пробивную силу, достигавшуюся за счет крупных габаритов лука и сильного натяже-

ния тетивы; англичане в отличие от монголов широко использовали бронбойные стрелы в связи с острой необходимостью борьбы с тяжелой рыцарской конницей; широкие срезни они почти не применяли в бою, т.к. в этом не было необходимости, ибо английские рыцари и даже лучники в отличие от монголов хорошо владели искусством рукопашного боя.

Отсюда вырисовываются основные черты английской тактики: главным оружием у англичан был меч, а вспомогательным – лук со стрелами; на стрелковый бой возлагалась задача по изматыванию и истощению сил противника, а на рукопашный бой – по истреблению его измотанной живой силы; наличие тесного взаимодействия кавалерии и пехоты, которая могла реализовать потенциал стрелкового боя намного лучше, чем конница.

Все вышеперечисленные моменты обусловили следующую тактическую схему: Английские лучники-пехотинцы располагались на позиции, удобной для обороны: фланги и тыл обычно прикрывались неровностями ландшафта, а фронт – специально воткнутыми в землю кольями. Впереди позиций лучников выстраивались в линию спешенные рыцари и копейщики, которые должны были их прикрывать в случае вражеского прорыва. Когда неприятельская конница начинала атаку, английские лучники с дальней дистанции (100–300 м) обстреливали вражеских лошадей и бездоспешных воинов стрелами с лезвийными наконечниками (броадхеды). Лучникам за счет высокой скорострельности удавалось создать ливень стрел, компенсирующий неточность стрельбы с дальнего расстояния. Град стрел сбивал всадников с коней, ранил лошадей, которые начинали метаться в строю и вносить в ряды страшный беспорядок, срывая тем самым наступательный порыв. Когда противник приближался к позициям англичан (60–100 м), то они переходили на стрелы с гранеными наконечниками (бодкины). Последние на ближней дистанции способны были пробить кольчугу и даже пластинчатые доспехи. Далее, когда измотанный и обескровленный неприятель все же достигал позиций, в бой вступали свежие силы английских рыцарей и копейщики, которые истребляли врагов силы в рукопашной схватке.

Английская боевая тактика, с одной стороны, представляет собой блестящий пример эффективного сочетания и взаимодействия клинкового и стрелкового оружия, однако, с другой стороны, она четко показывает, что лук со стрелами – это оружие для измора вражеских сил, а меч – оружие для их уничтожения. При всех своих достоинствах лук был не в состоянии взять на себя полноценное выполнение функций меча, поэтому он оставался вспомогательным оружием, а меч – главным. Луку со стрелами англичане, а позже и другие европейцы, отводили роль обеспечения благоприятных условий для эффективного ведения рукопашного боя.

Как же обстояло дело со стрелковым боем у черкесов? Для этого необходимо детально проанализировать археологические материалы, касающиеся наконечников стрел адыгских воинов. Обратимся к артефактам кабардинских курганов XIV–XVII вв., исследованным А.Х. Нагоевым, который классифицировал наконечники стрел по форме пера: 1–3 – широкие листовидные, 4–5 – двурогие срезни, 6–10 – ромбические и удлиненно-ромбические (Рис. 4)⁹. Для целей данного исследования необходим более детальный анализ наконечников адыгских стрел по методике А.Ф. Медведева¹⁰.

По форме насада все наконечники черешковые. По форме поперечного сечения все адыгские стрелы можно разделить на два типа: плоские и граненые. Плоские имеют линзовидное сечение, а граненые – ромбическое или шестиугольное.

Наконечники № 1, 2, 3 относятся к числу широких плоских и имеют следующие характеристики: листовидная форма пера с расширением в нижней части, линзовидное сечение, отсутствие упора, округлые края, лезвийные стороны и плечики. Однако наконечник № 2 обладает прямыми плечиками и лезвийными сторонами, хотя края сохраняют округлую форму, что позволяет его относить также и к ромбовидным.

Наконечники № 4, 5 являются двурогими срезнями. Спецификой их конструкции являются широкие рога с лезвийной частью, что позволяло одновременно достичь проникающего и режущего эффекта. В бою такой наконечник наносил глубокую резаную рану. Наконечник № 6 относится к числу обычных плоских и обладает такими признаками, как узкая листовидная форма с расширением в нижней части, линзовидное сечение, наличие упора, прямые плечики, округлые края и лезвийные грани.

Наконечники № 9, 10 относятся к числу обычных плоских с такими признаками, как вытянутая ромбовидная форма пера с расширением в нижней части, вогнутые плечики, угловатые края и прямые лезвийные грани. При этом наконечник № 9 имеет упор, слабо выраженные плечики и толстое линзовидное сечение, тогда как наконечник № 10 – тонкое плоское сечение и четко выраженные плечики.

Наконечники № 7, 8 относятся к числу граненых. При этом наконечник № 7 обладает килевидной сплюсненной формой с расширением в нижней части, шестигранным сечением, упором, тупыми краями и прямыми, слабо выраженными плечиками. Именно сплющивание придавало наконечнику шестигранное сечение, что уменьшало его массу и повышало его прочность. Наконечник № 8 имеет пирамидальную форму, ромбическое сечение, слегка округлые лезвийные грани и слабо выраженные плечики.

Таково было состояние наконечников стрел у восточных адыгов (кабардинцев, бесленеевцев и др.). Аналогичная ситуация наблюдалась и у западных адыгов (шапсугов, абадзехов, натухайцев и др.), о чем свидетельствуют археологические материалы Белореченского, Убинского и Пшишского могильников¹¹.

Однако стоит отметить, что среди наконечников стрел из Белореченского могильника наряду с узкими ромбовидными присутствуют крупные трехлопастные и широкие плоские срезни (Рис. 5–7, 15, 16, 17, 18, 19, 20)¹². Количество последних было незначительным, что свидетельствует об их редком применении черкесами. Форма данных наконечников свидетельствует об их монгольском происхождении, т.е. контактах адыгов с монголами. Их инородное происхождение дополнительно подтверждается отсутствием аналогичных наконечников в Убинском и Пшишском могильниках, которые датируются более ранними периодами.

Из проведенного анализа следует вывод: подавляющая масса наконечников стрел у черкесов имела форму узкого остроконечного ромбовидного пера небольших размеров, что позволяло значительно снизить общую массу стрелы и тем самым повысить дальность и скорость ее полета; узкое остроконечное ромбовидное перо и малые размеры наконечников стрел также были предназначены для нанесения глубоких проникающих ранений; граненые наконечники у черкесов не обладали столь широким разнообразием внешних форм, какое наблюдалось у англичан, т.к. проблема пробивания доспехов у черкесов не стояла столь остро, как в Европе (основным доспехом на Северном Кавказе была кольчуга, а латные пластины не применялись); малые трехлопастные наконечники для дальних дистанций у адыгов отсут-

ствовали в связи с низким эффектом дальнобойной лучной стрельбы, которую они не практиковали; широкие срезни и крупные трехлопастные наконечники, часто применявшиеся монголами, практически отсутствовали в адыгском боекомплекте, что свидетельствует о высоком уровне развития клинкового боя у черкесов (аналогичная ситуация была и у англичан); наличие незначительного количества крупногабаритных плоских и трехлопастных наконечников обусловлено у адыгов практикой обстрела вражеских лошадей, что было необходимо в условиях борьбы со степняками; относительное однообразие форм наконечников стрел у адыгов свидетельствует об узком спектре боевых задач, решаемых стрелковым боем.

Выше описанное состояние стрелкового боекомплекта у черкесов обусловило соответствующие особенности их тактики: лук со стрелами выполнял узкий спектр боевых задач, поэтому он являлся вспомогательным оружием; основным средством истребления вражеской силы был рукопашный бой, поэтому клинковое оружие было главным у черкесов, а его развитию они уделяли основное внимание; относительно однообразный состав стрелкового боекомплекта обусловил основные пути повышения эффективности из лука стрельбы – за счет меткости и высокой пробивной силы.

Несмотря на некоторые отличия, четко вырисовывается сходство между английскими и черкесскими наконечниками стрел по конструкции, составу и функциональному назначению. Поэтому присутствует сходство между их тактическими системами.

Однако в отличие от англичан черкесы не выделили лучников в отдельный род войск и не отдали лук в руки пехоты. Они приспособили это оружие к кавалерийскому бою, поэтому адыгские лучники были всадниками. Хотя в некоторых случаях последние могли спешиваться и действовать как лучники-пехотинцы. Причина заключалась в том, что у адыгов основной формой ведения военных действий была маневренная война, которая вывела конницу на главное место, а отсутствие тенденции развития родов войск обусловило ее универсальное назначение. Поэтому черкесы извлекали пользу из этого оружия преимущественно в кавалерийском бою, что определяет сходство с монгольской тактикой.

Каким же образом черкесы применяли лук в бою? В некоторых случаях они использовали обстрел из лука во время фронтальных атак. Последние были весьма сложным и опасным делом, т.к. передние ряды неприятеля всегда состояли из самых храбрых и стойких воинов. Для успеха атаки необходимо было подготовить благоприятные условия, поэтому перед ее началом черкесы давали по неприятелю короткий залп из луков, чтобы посеять в его рядах панику и ослабить стойкость фронтальных линий. Сразу после обстрела адыгские всадники, не давая врагу времени на восстановление строя, наносили молниеносный удар по фронту. Врезавшись на полном скаку в его ряды, черкесы переходили к рукопашному бою, истребляя вражеские силы и обращая их в бегство. Так, например, данная схема имела место во время Бзюкской битвы (1796), когда шапсуги, перед тем как нанести фронтальный удар по бжедухам, осыпали их градом стрел¹³.

Если после атаки противник обращался в бегство, то черкесы приступали к активному преследованию. Ему они придавали большое значение, т.к. в этот момент вражеские силы были абсолютно беззащитны и могли быть полностью уничтожены, что привело бы к безоговорочной победе. Однако во время преследования было крайне трудно применить клинковое оружие, т.к. убегающие воины держались на дистанции. В этой

ситуации лук был просто незаменим, поэтому адыгские всадники свободно расстреливали в спину бегущего неприятеля.

Иногда неприятелю удавалось отбить фронтальную атаку черкесов и сразу перейти в контратаку. В этом случае последние оказывались в роли преследуемых, что грозило опасными последствиями. Поэтому было крайне необходимо отбиться от погони, что адыгские всадники и делали с помощью лука: на полном скаку они разворачивались в седле на 180° и стреляли по преследователям. Другими словами, черкесы применяли знаменитый с древних времен прием – «скифский выстрел».

В случае, когда неприятелю удавалось отбить атаку черкесов, но не удавалось сразу же перейти в контрнаступление, адыги отходили и готовились к новой атаке. В этот момент они были достаточно уязвимы, т.к. проводили перегруппировку сил. Чтобы защитить их от возможных атак противника, часть сил адыгов рассыпалась и кружилась вокруг него, обстреливая из луков. Другими словами, черкесы применяли аналог монголо-татарской «мельницы». Неприятель вынужден был обороняться, а не атаковать; помимо этого он изматывал свои силы в процессе обороны. По окончании перегруппировки сил черкесы, оправившиеся после неудачи, наносили новый удар по измотанному противнику. К примеру, эта схема применялась в сражении между кабардинцами и русскими во главе с генералом Якоби под Марьевской крепостью в 1779 г.¹⁴

В некоторых ситуациях черкесы использовали лук для снайперской стрельбы по вражеским полководцам, чтобы обезглавить войско неприятеля и привести его в замешательство. Далее, пользуясь благоприятной ситуацией, горцы немедленно атаковали противника. Такой случай имел место при подавлении движения Шейха Мансура в Закубанье. Во время боя между русским отрядом и черкесами у р. Лабы в 1787 г. атаман Янов был убит прямым попаданием в голову двух стрел¹⁵.

При вторжениях неприятеля в Черкесию горцы в рамках стратегии измора широко применяли тревожащий обстрел, который позволял замедлить скорость движения врага и держать его силы в постоянном напряжении. Для этого использовались мобильные стрелковые группы, состоявшие из конных лучников с большими луками. Лошадь в этом случае выполняла роль транспортного средства. Выбрав удобную позицию, всадники спешили, ждали приближения неприятеля, давали по нему несколько залпов и, сев на лошадей, отступали на новую позицию. Такая комбинация повторялась на всем пути движения противника. Иногда всадники использовали своих лошадей в качестве подвижных башен: они стреляли из луков, стоя на спине лошади в полный рост, что повышало точность и дальность стрельбы. Аналогичная система ведения стрельбы из лука практиковалась английскими хобелярами (конными лучниками)¹⁶.

Стоит отметить, что черкесы неплохо владели искусством залповой стрельбы из луков. Это свидетельствует о хорошем уровне координации в адыгском войске, несмотря на его иррегулярный характер. Один из таких моментов упомянут в мемуарах Ф. де Сегюра: «Генерал Апраксин сообщил мне, что в одном тяжелейшем сражении кабардинцы нанесли больше бедствия его войску стрелами, чем ружьями: эти стрелы, пущенные издали, вонзились в тела людей и лошадей до оперения. От первого выстрела в 400 русских кавалеристов последние потеряли убитыми и сбитыми с лошадей 70 человек»¹⁷.

Помимо кавалерийских боев на открытых пространствах, стрелковый бой играл немаловажную роль у черкесов во время лесных и горных сражений. Отсюда хорошо видно, что черкесы использовали лук везде, где можно было извлечь из него толк. И хотя ему отводилась немаловажная роль, она была второстепенной по своему характеру. Высокий уровень развития искусства стрелкового боя у черкесов проявился не в степени важности его тактической роли и не в широте спектра решаемых боевых задач, а в том, что он был органично интегрирован в ударно-маневренную тактику адыгов, стержнем которой был рукопашный бой.

На базе вышеозвученных положений вырисовывается интересная картина адыгской тактики. С одной стороны, ее стержень составлял рукопашный бой, навязываемый противнику таранным ударом, что делало черкесскую тактику ударной по своей сущности и сближало с тактикой европейских рыцарей. С другой стороны, она была маневренной по своему характеру и обладала огромным маневровым потенциалом, что отличало ее от рыцарской тактики и делало похожей на тактику азиатских кочевников. Получался интересный гибрид двух различных тактических систем – ударной европейской и маневренной азиатской.

В условиях маневренного боя в некоторых ситуациях клинковое оружие было бесполезным, а лук мог принести существенную пользу, поэтому черкесы не отказались от его использования. Им удалось сделать то, что не смогли сделать европейские рыцари и воины азиатских степей: органично совместить клинковое и лучное оружие, а также рукопашный и стрелковый бой в рамках одного рода войск (кавалерии). Другими словами, черкесская кавалерия в бою могла действовать как европейская рыцарская конница и как восточная легкая кавалерия. Фундаментальная причина этого явления заключалась в том, что Черкесия, как и весь Северный Кавказ, была местом контакта культурных пространств Европы и Азии.

Аналогичная тенденция – попытка органичного совмещения рукопашного и стрелкового боя в рамках одного рода войск – наблюдалась у византийцев и египетских мамлюков. Причина этого объясняется их географическим расположением: по меридиану, проходящему сквозь Северный Кавказ, Византию и Египет проходил стык Европы и Азии, другими словами – цивилизационный фронт. И народы, жившие вдоль этого фронта, одновременно обогащали себя достижениями двух разных миров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

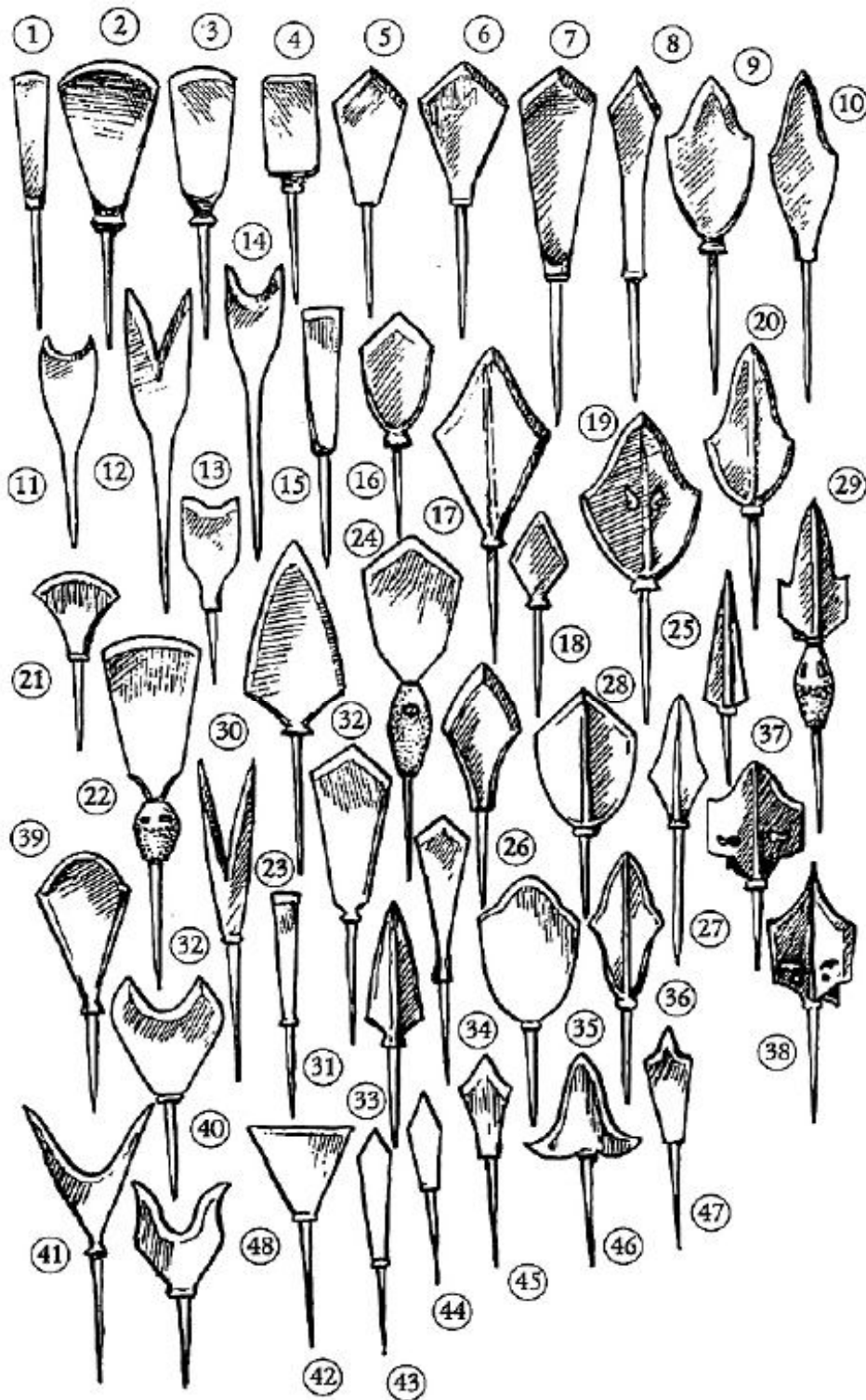

Рис. 1. Монгольские наконечники стрел XIII–XIV вв.

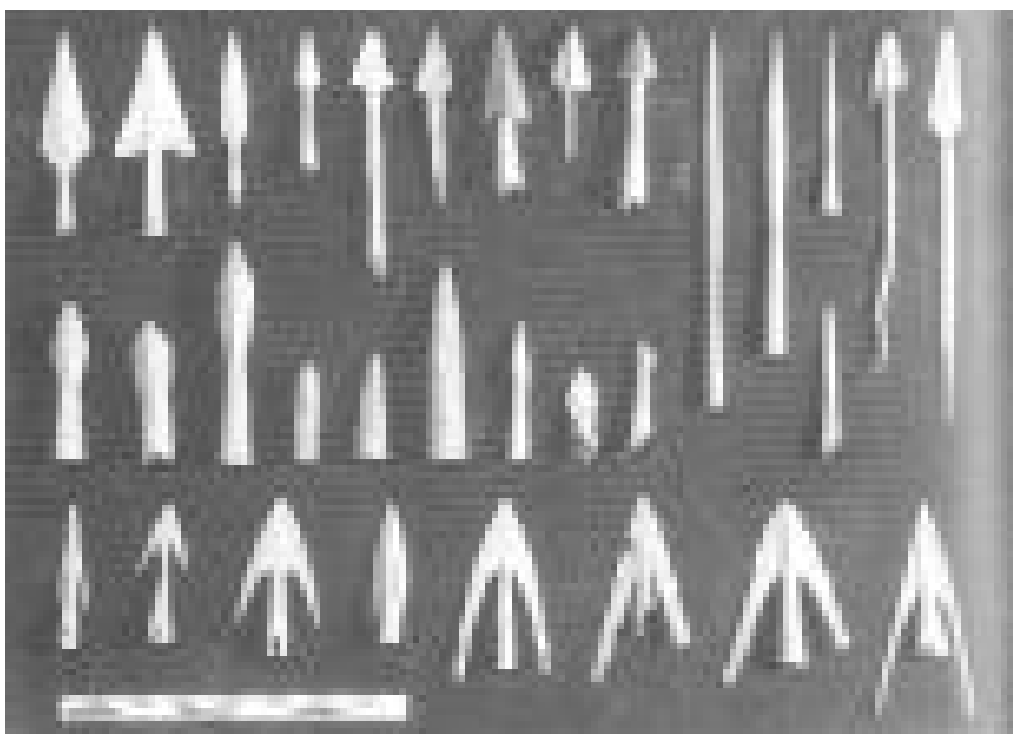

Рис. 2. Типы наконечников английских стрел: 1 – бродхед, 2 – бодкин

Рис. 3. Английские наконечники стрел XIV–XV вв.

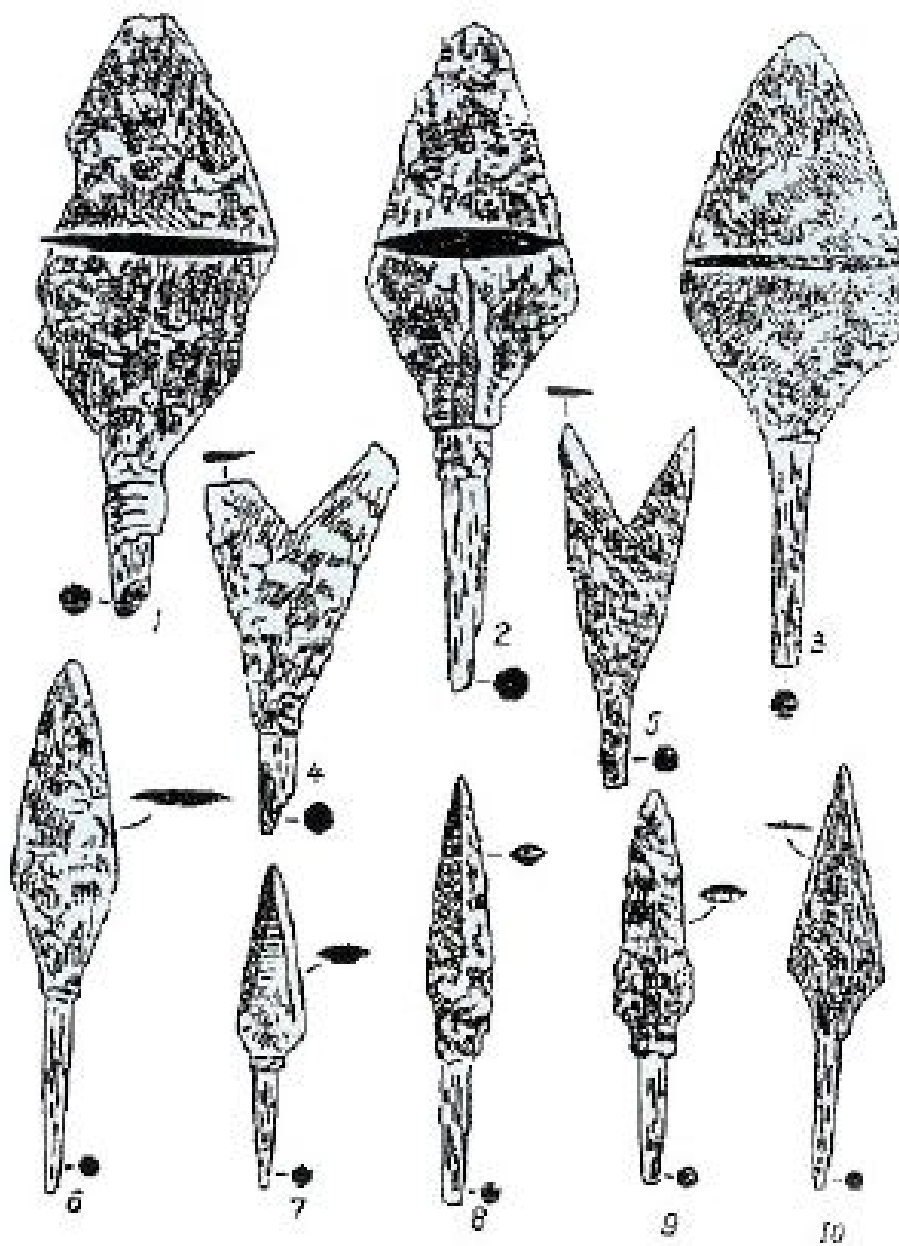

Рис. 4. Наконечники стрел из кабардинских курганов XIV–XVII вв.

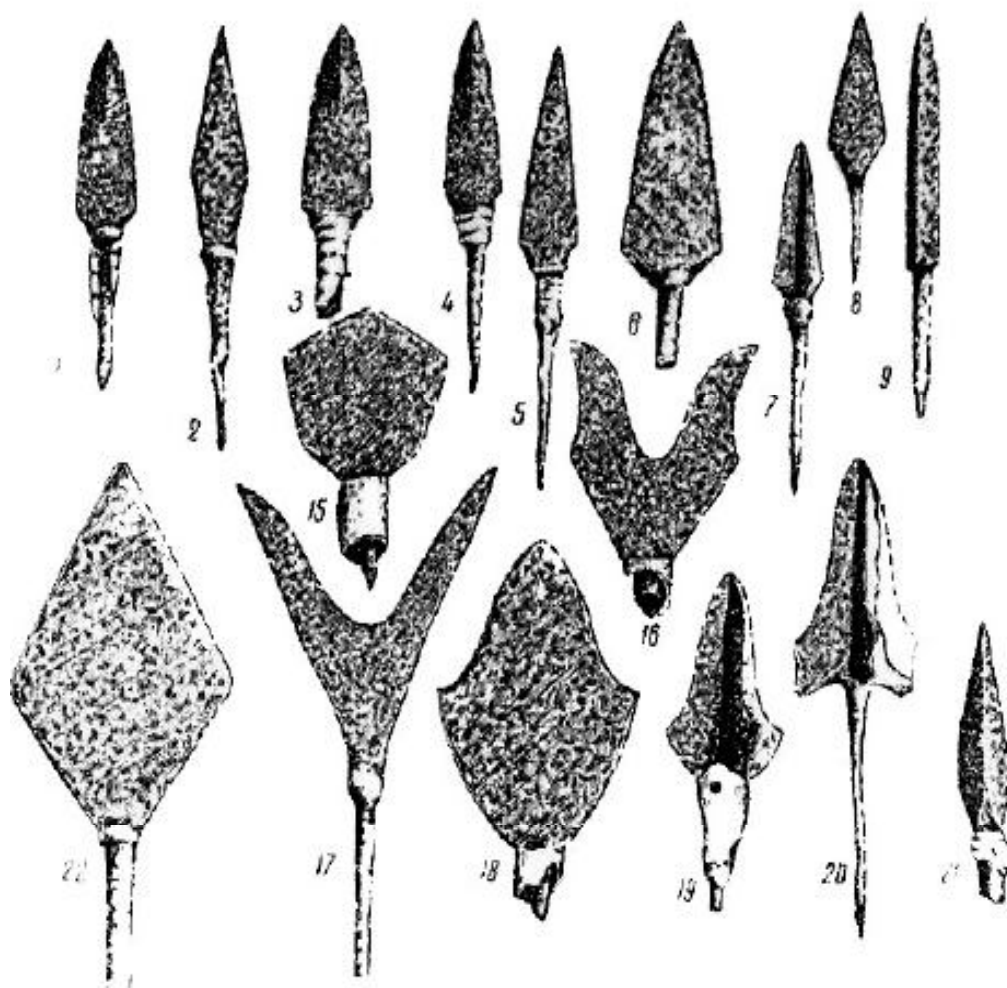

Рис. 5. Наконечники стрел из Белореченского могильника XIV–XV вв.

Примечания

1. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. // <http://steppe-arch.konvent.ru/materials/gorelic-04.shtml>.

2. Худяков Ю.С. Сабля Багыра: Вооружение и военное искусство средневековых кыргызов. СПб., 2003. С. 61; Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // <http://velizariy.kiev.ua/avallon/museum/mongol.htm>.

3. Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. М., 2010. С. 118.

4. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 80–81.

5. Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. С. 132–137.

6. Дембовский Д. Реконструкция средневековых английских стрел и наконечников // <http://archers.medieval.ru/forum/viewtopic.php?t=3237>

7. Коул Г. Наконечники стрел XIV–XV вв. // http://longbowclub.ru/lib_attachment2.htm.

8. Barratt J. The Battle of Shrewsbury // <http://www.militaryhistoryonline.com/medieval/shrewsbury/>.

9. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 55.
10. Медведев А.Ф. Археология СССР. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. (Свод археологических источников). М., 1966. С. 36–53.
11. Левашева В.П. Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея: Археологический сборник / Под ред. проф. А.А. Брюсова. Вып. XXII. М., 1953. С. 177–179; Стрельченко М.Л. Вооружение адыгейских племен в X–XV веках (по материалам Убинского могильника) // Наш край: Материалы по изучению Краснодарского края. Вып. I. Краснодар, 1960. С. 152–154; Носкова Л.М. Средневековые погребения могильника на р. Пшиш в Адыгее. По раскопкам 1986 и 1988 годов // Государственный музей Востока: Материальная культура Востока. М., 2005. Вып. 4. С. 186–200.
12. Левашева В.П. Белореченские курганы... С. 177–179.
13. Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 431.
14. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Нальчик, 2001. С. 176.
15. Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 118.
16. Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. М., 2010. С. 192.
17. Сегюр де Ф.Л. Воспоминания // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков / Сост. В.М. Аталиков. Нальчик, 2006. С. 278.

A.A. OSTAKHOV

THE ROLE OF ARCHERY COMBAT
IN CIRCASSIAN TACTICS XIV–XVIII CENT.
(on the base of archaeological materials)

The paper considers the role and forms of realization archery combat in tactics of Circassians. The analysis of the archery combat of mongols, englishmen and circassians on the base of archaeological materials is conducted. During historical research the specific of archery's combat of Circassians and it's role in their tactics is educed.

Keywords: bow and arrows, arrowheads, tactics, archeology, hand-to-hand combat, archery combat, main weapon, auxiliary weapon.

Ю.А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

**СИРАКИ, ТОХАРЫ
И ДРУГИЕ ПЛЕМЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ II в. ДО Н.Э. – НАЧ. I в. Н.Э.
ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ
И НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ**

В статье рассматриваются особенности этнополитической ситуации, сложившейся в Предкавказье во второй половине III в. до н.э. – I в. н.э. Особое внимание уделяется участию предкавказских степных племен: сираков, тохаров и др. – в политических событиях Малой Азии и Северного Причерноморья. Для этнополитической реконструкции автором привлекаются письменные источники, археологические и нумизматические данные.

Ключевые слова: сарматы, сираки, тохары, набианы, панксаны. Понтийское царство. Боспорское царство. Митридат VI. Фарнак I. Фарнак II. Военные походы в Малую Азию. Сиракский союз племен.

Считается, что появление сираков на Северо-Западном Кавказе связано с начавшимся в III в. до н.э. продвижением сарматских племен на запад. В качестве первопричин движения К.Ф. Смирнов называет социально-экономические процессы¹. Наиболее активными были носители прохоровской культуры, именно они потеснили савроматов. Часть последних в лице сираков вынуждена была уйти на юго-запад, в то время как другие племена устремились на запад – в Северное Причерноморье.

Существует другая гипотеза о путях появления сираков на Северном Кавказе. Ю.М. Десятчиков считает, что они могли прийти южным путем: из Средней Азии через Иран и Кавказ². Автор основывается только на письменных источниках, и, как справедливо отметил А.М. Ждановский, у этой гипотезы нет археологических доказательств³.

Предполагается, что этноним «сираки» возник в дахо-массагетской среде Закаспия⁴. Его носителей считали ветвью саков⁵. Одним из аргументов в пользу закаспийского происхождения сираков для исследователей служит сообщение Полиэна (VII, 12) о сакском герое Сираке. Однако для отождествления имени незначительного воина в качестве этнонима племенной группы нет достаточных оснований. Возможно, имя Сирак было широко распространено в среде близкородственных ираноязычных племен⁷.

Первые достоверные сведения о появлении в обширном массиве сарматских племен наименований отдельных племенных союзов содержатся в «Географии» Страбона. Считается, что в данном труде нашло отражение активно осуществлявшееся уже в то время продвижение на запад сарматских племен, которые Страбон размещает между Днепром и Доном. В главе «Описание побережья Меотиды и Понта до Колхиды» Страбон упо-

минает аорсов и сираков, «спускающихся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. У самого озера живут меоты...» (XI, II, 1).

Как отметила М.П. Абрамова, аорсы и сираки локализируются к востоку от Азовского моря, причем выражение «спускающиеся к югу» относится, по-видимому, только к сиракам (как представляется автору, вообще нет данных для локализации аорсов в южных районах Предкавказья)⁸.

В.Б. Виноградов, опираясь на сообщение Страбона о том, что сираки и аорсы «кажется, беглецы из среды живущих выше народов» (XI, II, 1), и, связав его со свидетельством Плиния о бегстве Митридата к савроматам, пришел к выводу, что савроматы и сираки отождествлялись античными авторами, поскольку в версии Тацита, также описавшего эти события, Митридат Боспорский бежал к царю сираков Зорсину (Анналы, XII, 15–17)⁹. Назвав сираков беглецами, Страбон указывает и направление поисков мест, откуда они бежали, – это районы севернее Прикаспия, районы распространения раннесарматской (прохоровской) и предшествовавшей ей савроматской культур. Такая ситуация привела к появлению двух версий. Согласно первой – сираки считаются потомками савроматов¹⁰. По второй версии они являются носителями прохоровской культуры¹¹.

Страбон в другом высказывании уточняет место расположения сираков и аорсов: «Аорсы живут по Танаису, а сираки – по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду» (XI, V, 8). Ряд исследователей связывает Ахардей либо с Западным Манычем, либо с его притоком Егорлыкком (Маннерт К., Рейхард Р.Г., Латышев В.В., Мацулевич Л.А., Смирнов К.Ф., Виноградов В.Б., Шилов В.П.). Другие отождествляют Ахардей с Кубанью (Ростовцев М.И., Краснодубравский С.С., Гаглойти Ю.С., Камеицкий И.С., Кузнецов В.А., Марченко И.И. и др.)¹².

Не касаясь существа спорного вопроса, что подразумевать под Ахардеем – Кубань или Маныч, – следует присоединиться к точке зрения М.П. Абрамовой, что выражение «спускающиеся к югу до Кавказских гор» подкрепляет некоторым образом предположение о локализации сираков на Кубани. Все высказывания Страбона говорят о том, что сарматы жили в Восточном Приазовье¹³. Действительно, значительное количество сиракских комплексов выявлено в Прикубанье, но могильники с аналогичными материалами открыты и в районах, прилегающих к Западному Манычу: Новопалестинский – I и II, Степнянский, Спичаковка, Койсуг и др.¹⁴ Считается, что западной границей области расселения сираков является побережье Азовского моря (Меотиды) от устья Дона до Бейсугского лимана, а также левый приток реки Лабы – Фарс¹⁵.

По вопросу о восточных границах «Сиракены» у исследователей не сложилось единого мнения. По мнению В.Б. Виноградова, данные Страбона позволяют локализовать сираков на территории Северо-Восточного Кавказа. В качестве обоснования данного предположения автор указывает на р. Мермод, отождествляемую с Терекком¹⁶. По Страбону «Мермод, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракены и через всю лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду» (XI, V, 2). На основании этого высказывания была предложена версия о распространении сираков вплоть до течения р. Кумы и среднего течения Сунжи¹⁷.

М.П. Абрамова также согласилась с локализацией р. Мермод на Северо-Восточном Кавказе. Однако, поскольку, по представлению Страбона, р. Мермод впадает в Меотиду, следовательно, как считает исследователь,

она протекала на запад, при этом пересекала «пустыню», то есть неизвестные для Страбона земли, затем протекала по территории Сиракены и впадала в Меотиду. Следовательно, заключает автор, Сиракена располагалась в Восточном Приазовье, а не на Тереке¹⁸.

В связи с этим, принципиальное значение имеет локализация столицы сираков Успы, расположенной, по Тациту (Анналы, XII, 6), на возвышенной местности на берегу реки среднего размера и окруженной, земляными валами и рвами. По Е.Г. Пчелиной, Успа находилась где-то у с. Нижний Архыз на р. Большой Зеленчук¹⁹. На основании анализа описания в грузинской хронике «Картлис Цховреба» и армянской «Ашхарапуйц» маршрута легендарного миссионерского путешествия в Сиракены («в земли Овсетские») около сер. I в. н.э. св. апостолов Андрея и Симона (они из Сванетии попали в Успу – Фоспарон, а прямо оттуда – в Сепастополис / Сухуми), С.А. Яценко предложил локализовать Успу при впадении Урупа или Зеленчука в Кубань²⁰.

Действительно, при слиянии Урупа и Кубани у г. Армавира, известны две изолированные группы практически не изученных городищ античного времени – у с. Успенское и Маламино. Там же, в районе Армавира, по координатам Птолемея, находился город с характерным племенным названием Серака, который С.А. Яценко отождествляет с Успой²¹.

Близкую локализацию сираков дает другой отрывок из Страбона: «Спускаясь в предгорья, мы вступаем в области, лежащие севернее, но с более умеренным климатом, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков» (XI, V, 7). Среди племен предгорий Страбон называет троглодитов (пещерников), хамекитов и исадиков. Е.И. Крупнов размещал хамекитов и исадиков в юго-восточных районах в нагорной полосе срединной части Северного Кавказа, преимущественно в разветвленном бассейне р. Терек²².

В.Б. Виноградов, вслед за Е.И. Крупновым, локализовал эти племена в горных районах Чечни и Ингушетии²³. Однако, как справедливо отметила М.П. Абрамова, Страбон говорит о предгорьях, а не о горной зоне. Кроме того, по мысли автора (судя по контексту), речь идет не о восточных районах Северного Кавказа, а скорее о западных, где также засвидетельствовано наличие пещерных жилищ²⁴. Это мнение перекликается с этнокартой В.В. Латышева, согласно которой хамекиты располагались между верховьями Кубани и верховьями р. Кумы²⁵.

Скорее всего, мы сталкиваемся с двумя понятиями Сиракены. Первое – узлокальная территория (Восточное Приазовье и Прикубанье). Возможно, это район, прилегающий к греческим городам Северного Причерноморья (зона контактов с кочевниками) или место первоначального расселения сираков, после миграции их с северо-востока. Второе понятие, более позднее, включает кроме Прикубанья и степные районы Ставрополя. Если локализация Успы на границе Ставропольского плато (в районе г. Армавира) верна, то значит территория восточнее также принадлежала сиракам, поскольку столицу племенного союза не основали бы на опасных из-за возможных набегов и вторжений границах.

Это предположение подтверждается археологическими материалами. В степных районах Ставрополя открыто значительное количество впускных комплексов с широтной ориентировкой II–I вв. до н.э. Как считает И.И. Марченко, исследование погребального обряда показывает, что уже в ранний период расселения сираков в степях Прикубанья их этнический состав не был однородным. Поэтому, по мнению автора, этноним «сира-

ки» необходимо рассматривать как собирательный, причем с самого начала их истории в Прикубанье²⁶.

Действительно, в равнинных районах Предкавказья Страбон фиксирует кочевые племена набианов и панксанов, «а затем уже племена сираков и аорсов» (XI, V, 8). Существуют разные точки зрения о локализации набианов и панксанов. Р.Г. Рейхард набианов локализовал в районе бывшей ст-цы Невинномыской, а панксанов – у современной Песчаной Копани²⁷. Е.И. Крупнов размещал их от верховьев Кубани до низовьев Терека, отводя набианам земли по левому берегу Терека и помещая панксанов к западу от них²⁸.

В.Б. Виноградов уточнил их территорию. По мнению автора, набианы должны, по Страбону, жить к западу от панксанов и, кроме того, эти племена должны размещаться несколько южнее – в районах Затеречья до предгорий²⁹. Данная точка зрения была поддержана М.П. Абрамовой³⁰.

По В.П. Шилову, набианы и панксаны должны быть локализованы в более северных районах, поскольку Страбон размещает их между Меотидой и Каспийским морем. Исходя из этого, В.П. Шилов считает, что набианы жили к северу от Средней Кубани до Егорлыка на востоке, а панксаны – к юго-востоку от них, на территории Ставропольского края³¹.

Фактически эта версия повторяет этнокарту В.В. Латышева³². Однако, автор не указывает, какие конкретно комплексы, выявленные на отмеченной территории, относятся именно к набианам и панксанам. Как считала М.П. Абрамова, новые материалы, большая часть которых происходит с территории, расположенной к западу от Терека, позволяют не ограничивать земли, занятые набианами и панксанами, Затеречьем, а распространить их далее к западу. Исследователь связывала памятники сарматского времени западной группы с набианами, а восточной – с панксанами. По мнению автора, различия в этническом составе населения восточной и западной групп объясняются в первую очередь тем, что население западной группы было иранизировано в значительно большей степени, чем население восточной группы³³.

При локализации указанных народов следует учитывать и сведения других античных авторов, упоминающих два народа, созвучных по произношению. В частности, Диодор Сицилийский отмечает, что в числе потомков царя Скифа были братья Пал и Нап, которые «...совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них названы народы, один – палами, другой – напами»³⁴. Плиний Старший подчеркивает древность этнонимов, указывая, что когда-то «палеи» и «напеи» размещались «...к востоку от р. Танаиса», у Каспия, причем «напеи были уничтожены палеями»³⁵.

Плиний дублирует историю народов событиями на землях к востоку от Сыр-Дарьи. Если на западе уничтожение напеев и танаитов приписывается авхетам, то на востоке напеев громят спалеи (сатархеи; они же сопоставимы со скифами-сатавками). Набиане, по предположению А.А. Туалагова, являются нерипами, перешедшими Дон вместе с тагорами³⁶.

В ходе миграции сарматов на запад в нее вовлекались и другие кочевнические группировки. В результате на Северном Кавказе наблюдается приход сложного конгломерата племен. Плиний (IV, 82, 85, VI, 15, 22) отмечал переход через Дон многих племен, в том числе сатархеев, сатархеев-спалеев, тагоров, поселение в Крыму скифов-сатавков (сатарков). В настоящее время данное явление принято связывать с появлением во второй пол. II в. до н.э. различных группировок тохаров-юэчжей³⁷.

Возможно, именно набианы являлись тем смешанным населением Ставропольской возвышенности, которое участвовало в боспоро-меотских войнах в первой пол. IV в. до н.э. и в походах в Закавказье в составе язамато-меотской конфедерации в кон. IV–III вв. до н.э. Памятники этой группы: склеповые и грунтовые могильники, а также подкурганые захоронения с меридиальной ориентировкой и элементами скифской и кобанской культуры³⁸.

Какие-то события происходят в Предкавказье на рубеже III–II вв. до н.э. В этот период завершается функционирование могильника № 2 Татарского городища (окрестности г. Ставрополя). В третью хронологическую группу сиракских захоронений (подгруппу I, датирующуюся кон. III – первой пол. II в. до н.э.) И.И. Марченко включил 64 комплекса³⁹, т.е. наблюдается увеличение числа кочевников на Правобережье Кубани. Возможно, это обстоятельство является причиной произошедших изменений в политической расстановке сил в Предкавказье. И.Н. Анфимов вслед за Н.Ф. Анфимовым, основываясь на поздней дате проникновения сарматов в этот регион (II в. до н.э.) и на хронологическом разрыве между сооружением оборонительных систем и временем появления здесь сираков, считает, что проникновение это происходило постепенно и, в основном, мирным путем⁴⁰.

По И.И. Марченко, новый приток населения в Прикубанские степи связан с активизацией племен прохоровской культуры. На третью хронологическую группу памятников приходится основное количество катакомбных и подбойных погребений, широко распространяются прохоровские зеркала (тип VII), и становятся специфическими для прикубанских памятников наборы стрел с так называемыми утяжелителями древков. Следует также отметить, что состав пришельцев был неоднороден, о чем говорят впускные погребения с южной и юго-западной ориентировкой кон. III–II в. до н.э.⁴¹, а также предметы (изделия, выполненные в зверином стиле, енисейские пряжки) явно восточного происхождения. И.И. Марченко, отмечая полиэтничность кочевнической среды сиракского союза, считает, что под этнонимом «сираки» следует понимать кочевые племена савроматского и сарматского происхождения⁴².

В этой связи следует обратить внимание на события, происходившие в Малой Азии в нач. II в. до н.э. В 184 г. до н.э. царь Понта Фарнак I захватил Синопу, один из важнейших портов на Черноморском побережье (Страбон, XII, III, 1; Полибий, XXIII, 9). В 183 г. до н.э. из-за этого началась война Понта с Пергамом, Каппадокией и Вифинией. На стороне Понта выступали на первом этапе войны малоазийские галаты во главе с вождем Гайзотариксом и Карсюгнатом, к ним присоединился затем царь Малой Армении, обещал поддержку Селевк IV, но опасаясь недовольства Рима, не рискнул выступить. Римляне в войну непосредственно не включились, но вели активную дипломатическую работу, пытаясь примирить враждующие стороны и постараться не дать ни одной из малоазийских стран чрезмерно усилиться и избежать возможного союза кого-нибудь из них с Филиппом V Македонским⁴³. В 179 г. до н.э., очевидно, не без дипломатической поддержки Рима был заключен многосторонний мирный договор. В него, кроме уже упомянутых стран, были включены Мессембрия, Кизик, Херсонес и царство европейских сарматов Гатала⁴⁴.

Анализ сообщения Полибия о войне Фарнака I (183–179 гг. до н.э.) и археологических источников делает возможным отождествление сарматов царя Гатала с сираками Прикубанья⁴⁵. Полибий пишет о Гатале как об од-

ном из владык Европы (Полибий, XXV, 2). По мнению С.В. Полина, автор пользовался уже устаревшими к его времени представлениями ионийских географов, по которым северная граница Азии проходила по Фасис-Каспий-Арал-Сырдарья (последнюю они путали с Танаисом – Доном). Тогда Северный Кавказ оказывался в Европе⁴⁶. Как считает И.И. Марченко, Полибий придерживался широтного разделения материков, которое было принято в ионийской географии; правда, отодвигая границу на север, он отождествлял Танаис с Кубанью, что нередко случалось в древности⁴⁷. Считается, что Гатал был лишь гарантом мира между малоазийскими городами и, как и Херсонес, не участвовал в военном конфликте⁴⁸.

По справедливому замечанию И.И. Марченко, в сообщении Полибия не говорится о непосредственном участии воинов царя Гатала в военных действиях, как и нет сведений о том, на чьей стороне был царь сарматов, поэтому сам факт прямого участия сарматов в войне требует доказательств. В связи с этим следует отметить, что в комплексе Бойко-Понура открыты две золотые бляхи, изготовленные из стенки сосуда Пергамского производства. И.И. Марченко обращает внимание на особый контраст между зооморфными сарматскими бляшками и указанными бляхами, изготовленными из золотого сосуда, разрубленного на куски. По мнению автора, это свидетельствует о том, что бляхи были сделаны из награбленной сарматами в Малой Азии добычи при ее делении⁴⁹. Если это так, то захват добычи является завершающей фазой успешных военных действий. Значит сарматские контингенты, хотя бы эпизодически, но все же принимали участие в войне.

Как отмечалось, сосуд, из которого сделаны бляхи (Бойко-Понура), и серебряный канфар из Артюховского кургана – пергамского производства. Скорее всего, бежево-глиняный канфар, покрытый бурым лаком, обнаруженный в Хасавюртовском кургане – II, также продукция пергамских мастеров⁵⁰. Возможно, это свидетельствует о том, что сарматы Гатала были союзниками царя Понта Фарнака I в войне с соседними государствами Вифинией, Каппадокией и Пергамом. Удачный набег в Пергам мог завершиться захватом добычи. Видимо, поэтому в тексте Полибия Гатал поставлен в один ряд с «владыками азиатскими» Артаксием (правитель большей части Армении) и Акусилохом (царь Колхиды ?), которые принимали участие в военных действиях. Хотя в конечном итоге Понт войну проиграл, из-за этого был вынужден вернуть часть захваченных территорий и уплатить контрибуцию, однако Синопа осталась за ним, стала столицей.

Укрепившись на южном берегу Черного моря, понтийские цари получили возможность расширить сферу своих действий и на его северное побережье. Активная торговля связывала Синопу с Херсонесом в Крыму. В свою очередь, Херсонес был заинтересован в союзе с Понтом из-за сложившейся в Крыму критической ситуации (усиление скифов)⁵¹. В таких условиях Фарнак, надеясь на прибыль от выгодной торговли с Херсонесом, был заинтересован в его укреплении. Удаленность Херсонеса от Понта в условиях конфронтации с соседями, не позволяла Фарнаку перебросить в Крым воинский контингент. Однако, заручившись поддержкой союзных сарматов Гатала, занимавших территорию Таманского полуострова и Приазовья – находившихся в непосредственной близости от Крымского полуострова, можно было воздействовать на расстановку политических сил в Крыму. Участие сираков в этих событиях укрепило их могущество.

Находки кельтских шлемов и малоазийских стеклянных канфаров в сарматских комплексах Прикубанья второй четв. – сер. II в. до н.э. и их отсутствие на Боспоре позволяют говорить о прямых контактах сарматских племен Прикубанья с кельтами в Малой Азии⁵². Об этом же свидетельствует появление в памятниках Прикубанья золотых, серебряных и чернолаковых сосудов (или их деталей) производства Пергама кон. III – первой пол. II в. до н.э. (Бойко-Понура, Артюховский кург.). Возможно, с указанными событиями связано прекращение традиции сооружения подбойных могил (земляных склепов?) у хут. Херсонка (район восточнее Ставропольской возвышенности). Одновременно начинают функционировать грунтовые могильники на территории Кабардино-Балкарии: Чегемский и Нижне-Джулатский. Видимо, в связи с движением сарматских группировок к перевалам, местное оседлое население вынуждено было мигрировать из степного Предкавказья на юг – в более безопасные предгорные районы.

Находки стеклянных канфаров в грунтовых погребениях с оружием и боевыми конями являются фактом, подтверждающим участие меотов в сиракских военных походах⁵³. Во II в. до н.э. наблюдается усиление военной политики сиракского союза на Азиатском Боспоре. По предположению А.М. Ждановского, это связано с проникновением в Предкавказье группы аорсов⁵⁴. Второй пол. II в. до н.э. И.И. Марченко датирует подгруппу II третьей хронологической группы комплексов Прикубанья (всего 47 погребений)⁵⁵. Именно в середине II в. до н.э. был уничтожен прекрасный храмовый комплекс – Таманский толос. Н.И. Сокольский отмечает напряженность обстановки на Боспоре во второй пол. II в. до н.э., причина тому – усиление натиска с востока⁵⁶. В.Б. Виноградов, ссылаясь на источники, упоминает стычки сарматов (вместе с горцами) с иберами⁵⁷. В данный период фиксируется инфильтрация в среду донских сарматов групп кочевников из кубано-ставропольского региона⁵⁸.

Следует отметить, что одновременно в Крыму появляется кочевое воинственное племя азиатского происхождения – сатархи (тохары?). Судя по некоторым категориям инвентаря (бронзовый пластинчатый налобник, крестовидные псалии и др.), их отряды проникали в Северное Причерноморье через Прикубанье и Северный Кавказ⁵⁹. Характерно, что Валерий Флакк (VI, 140–145) упоминал сатархов рядом с племенами эксоматов и торианами (торетами, заселявшими часть нижнего Прикубанья). Возможно, другую группировку тохаров составляли племена сербов, по Плинию, располагавшихся к востоку от Ставропольской возвышенности. Согласно наблюдению А.А. Туаллагова, во II – I вв. до н.э. в письменных источниках формы «сарды», «сарты», «сартаги» заменяют форму «сатархи», а название скифов-сардов, в свою очередь, сопоставимо с группой кочевников, называемых серры, серны, сербы⁶⁰.

В начале I в. до н.э. противник Рима, понтийский царь Митридат VI Евпатор задумал поход через Европу на север Италии; базой подготовки был выбран удобный в геополитическом отношении Боспор. Лишившись поддержки разоренных малоазийских и южнопонтийских городов, в которых усиливается пергамская партия, Митридат был вынужден искать поддержки у городов Северного Причерноморья, сравнительно мало пострадавших от его реквизиций и налогов.

Другой причиной является усиление торговых связей Боспора с Южным Понтом, связанное с блокадой флотом Рима Боспора Фракийского. Об этом свидетельствуют найденные при раскопках Боспорских городов

монеты чеканов торговых центров южного берега Понта: Синопы, Амиса, Трапезунда⁶¹. А.Н. Зограф предположил, что однотипные городские монеты Понта и Пафлагонии играли какую-то немаловажную роль в оплате военных расходов Митридата и завозились на северное побережье и на Кавказ его агентами в период подготовки к борьбе с Римом. Е.С. Голубцова, ссылаясь на свидетельство Аппиана, утверждает, что Митридат посылает посольства к фракийцам, савроматам и скифам. Аппиан в числе союзников, примкнувших к армии Митридата, называет халибов, скифов, тавров, ахейцев, гениохов, левкосиров и тех, которые живут на землях так называемых амазонок (Аппиан. С. 317).

В начале первой войны с Римом (88–85 гг. до н.э.), после победы над Никомедом на границе Понтийского царства с Вифинией передовой отряд Митридата, состоящий из 100 савроматских всадников, разгромил отряд Никомеда численностью в 800 всадников (Аппиан. Митридатовы войны, 19). По мнению В.П. Шилова, местные племена Северного Причерноморья для Митридата служили неисчерпаемым военным и экономическим резервом в его борьбе с Римом⁶². Как свидетельствует Аппиан, Митридат «вступив в область Меотиды, над которой много династов... обменялся со многими подарками; Митридат заключил с ними (местными вождями. – Ю.П.) союз, задумав другие, еще более удивительные планы идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей» (Аппиан. Митридатовы войны, 102).

А.М. Ждановский указывает на союз Митридата именно с племенами Северо-Западного Кавказа. По мнению автора, путь его на Боспор пролегал по суше из Колхиды через перевалы в Прикубанье⁶³. В связи с этим большое количество дорогих привозных вещей, найденных в курганах Среднего Прикубанья, совершенно справедливо связывается исследователями с южным закавказско-малоазиатским направлением торговых связей во время войн Митридата⁶⁴. Кельтские племена галатов тоже оказывались вовлеченными в орбиту понтийской политики, что и объясняет ряд находок латенских вещей в Причерноморье⁶⁵.

Непосредственно с деятельностью Митридата VI связан второй этап поступления канфаров в Западное Предкавказье (кон. II – первая пол. I в. до н.э.). Спектральный анализ стекла позволяет считать центром производства канфаров прибрежные районы Сирии. По мнению И.П. Засецкой и И.И. Марченко, стеклянные канфары являлись дарами⁶⁶. В числе находок в Прикубанье, связанных с деятельностью Митридата, И.И. Марченко кроме стеклянных канфаров, отмечает ряд драгоценных украшений (Фибула-брошь с инталией с изображением Ники и роскошное ожерелье из погребения 10 Песчаного кургана; золотая фибула-брошь с инталией с изображением Артемиды Люцеферы из комплекса у ст-цы Брюховецкой; италийские кружки, сковородки типа Айлесфорд; шлемы типа Монтефартино «С»; ситуды бардфельдского типа; кельтская золотая пластина из комплекса ОПХ «Рассвет» и др.)⁶⁷.

Понтийское государство, видимо, было связано с Иберией и Албанией союзническими отношениями. Этот факт подтверждается рассказом Плутарха о войне Помпея с Митридатом: «... Эти последние (албаны. – Ю.П.) сначала согласились на просьбу Помпея пропустить его через свои владения, но когда зима застигла войско в их стране, и у римлян наступил

Кроновский праздник (Сатурналии. – Ю.П.), то албаны в числе не менее сорока тысяч человек напали на них...». После разгрома албан Помпей движется в Иберию, где также встречается с вооруженным сопротивлением: «... которые (иберы. – Ю.П.)... сильно желали угодить Митридату и отразить Помпея...» (Плутарх. С. 342). Согласно Плутарху, иберы выступили против Помпея, так как они чувствовали себя обязанными Митридату и хотели стать ему благодарными. Империя уже раньше, продолжает далее Плутарх, была независимой от мидийцев, персов и македонян.

Как утверждает М. Дреер, данный пассаж Плутарха свидетельствует о том, что Митридат сохранил этой стране ее самостоятельность и никогда не пытался подчинить ее себе. Об этом также, по мнению исследователя, свидетельствует и факт заключения Митридатом в ранние годы своего правления договора о дружбе с иберийским царем⁶⁸. По Плутарху, разгромив иберийского царя, войска Помпея прибыли в Колхиду. Путь на Боспор был открыт, но Помпей не решился идти на Северный Кавказ. Одной причиной данного явления и Плутарх и Дион Кассий называют трудность путей через перевалы (Плутарх. С. 342; Кассий Дион. С. 614). Для нас гораздо важнее вторая причина: «... было донесено Помпею, что албаны снова восстали...» (Плутарх. С. 342).

Можно предположить, что между Митридатом и Албанией существовала постоянная связь, видимо, через Дарьяльское ущелье (или Дербентский проход) и степи Северного Кавказа. Возможно, с помощью союзных кочевников Митридат мог воздействовать через Центральное Предкавказье на активизацию военных действий Албании против римлян. В связи с этим следует отметить факт находок в курганных погребениях Северного Кавказа этрусско-италийских и кельтских шлемов. Исследователи предполагают, что шлемы типа Монтефартино могли попасть к сарматам в качестве добычи во время кампании Митридата Евпатора против галатов, когда на его стороне сражались и сарматские контингенты⁶⁹, или во время войн Диофанта в Крыму. Однако, поскольку считается, что шлемы этого типа производились в Этрурии, то более вероятно третье – они были захвачены сарматами армии Митридата у солдат – римлян, стоявших в провинции Малая Азия с 133 г. до н.э. и воевавших с Митридатом в 80–70 гг. I в. до н.э.⁷⁰

Одновременно с территорией Прикубанья этрусско-италийские шлемы попадали в район Центрального Предкавказья. В 1975 г. в погребении 10 Чегемского могильника (Кабардино-Балкария) был найден полусферический шлем типа Монтефартино с полым коническим навершием, внутри которого сохранились остатки войлока. Вокруг тульи – шевронный орнамент, заключенный между двумя параллельными линиями. По бокам тульи по два отверстия для крепления петель нащечников⁷¹. По аналогиям из Франции и Малой Азии, шлем датируется первой пол. III в. до н.э.⁷². Также шлемы типа Монтефартино варианта «С» выявлены в могильнике Заманкул (Сев. Осетия) и в окрестностях г. Новоалександровск (Ставропольский край)⁷³. Еще один бронзовый шлем типа Монтефартино в 1995 г. поступил в фонды Кисловодского краеведческого музея из долины р. Подкумок (в 17 км к западу от Кисловодска). Шлем полусферический с цилиндрическим, утолщенным на конце навершием в виде усеченно-конической «пишечки» (Савенко С.Н., 1998. С. 46–47). Ряд признаков шлема: горизонтально отогнутый широкий край, отсутствие орнамента, наличие назатыльника – сближает его со шлемами варианта «F» (раннеимператорское время). Шлем датируется рубежом эр – I в. н.э.⁷⁴.

В одном из курганов у с. Заманкул (в 30 км на северо-запад от входа в Дарьяльское ущелье и в 15 км на восток от Эльхотовских ворот – прохода через Терский хребет) и на территории Ингушетии были найдены бронзовые однотипные шлемы (отдаленно напоминают тип «Манхейм»), возможно, являющиеся подражаниями этрусско-италийским шлемам⁷⁵.

Уникальным является шлем эллинистического времени, обнаруженный в сарматском погребении второй пол. II – первой пол. I в. до н.э. у с. Ореховка, в 100 км на восток от г. Ставрополя. Шлем бронзовый, цельнокованный. Форма тульи – овальное лукообразное оголовье, плавно сужающееся к отогнутому краю. По бокам край шлема образует вогнутые внутрь складки, напоминая шлем «беотийского» типа. Г.А. Павлович, рассматривая детали шлема, отмечает наряду с беотийскими ряд элементов, сближающих этот тип с фракийскими шлемами (волюты, образующие подтреугольный мыс, ширина и угол отгиба нижнего края и др.). Таким образом, автор отнесла ставропольский экземпляр к фрако-беотийскому типу⁷⁶.

Кроме отмеченных, следует назвать еще два шлема неустановленных типов, происходящие из памятников Центрального Предкавказья. Первый был найден при исследовании сарматского погребения у с. Китаевка (во фрагментарном состоянии)⁷⁷. Еще один железный шлем найден на территории Калмыкии, прилегающей к Ставропольскому краю, в кургане у с. Хачинско-Немецкое⁷⁸.

Можно предположить, что находки данных предметов в Центральном Предкавказье связаны с пребыванием здесь союзной Митридату группы сарматов, контролировавшей Дарьяльское ущелье⁷⁹. В пользу этого утверждения можно привести факт находки в Чегемском могильнике понтийской медной монеты I в. до н.э.⁸⁰ Об этом же, видимо, свидетельствует расположение Заманкульских курганов: в 30 км на восток от Эльхотовских ворот – прохода через Терский хребет. Кроме западных импортов (амфора, фибулы, чернолаковый сосуд), в Заманкульских курганах фиксируется и юго-восточное направление связей. В частности, здесь был найден керамический сосуд в виде птицы из Кавказской Албании⁸¹.

В связи с этим следует отметить, что почти все выявленные в памятниках Центрального Предкавказья проволочные среднелатенские фибулы неапольского варианта: с расплющенной ножкой и обмоткой свободной части спинки проволокой; с расплющенной ножкой и восьмеркой на спинке и др. (датируются кон. II – первой пол. I в. до н.э.) – имеют малоазийское происхождение, что в свою очередь свидетельствует об участии местных сарматов в походах в Малую Азию⁸².

После трагической гибели Митридата Евпатора его сын Фарнак (в прошлом союзник Рима, предавший отца) в 48 г. до н.э. предпринял попытку восстановить царство отца. Собрав армию и укрепив тыл (подчинил мятежную Фанагорию и меотское племя дандариев), Фарнак захватил Колхиду, разорив храм Апполона в Фасисе, а затем вторгся в Малую Армению, Синопу и Амис. После поражения в битве у г. Зелы (2 августа 47 г. до н.э.) Фарнак бежал в Синопу, а оттуда – на Боспор. Аппиан отмечает, что в Синопу Фарнак прибыл с армией в 1000 всадников. Чтобы плыть дальше на Боспор, он приказал убить коней (Аппиан. Митридатовы войны, 120). Вернувшись, он предпринял попытку вернуть себе Боспорский престол, но терпит поражение от узурпировавшего власть Асандра⁸³.

По версии Аппиана, «...собрав каких-то скифов и савроматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр, по вражде к нему, вновь

напал на него, то всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит...» (Аппиан. Митридатовы войны, 120). Скорее всего, в двух описанных Аппианом сюжетах речь идет об одних и тех же всадниках, перебивших своих лошадей в Синопе, т.е. о скифах и савроматах, с которыми Фарнак пытался победить Асандра.

И.И. Марченко в качестве материального свидетельства участия сираков в походе Фарнака отмечает серебряную фиалу с посвянительной надписью: «Я принадлежу Апполону-Предводителю, что в Фасиде», фибулу типа Алезия, италийскую кружку и римские фалары из мужского погребения Зубовского кургана № 1, а также римский пилум и стеклянный скифос из Воздвиженского кургана. Автор предполагает, что поражение Фарнака и его союзников сираков является причиной исчезновения во второй пол. I в. до н.э. богатых сарматских комплексов на правом берегу Нижней Кубани и перемещения их в междуречье Лабы и Кубани, подальше от Боспора⁸⁴. По времени это совпадает с активной деятельностью Асандра по укреплению Таманского полуострова⁸⁵.

Следует предположить, что в число «скифов и савроматов» (по Аппиану) в войско Фарнака вошел отряд, представлявший племенную группу, располагавшуюся на территории Ставропольской возвышенности. В связи с этим следует отметить две находки боспорских медных анонимных оболов начала I в. до н.э. типа «Голова Диониса – горит» в окрестностях г. Ставрополя (на территории бывшего кирпичного завода – 1962 г.; урочище «Русская лесная дача» – в районе «Заячьи поляны» (северо-западные окрестности г. Ставрополя), между городом и ст-цей Новомарьевской – 2011 г.)⁸⁶.

Результаты нумизматических исследований последних лет подчеркивают связь ряда боспорских монетных типов с оплатой союзных сначала Митридату, а затем Фарнаку воинских гарнизонов. В их числе следует отметить и анонимные медные оболочки начала I в. до н.э. типа «голова Диониса в венке – горит». Исследователями отмечено обстоятельство обнаружения крупных скоплений таких монет в Крыму именно на территории военных поселков.

В 2003 г. жители с. Насыпное Феодосийской административной зоны обнаружили поселение, на котором нашли античные монеты (в том числе около 300 анонимных оболов указанного типа). Было обследовано само селище и его окрестности, определены его границы, собран подъемный материал. Памятнику было присвоено условное название «Куру Баш» (лагерь). По мнению А.В. Гаврилова, укрепление Куру Баш и селище Куру Баш (лагерь) являлись опорой власти царя в противовес городской общине Феодосии. Основным предназначением военного гарнизона было, в первую очередь, противостоять стремлению феодосийцев к автономии и самоуправлению (которые по-видимому, не прекращали попыток к освобождению), а также выполнять охранные функции по отношению к хоре полиса. При этом Феодосия, как ненадежный по отношению к новой власти полис, была постоянно под военным контролем, а ее хора и царские земли были защищены от вторжений кочевников и тавро-скифов.

После окончания Второй войны с Римом на Боспор и в Колхиду наместником был послан сын Митридата VI Махар. Во время его правления на Куру Баше (лагере) продолжали жить военные поселенцы, получавшие плату за службу. Видимо, это продолжалось вплоть до разгрома лагеря Митридатом. Поэтому обнаружение на селище такого количества

так называемых анонимных оболов типа «голова Диониса – горит» (около 300 экземпляров), показывает, что здесь находилась казна гарнизона (неиспользованные гарнизонные деньги). По мысли А.В. Гаврилова, так можно объяснить факт обнаружения большого количества указанных анонимных оболов на территории памятника. Однако жизнь на селище не прекратилась совсем. Куру Баш (лагерь) продолжал существовать, но уже, по-видимому, как незначительный пункт⁸⁷.

Предполагается такой вариант развития дальнейших событий⁸⁸. В 48 г. до н.э. Фарнак II, отправляясь в поход на римлян в Малую Азию, оставил наместником на Боспоре своего доверенного этнарха Асандра, который позже узурпировал власть. В 47 г. до н.э. Фарнак был разбит Цезарем и вернулся на Боспор с небольшим пешим войском, состоящим из скифов и сарматов. Восстановив свою власть на территории европейского Боспора, в самом конце 47 – начале 46 г. до н.э., он погиб в сражении с войсками Асандра. Учитывая, что на селище Куру Баш найден только один обол типа «Мужская голова – нос корабля, трезубец», перечеканенный из обода типа «Аполлон – орел на молнии» времени архонтата Асандра, А.В. Гаврилов дату гибели селища предположительно отнес к 47 г. до н.э. Это могло произойти после возвращения Фарнака из Понта после поражения при Зеле, когда ему пришлось силой брать Феодосию и Пантикапей⁸⁹. Тогда и могло быть разгромлено селище Куру Баш (лагерь), где находился верный Асандру гарнизон. Об активных военных событиях того времени свидетельствуют и материалы памятников Крымского Приазовья, где войсками Фарнака были уничтожены опорные пункты Асандра, в которых находились принявшие его стороны наемники⁹⁰.

Нужно отметить, что почти аналогичные по составу клады оболов типа «голова Диониса – горит» (66 и 1140 монет) были найдены на поселении военно-хозяйственного типа «Полянка» в Крымском Приазовье⁹¹. Оно было построено при Митридате VI, а расцвет пришелся на время правления Фарнака II и архонта Асандра. По мнению А.А. Масленникова, найденные клады являлись невыплаченным жалованьем обитавших здесь военных поселенцев⁹².

В связи с этим следует предположить, что две находки оболов типа «голова Диониса – горит» в окрестностях г. Ставрополя связаны с участием какой-то группы населения Ставропольской возвышенности в отмеченных выше событиях. Скорее всего, местные сарматы (сираки?) принимали участие в походах Фарнака II, в том числе уничтожали гарнизоны Асандра в европейской части Боспора. Так было разгромлено селище Куру Баш (лагерь), где находился верный Асандру гарнизон. После военной операции такие оболочки были вывезены в Центральное Предкавказье, скорее всего, после смерти Фарнака II в качестве добычи – часть военной казны, хранившейся в военных лагерях.

Находки данных оболов вряд ли связаны с торгово-обменными связями, поскольку на территории Прикубанья они не выявлены. Характерно, что прямой аналогией варианту монограммы, зафиксированной Т.М. Минаевой на ставропольском обеле, является монограмма № 42 из находок на военном поселении Крыма (селище Куру Баш – лагерь)⁹³.

Скорее всего, скифы и савроматы (по Аппиану) армии Фарнака являлись северокавказскими племенами – сиракаками и др. Также возможно участие группы каких-то восточных кочевников (тохары, аланы?). Предположительно, с этими племенами можно связать погребение 3 кургана 1

у пос. Марьино Успенского района Краснодарского края (окрестности птицефабрики «Армавирская»). Здесь в Т-образной катакомбе была погребена женщина, ориентированная головой на юг (с отклонениями к западу) с инвентарем (в том числе железные втульчатые наконечники стрел) II–I вв. до н.э.⁹⁴. В данном случае фиксируется Т-образный тип катакомбы, не характерный для последних веков до н.э. Массово такие погребальные сооружения распространяются в первые века н.э. (в связи с распространением аланских племен).

До последнего времени считалось, что ареал памятников «зубовско-воздвиженской» группы захоронений, связываемый с сираками, ограничен средним течением р. Кубани – Нижней Лабы. В результате исследований последних десятилетий выявилась концентрация подобных погребений в районе г. Краснодара – Славянска-на-Кубани. Б.А. Раев отметил подобные комплексы и на территории Центрального Предкавказья: разрушенный курган у ст-цы Старогладковской (бронзовый таз типа Eggers 96, бронзовая кружка типа Орнавассо-Кьерумгард и др.); «Чернышовый курган» у ст-цы Шедринской (две фигурки оленей на плоских прямоугольных подставках; золотые фибулы-брошки со вставками из камней и раковины и др.)⁹⁵. Здесь же следует назвать серебряные позолоченные чашки из с. Хачинско-Немецкого и с. Дивного, бронзовый кувшин италийского производства II–I вв. до н.э. из Кобанского могильника, бронзовые ручки от сосудов из долины Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи) и аула Даргавс⁹⁶.

По мнению Б.А. Раева, сравнительная бедность погребений в Центральном и Восточном Предкавказье дает основания полагать, что их оставили кочевники, которые имели непродолжительные контакты с населением Восточных провинций. Как считает автор, картирование находок позволяет говорить о проникновении алан в Предкавказье не одной группой по побережью Черного моря, а о нескольких отдельных хронологически мало разнящихся волнах миграций (в том числе из Средней Азии через Дарьял и Каспийские ворота)⁹⁷.

Сложно сказать, насколько правы исследователи, являющиеся сторонниками закавказского маршрута миграции на Северный Кавказ среднеазиатских кочевников, поскольку фактически твердых доказательств этому не существует. Однако следует отметить, что комплексы с материалами II–I вв. до н.э. распространяются одновременно в районах предгорий и в степной зоне Центрального Предкавказья вплоть до Маньча (Хачинско-Немецкое, Дивное и др.), что может свидетельствовать о возможном северо-восточном направлении их передвижений (через Низовья Волги и территорию Калмыкии).

На основании анализа образцов звериного стиля из памятников Прикубанья II в. до н.э. (бляшки с изображением хищника и головой грифона – хут. Бойко-Понура, кург. 3) Е.Ф. Королькова отмечает близкие иконографические, композиционные и стилистические параллели в зооморфных изображениях Южной Сибири (коллекция Витзена). По мнению автора, это свидетельствует о существовании на протяжении длительного времени (в том числе и во II в. до н.э.) периодически повторяющихся культурных импульсов через зону Нижневолжского региона в Северное Причерноморье и на территорию Предкавказья. Носителями этих импульсов, по мысли исследователя, были кочевники Южного Приуралья и Южной Сибири⁹⁸.

Подобные бляшки с изображением хищника с головой грифона, также, зафиксированы в Центральном Предкавказье – в богатом комаровском комплексе⁹⁹. Здесь же (мог. Заманкул), выявлены две рамчатые поясные пряжки с крючком, аналогии которым известны среди енисейских древностей II в. до н.э. – I в. н.э.¹⁰⁰

Аппиан в числе союзников Митридата называет тех, «которые живут на землях так называемых амазонок» (Аппиан. С. 317). Плутарх в своих жизнеописаниях, описывая битву армии Помпея с албанами, отметил, что в этом сражении помогли варварам амазонки, «... которые, по мнению автора, занимают полосу Кавказа, прилегающую к Гирканскому морю, но не рядом с албанами, ибо между ними живут еще гелы и леги...» (Плутарх. С. 342, 343). В настоящее время доминирует мнение о полиэтничности обитателей Среднего Причеречья¹⁰¹.

Скорее всего, комплексы из ст. Старогладковской и ст. Щедриной связаны с участием в Митридатовых войнах смешанного населения Северо-Восточного Предкавказья – территории так называемых амазонок, под которыми, видимо, следует понимать сарматов и панксанов (смешанного савромато-аборигенного населения). Как уже отмечалось, в данном районе, предположительно, располагалась группа тохаров (сербы). Здесь же – у северо-западного побережья Каспия Плиний размещает племя ути. Его считают племенем юэчжей и ассоциируют с аорсами. Существует версия, что собственно аорсы были выходцами из Центральной Азии и не имели отношения к формированию прохоровской культуры¹⁰².

Кроме этих племен в походах в Закавказье через западные перевалы и Дарьяльское ущелье участвовало и население более западных и северных районов (сираки, набианы, аорсы?). В частности, о проникновении отрядов из местного (в том числе кочевого) населения в Закавказье через Дарьяльское ущелье свидетельствует ранее отмеченный комплекс у с. Заманкул (сосуд в виде птицы албанского производства). Скорее всего, сравнительная бедность инвентаря комплексов второй пол. II–I вв. до н.э. в Центральном и Восточном Предкавказье связана с социальными отличиями (а не этническими) оставившего их населения. С.А. Яценко у знати в поздней Сиракене (II–I вв. до н.э. – нач. I в. н.э.) выделяет два атрибута власти. У высшей знати это железные посохи с навершием в виде мирового древа с четырьмя протомами оленей по сторонам (Зубовский кург. 1 и 2; Ново-Джерелиевская; Песчаный). Стоящие ниже их рангом, по мнению автора, имели особые скипетры с навершием из каменных топоров эпохи бронзы (кург. «Острый», Хатажукаевский, Усть-Лабинская, кург. 43; Алитуб, кург. 26). По предположению исследователя, это скипетроносцы Тацита (Анналы, 33, VI)¹⁰³.

Железные посохи с навершием в виде мирового древа с протомами оленей выявлены и в памятниках Центрального Предкавказья (мог. Терезинский; мог. Орджоникидзевский; кург. 1, погр. 15; мог. Заманкул, погр. 2/56)¹⁰⁴.

По свидетельству Страбона, набианы и панксаны – кочевые племена, как сираки и аорсы. Однако, говоря о сираках, он отмечает, что «одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием» (XI, II, I). Комментируя данный пассаж, М.П. Абрамова справедливо указала на отсутствие противопоставления кочевого населения оседлому земледельческому ни в этническом, ни в политическом плане. По мнению автора, в последние века до н.э. на территории Предкавказья формировались племенные союзы, включавшие как кочевое, так и оседлое население¹⁰⁵.

Ряд исследователей указывает на постепенный процесс седентаризации сарматских племен в Прикубанье почти на всем протяжении господства сиракского союза. В качестве свидетельства об оседании кочевников на меотских городищах следует отметить открытый в 1991–1992 гг. на Восточном могильнике Старокорсунского городища № 2 участок погребений II–I вв. до н.э. с широтной ориентировкой¹⁰⁶. Определяя характер этнических процессов в Прикубанье, И.И. Марченко выделяет две основные составляющие: межэтническую интеграцию внутри сиракского союза (в результате взаимодействия у контактирующих этнических групп происходят незначительные изменения этнических черт, но при сохранении их основных этнических признаков появляются новые общие элементы) и процессы этногенетической миксации, стимулированные оседанием кочевников¹⁰⁷.

В.А. Кузнецов в Предкавказье отмечает две зоны: предгорья Центрального Предкавказья и территорию, включающую Кабардино-Пятигорье и районы более западные, в том числе Прикубанье. По мнению автора, в первой зоне связи горных племен с савроматами и сарматами остаются в рамках маргинального контактирования. Для другой зоны характерны внутрорегиональное контактирование и этническое смешение – миксация. Как считает исследователь, этот процесс в районах, прилегающих к Центральному Предкавказью с запада, положил начало формированию интегрированной из субстрата новой этнической общности – синкретического этнического новообразования¹⁰⁸.

И.И. Марченко выделяет два периода оседания кочевников в истории сиракского союза в Прикубанье: ранний – вторая пол. III – первая пол. I вв. до н.э. и поздний – вторая пол. I в. до н.э. – сер. I в. н.э. Отмечая сохранение кочевыми и оседлыми племенами своей самобытной культуры, автор указывает на характерное для первого периода распространение общих элементов в материальной культуре и в погребальном обряде: мечей синдо-меотского облика с серповидным навершием, конской упряжи (удил с крестовидными псалями), широким использованием в погребальном обряде меотской керамики. Под сарматским влиянием распространяются элементы погребального обряда (варианты положения рук, ног, жертвенной пищи, расшивка одежды бусами). Следовательно, заключает автор, на первом этапе седентаризации ведущими, определяющими были межэтнические процессы, которые развивались по линии этнического сближения¹⁰⁹.

Резкое сокращение кочевого населения приходится на конец I в. до н.э. – рубеж н.э. Уже к середине I в. н.э. основная часть сираков являлась оседлой, поскольку в войне 49 г. римляне и аорсы сражались с сираками не в степи, а брали осадой их город Успу. Следует согласиться с мнением И.И. Марченко, что причины оседания огромной массы кочевников на втором этапе следует искать в изменении политической обстановки в степях Прикубанья¹¹⁰.

Во второй пол. I в. до н.э. наблюдается активная деятельность Асандра по укреплению Таманского полуострова. В это же время исчезают богатые позднесарматские комплексы на правобережье Нижней Кубани и одновременно возникают в междуречье Лабы и Кубани. Видимо, в связи с этим исчезают красноглиняные кувшины с витой ручкой и кружки с горизонтальной ручкой – форм боспорской керамики, обычных для сарматских памятников предшествующего периода¹¹¹.

В числе причин данного явления также, следует назвать длительную, изнурительную борьбу сираков и аорсов. Отдельные этапы известны нам по письменным источникам (война 35 г. между Парфией и Иберией; война

между Митридатом (VIII) и Римом в 49 г.). В.Б. Виноградов, отмечая сообщение Тацита, что сираки и аорсы «по обычаю своего народа» помогали, «враждующим сторонам», считает, что это свидетельствует о их постоянной конфронтации и что в таких условиях северокавказские степи становились ареной постоянных стычек между соперниками¹¹².

В 40-х гг. I в. н.э. сираки во главе с царем Зорсином поддержали претендента на Боспорский престол Митридата III (VIII) – противника римлян (Тацит, XII, 15). Выдавая себя сначала за друга римского народа, Митридат в 44/45 гг. перешел к активной с ним конфронтации. Для борьбы с бежавшим на Азиатский Боспор к своим союзникам сиракам Митридатом его противник Котис и римляне привлекают Евнона – царя аорсов. Объединенная армия Котиса и римлян осаждает города. Первой пала расположенная в земле дандариев Соза, затем наступила очередь лежащего за рекой Пандом на расстоянии трех дней пути от Танаисасиракского города Успы¹¹³. В результате военных действий в 49 г. сираки терпят поражение от союзников римлян – аорсов. А.М. Ждановский это событие связывает со стремлением аорсов к непосредственным контактам с Боспором и установлению собственного контроля над перевалами Кавказа¹¹⁴.

Сираки после разгрома утрачивают свою роль в союзе племен, перестают быть его решающей силой. В связи с этими событиями в степях правобережья Кубани прекращают функционировать сарматские курганные могильники¹¹⁵. В Закубанье и Терско-Сунженском междуречье со второй пол. I в. н.э. отсутствуют впускные погребения, связываемые с сираками¹¹⁶. Одновременно, в Восточном Приазовье появляются курганы с центральными сарматскими захоронениями (мог. Кавказский 91–13 комплексов). Подкурганый ров с перемычкой, диагональные могилы, южная ориентировка погребенных – все это принципиально отличает захоронения данной группы от т.н. сиракских комплексов. Культурный облик этих комплексов близок к памятникам среднесарматского времени на территории Нижнего Дона и Поволжья. Условно группа может быть названа аорской¹¹⁷.

Но и аорсы, видимо, недолго господствуют на Северном Кавказе. В I в. н.э. на Нижнем Дону появляется новая волна кочевников, которую связывают с аланами¹¹⁸. С.А. Яценко, ссылаясь на этнокарты Страбона и Плиния, предположил, что около 50 г. н.э. (возможно сразу после римско-сиракской войны 49 г. н.э.) аланы громят верхних аорсов и оттесняют далеко на запад и аорсов (гамаксобиев) и сираков¹¹⁹. Наблюдается значительное сокращение населения, как кочевого, так и оседлого, в зоне передвижения аланских племен. Местные племена из степных районов уходят в предгорья. В более южных и изолированных районах Пятигорья в этот период появляются могильники с катакомбным обрядом погребения (Подкумский, Железноводский 1-й, Клинь-Ярский)¹²⁰. Видимо, это явление связано с установлением аланами в степных районах безраздельного диктата. Вновь нарушается старая, давно устоявшаяся система отношений между основными группировками населения Северного Кавказа. Прерываются транзитные связи.

Возможно, с этими трагическими событиями связано содержание греческой стихотворной эпитафии I в. н.э. на каменном надгробии, обнаруженном в Керчи. В ней говорится, что в могиле похоронен купец, умерший в земле сираков, очевидно во время одной из своих торговых экспедиций: «...Христион, сын Асиатика прощай. Умер я в земле сираков, и меня, купца Гермес, сын Май, не проводил домой. А ныне мое имя Христиона,

сына Асиатика, скончавшегося до брака несчастной смертью на чужбине, каменная хранит стела, на которой оно написано. Но прощай, путник!»¹²¹.

Примечания

1. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984. С. 118.
2. Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 69.
3. Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и Средние века. Ростов н/Д., 1990. С. 39.
4. Мачинский Д.А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н.э. // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Новочеркасск, 1989. С. 15; Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 118. Сн. 101.
5. Ростовцев М.И. Сарматы // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. Вып. 5. С. 92.
6. Туаллагов А.А. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 1999. С. 13.
7. Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры во второй пол. I тыс. до н.э. Ставрополь, 2014. Ч. II. С. 62.
8. Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 104.
9. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 147; Он же. Локализация Ахардея и сиракского союза племен // Советская археология. 1966. С. 48.
10. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Советская археология. 1965. № 3. С. 120–121; Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Волги и Дона в IV в. до н.э. – II в. н.э. (историко-археологический очерк) // Советская археология. 1974. № 3. С. 40.
11. Десятчиков Ю.М. Указ. соч. С. 7.
12. См. историографию вопроса: Шилов В.П. Аорсы (историко-археологический очерк) // История и культура сарматов: Сб. ст. Саратов, 1983. С. 41.
13. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 104.
14. Глебов В.П. Ранние сарматы южных районов Ростовской области: культурно-этническая принадлежность и контакты // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Силицына 14–18 мая 2000 года. Саратов–Энгельс, 2000. С. 166–167; Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 5. Азов, 2000. Рис. 3.
15. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. Вып. 106. М., 1962. С. 70; Виноградов В.Б. Локализация Ахардея... С. 45.
16. Виноградов В.Б. Локализация Ахардея... С. 38.
17. Там же. С. 45; Ждановский А.М. Указ. соч. С. 40; Петренко В.А. Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 7 и др/
18. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 105.
19. Шилов В.П. Указ. соч. С. 43.
20. Яценко С.А. Сиракский союз в Прикубанье (проблемы увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991. С. 108–109.
21. Там же. С. 109.
22. Крутов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
23. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 155–160.
24. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 105.

25. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Карта 17.
26. Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. С. 115.
27. Шилов В.П. Указ. соч. С. 38.
28. Крутнов Е.И. Указ. соч. С. 71. Рис. 5 – карта.
29. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 159, 220. Рис. 47.
30. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 105.
31. Шилов В.П. Указ. соч. С. 37–39.
32. Степи Европейской части... С. 227. Карта 17.
33. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 105.
34. Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990. С. 82.
35. Там же. С. 110.
36. Гуаллагов А.А. Указ. соч. С. 85.
37. Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 92; Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. С. 142; Гуаллагов А.А. Указ. соч. С. 84 и др.
38. Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 64–66. Карты №№ 3, 4, 5.
39. Марченко И.И. Указ. соч. С. 87.
40. Анфимов И.Н. Об этнических процессах на Средней Кубани в I в. до н.э. – III в. н.э. // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1985. Вып. 3. С. 68.
41. Волков И.Г. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового века правобережья р. Кубань // Восьмые Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Нальчик, 1978. С. 35–36.
42. Марченко И.И. Указ. соч. С. 130.
43. Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий IV в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994. С. 138.
44. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986; Щукин М.Б. Указ. соч. С. 138.
45. Полин С.В. Гатал – царь сарматский // Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Киев, 1989. С. 123; Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Сиракский союз племен и Боспор // Скифия и Боспор: археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 124.
46. Полин С.В. Указ. соч. 1989. С. 123.
47. Марченко И.И. Указ. соч. С. 125.
48. Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 194–196.
49. Марченко И.И. Указ. соч. С. 123.
50. Бакушев М.А., Абдулаев А.М. Хасавьуртовский курган II // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012. Махачкала, 2012. С. 163.
51. Щукин М.В. Указ. соч. С. 138–139.
52. Засецкая И.П., Марченко И.И. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1992. Вып. 32. С. 100.
53. Марченко И.И. Указ. соч. С. 126.
54. Ждановский А.М. Указ. соч. С. 42.
55. Марченко И.И. Указ. соч. С. 87.
56. Сокольский Н.Н. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 46, 89.
57. Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе... С. 118.
58. Захаров А.В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д., 2000. С. 27–45; Глебов В.П. Сарматы юга Ростовской области (о различных вариантах раннесарматской культуры) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: «V Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь, 2001. С. 61–64.

59. *Зайцев Ю.П.* Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. С. 144.
60. *Туаллагов А.А.* Указ. соч. С. 85.
61. *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 24.
62. *Шилов В.П.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. Торговля и обмен в древности. М.: Наука, Т. 138. 1974. С. 63.
63. *Ждановский А.М.* Указ. соч. С. 43.
64. Там же. С. 43; *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 12.
65. *Щукин М.Б.* Указ. соч. С. 138.
66. *Засецкая И.П., Марченко И.И.* Указ. соч. С. 101.
67. *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 128.
68. *Дреер М.* Помпей на Кавказе. Колхида, Иберия, Албания // ВДИ. 1994. С. 26. Прим. 53.
69. *Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю.* Этруско-италийские и кельтские племена в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 118.
70. *Щукин М.Б.* Указ. соч. С. 143.
71. *Керефов Б.М.* Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 198 сл.
72. *Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю.* Указ. соч. Рис. 40, 1.
73. *Прокопенко Ю.А.* Находки этруско-италийских шлемов в Центральном Предкавказье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культуры Северного Кавказа: XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 26–30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010. С. 292 сл.
74. *Савенко С.Н.* Бронзовый шлем типа «Montefartino» из фондов Кисловодского музея // Античная цивилизация и варварский мир материалы VI археологического семинара. Краснодар, 1998. Ч. 1. С. 47.
75. *Прокопенко Ю.А.* Находки этруско-италийских шлемов... С. 292 сл.
76. *Павлович Г.А.* Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края // Российская археология. 1995. № 3. С. 204.
77. Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь, 1986. Т. 1. С. 61.
78. *Раев Б.А.* Северокавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время тезисы конференции 30–31 мая 2000 года. Пятигорск, 2000. С. 198.
79. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 35; *Он же.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры... С. 70.
80. *Керефов Б.Н.* Указ. соч. С. 203.
81. *Березин Я.Б., Ростунов В.Л.* Сарматские подкурганские могильники у с. Заманкул (Северная Осетия) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994. С. 48; *Ростунов В.Л., Березин Я.Б.* Скифо-сарматский период на территории Северного Кавказа // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Ч. 2. С. 5, 13.
82. *Прокопенко Ю.А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй пол. I тыс. до н.э. Ставрополь, 2005. С. 106–109; *Он же.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры... С. 70 сл.
83. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М., 1949. С. 31.
84. *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 129.
85. *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 314; *Сокольский Н.И.* Указ. соч. С. 112.
86. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о военно-политических связях Фарнака II с населением Ставропольской возвышенности в сер. I в. до н.э. (по нумизматическим данным) // Из истории культуры народов Северного Кавказа: Сб. науч. статей. Ставрополь: Ставролит, 2015. Вып. 7. С. 18–19.

87. *Гаврилов А.В.* Нумизматический материал селища Куру Баш (лагерь) и некоторые вопросы истории Феодосии конца II–I вв. до н.э. // *Stratumplus*. 2010. № 6. С. 149–151.
88. *Прокопенко Ю.А.* К вопросу о военно-политических связях Фарнака II... С. 20 сл.
89. *Гаврилов А.В.* Указ. соч. С. 148–150. Рис. 6.81.
90. *Голенко В.К.* К «реабилитации» античного поселения Полянка // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы Международной научной конференции. СПб.: ГЭ. 2005. С. 389.
91. *Фролова Н.А., Масленников А.А.* Монеты из клада боспорских монет начала – середины I в. до н.э. из поселения «Полянка» как исторический источник // Международная конференция по применению методов естественных наук в археологии: Материалы международной конференции. СПб., 1994. Т. II. С. 186–187; *Фролова Н.А.* Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985) // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 55.
92. *Масленников А.А.* Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. С. 128.
93. Там же. Рис. 7. № 42.
94. *Березин Я.Б., Нарожный Е.И.* Курган № 1 у пос. Марьино Успенского района Краснодарского края // Пятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир, 1998. С. 8–10. Рис. 2, 11.
95. *Раев Б.А.* Указ. соч. С. 198.
96. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей... С. 39. Рис. 15, 16; *Он же.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры... С. 71.
97. *Раев Б.А.* Указ. соч. С. 199.
98. *Королькова Е.Ф.* Кубанский звериный стиль и его восточные аналоги // Археологический сборник государственного Эрмитажа. СПб., 2001. Вып. 35. С. 107, 110.
99. *Гиджрати Н.И., Наглер А.О.* Сарматское погребение у с. Комарово Моздокского района СОАССР // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. Рис. 2, 10.
100. *Березин Я.Б., Ростунов В.Л.* Сарматские подкурганые могильники у с. Заманкул... С. 48.
101. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Материалы погребальных памятников Северного Причерья о роли сарматов в этнокультурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Моздокского междуморья: Международный сборник статей. Орджоникидзе, 1983. С. 102; *Гутнов Ф.Х.* Сарматы Центрального Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Л. Иессена. СПб., 1996. С. 138 – 139.
102. *Историография см. Туаллагов А.А.* Указ. соч. С. 86, 119. Сноска 85.
103. *Яценко С.А.* Сиракский союз в Прикубанье (проблемы увязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани материалы научно-практической конференции. Краснодар, 1991. С. 109.
104. *Прокопенко Ю.А.* История северокавказских торговых путей... Рис. 31; *Он же.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры... Рис. 240А, 4, 5.
105. *Абрамова М.П.* Указ. соч. С. 105.
106. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Указ. соч. С. 64.
107. *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 131.
108. *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация центральнокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. Вып. 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 155–158.
109. *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 132–133.
110. Там же. С. 131.
111. *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 314; *Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребальный обряд сарматов Закубанья по раскопкам 1984 г. и доревوليонным материалам) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 113; *Марченко И.И.* Указ. соч. С. 129–130.
112. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 161.

113. Черняк А.Б. О коньектуре Липсия Aorsi в рассказе о боспорском походе римлян // *Античная цивилизация и варварский мир*. Новочеркасск, 1992. Ч. I. С. 99; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. (по материалам курганных могильников) // *ВДИ*. 1994. С. 164.
114. Ждановский А.М. Указ. соч. С. 46.
115. Марченко И.И. Указ. соч. С. 133.
116. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа... С. 161; Ждановский А.М. Указ. соч. С. 4.
117. Шевченко Н.Ф. Сираки и аорсы в степном Прикубанье // *Российская археология*. 2003. РА № 1. С. 58.
118. Скрипкин А.С. Проблемы этнической истории Азиатской Сарматии // *Проблемы археологии степей Евразии: тезисы докладов*. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 125.
119. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история). *Петербургский археологический вестник*. СПб., 1993. Вып. 6. С. 83.
120. Абрамова М.П. Указ. соч. С. 18.
121. Корпус боспорских надписей. М., 1965. С. 140, 141, № 142.

YU. A. PROKOPENKO

SHIRAKI, TOKHARS AND OTHER TRIBES IN THE CENTRAL CAUCASUL POLITICAL EVENTS II B.C-START. IV.NE FROM WRITTEN SOURCES, ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC DATA

The article discusses the features of the ethno-political situation in the Antea in the second half of the III. BC – I c. BCP particular attention is paid to participation of Ciscaucasian steppe tribes Shiraki, Tochari et al. In the political events of Asia Minor and the Northern Black Sea. For the ethno-political reconstruction involved the author written sources, archaeological and numismatic evidence.

Keywords: Sarmatians, Sirak, Tochars, nabiany, Pankasany. Kingdom of Pontus. Bosphorus. Mithridates VI. Farnak I. Farnak II. Military campaigns in Asia Minor. Siraksky union of tribes.

УДК – 904(470.638)

М.В. Семендяев,
(г. Пятигорск)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ РЕГИОНА КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

В статье дается краткое освещение истории исследования археологических памятников региона Кавказских Минеральных Вод в конце XVIII – начале XX в. Выделяются этапы в изучении древностей, прослеживается эволюция в методике исследований – от внешнего описания памятника к систематическим археологическим раскопкам.

Ключевые слова: археология, Кавказские Минеральные Воды, археологический памятник, погребальный инвентарь.

Изучение истории археологии вообще и, в частности, отечественной является одной из малоразработанных, сложных и в то же время важных задач науки [1]. История археологических открытий, а в узком смысле историография не только обогащает современные научные исследования, но и служит мощным каналом передачи научного опыта предшествующих поколений исследователей последующим. В связи с этим ни одна серьезная археологическая работа не может не опираться на солидную историографическую базу. Более того, в последние десятилетия благодаря исследованиям отечественных археологов – А.А. Формозова и его школы, – изучение прошлого археологии приобрело статус исторической субдисциплины, получившей название «рефлексирующая археология» [2].

Особенно актуальным для отечественной исторической науки и, в частности кавказоведения, видится нам вопрос истории археологических исследований на Северном Кавказе. Большой интерес в данном случае представляет один из микрорегионов Северного Кавказа – район Кавказских Минеральных Вод, который по праву может считаться своеобразным музеем древностей под открытым небом. Здесь сконцентрированы несколько тысяч археологических памятников, представляющие почти все эпохи начиная с каменного века и заканчивая поздним Средневековьем. История открытия и исследования археологических памятников КМВ насчитывает более 2 столетий, при этом особенно важным является наименее исследованный ранний период – с конца XVIII по первые десятилетия XX в. – время становления археологического кавказоведения. Этапы изучения памятников древности и Средневековья изучаемого микрорегиона показывают не только развитие и совершенствование методов археологических исследований и эволюцию взглядов на различные аспекты истории Северного Кавказа, но и отражают историческую ситуацию, в которой приходилось действовать исследователям.

Несмотря на важность данного периода в исследовании археологических памятников КМВ, он продолжает оставаться слабоизученным. Ссылки на работы исследователей изучаемого периода можно найти в целом ряде работ, однако, даже в работах монографического характера, имеющих солидную историографическую часть, дореволюционному периоду исследования древностей уделено непропорционально мало места. Работы, посвященные специально истории исследования древних и средневековых памятников региона КМВ или других частей Северного Кавказа, отсутствуют, что и определяет актуальность данной статьи.

Историю открытия и исследования археологических памятников Кавказских Минеральных Вод в дореволюционный период можно условно разделить на 3 этапа:

1. 1773–1834 гг.
2. 1834–1877 гг.
3. 1877–1918 гг.

На первом этапе история открытия и описания памятников древности была тесно связана с российским освоением территории Северного Кавказа и, в частности, региона КМВ. Наличие русских укреплений на изучаемой территории (Константиногорской крепости, Ессентукского и Кисловодского редутов) обеспечило безопасность научной деятельности первых исследователей. Отметим, что основной задачей первых ученых-естествоиспытателей и путешественников (И.А. Гюльденштедта, П.С. Палласа, Ю. Клапрота и др.) являлись описание местности, поиски минеральных источников, этнографические наблюдения. Попутно эти исследователи описали и открыли ряд памятников древности.

Первую крупную научную экспедицию, организованную Академией наук, возглавил профессор натуральной истории Иоанн Антон Гюльденштедт (1745–1781 гг.). На Юге России и на Кавказе его внимание привлекли многочисленные нумизматические и эпиграфические памятники; в немалой степени его заинтересовала история народов Кавказа. На Северном Кавказе исследователем были осмотрены развалины золотоордынского г. Маджары; была составлена карта городища, на которую были нанесены 2 мечети и 2 минарета [3]. На территории Кавказских Минеральных Вод, на р. Этока И.А. Гюльденштедтом было обнаружено и впервые описано каменное изваяние, известное в науке как «Дука-бек». Впоследствии оно привлекло внимание многих авторов, высказывавших различные предположения о происхождении и датировке памятника [4].

Ценные сведения о городище Рим-гора и ее окрестностях были собраны в 1785 г. приставом Большой Кабарды князем Ураковым, который упоминает о ряде кладбищ, на которых находилось несколько каменных крестов [5].

Большой вклад в дело открытия памятников древности имела экспедиция академика Петра-Симона Палласа, посетившая изучаемый регион в 1793 г. П.-С. Паллас более обстоятельно осмотрел городище Рим-гору, отметил на ее склонах террасы, обнаружил склепы и ямы, в некоторых из которых находились фрагменты керамики. По мнению исследователя это городище представляло собой колонию «франков» или других европейцев. Кроме Рим-горы, П.С. Паллас описывает фортификационные сооружения недалеко от источника нарзана и ряд курганов [6].

Интерес к древним памятникам в российском обществе усиливается с 20–30-х гг. XIX в. Внимание к древностям проявляют представители интел-

лигенции и администрация региона. Так, известный пятигорский архитектор Иосиф Бернардацци описал мусульманские позднесредневековые погребения между Ессентуками и Кисловодском.

Ключевой датой, с которой начинается следующий этап истории исследования древностей региона, является 1834 г., когда на Кавказские Минеральные Воды специально с целью проведения археологических раскопок приехал швейцарский археолог и этнограф Фредерик Дюбуа де Монпере [7]. Отметим, что большая помощь ученому в плане знакомства с местными древностями и в безопасности исследований оказали представители военной администрации региона, а также комендант Пятигорска генерал Энгельгарт.

Исследователь провел раскопки на городище Рим-гора, в ходе которых обнаружил, помимо прочего, несколько небольших крестов из меди. Не менее ценными являются и результаты осмотра данного памятника, в частности, Дюбуа де Монпере обнаружил вырубленные в скале лестницы, ведущие на вершину горы, на самом верху им были замечены развалины жилищ; также многочисленные жилища были обнаружены им у подножья Рим-горы.

Представляет интерес и описание укрепления в районе нарзанного источника (современная территория г. Кисловодска), которое впервые заметил еще П.-С. Паллас. Оно представляло собой ограниченную земляным валом территорию, на которой было несколько курганных насыпей и целый ряд гротов, высеченных в слое песчаника и «соединенных иногда по 2 или по 3». По мнению Дюбуа де Монпере, это были описанные античным географом Страбоном жилища троглодитов, живших в пещерах.

Очень важным является мнение ученого о существовании в древности торгового пути, шедшего из Закавказья через Северный Кавказ по долине р. Подкумок. Последнее нашло яркое подтверждение в более поздних исследованиях [8].

В середине XIX в. – времени завершения Кавказской войны и присоединения Северного Кавказа к России – относительно мирная ситуация в Центральном Предкавказье способствует развитию городов, многие из которых становятся не только политико-административными и торгово-экономическими, но и культурными центрами. Особенно это касается городов курортного района КМВ, где, в частности в Пятигорске, усилиями известного исследователя и собирателя древностей, путешественника Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874), при содействии местной администрации и общественности появляется первый музей древностей.

А.С. Фиркович первым из отечественных кавказоведов предпринимает попытку исследования древностей археологическими методами, т.е. путем раскопок. Известно, что А.С. Фиркович, путешествуя по Кавказу в поисках древностей в 1849 г., не только описывает храмы, надгробные сооружения и укрепления, но и раскапывает их. Так, на территории Кабарды (район с. Псыгансу) им был раскопан курган, внутри которого ученый обнаружил склеп [9]. При поддержке дирекции Кавказских Минеральных Вод А.С. Фиркович в 1849 г. организует в Пятигорске археологический «музей» – музей древности под открытым небом, располагавшийся в районе Елизаветинской (совр. Академической) галереи. В нем были собраны привезенные исследователем из различных местностей Северного Кавказа каменные изваяния, кресты, надгробные стелы. Первым экспонатом собрания стала обнаруженная еще И.А. Гюльденштедтом статуя «Дука-бек» [10].

А.С. Фиркович проводил раскопки на городище Рим-Гора, в ходе которых были обнаружены фрагменты оружия, керамика, монеты. Ученый подробно описал каменные кресты и плиты, расположенные на разном расстоянии от Рим-Горы. А.С. Фирковичу принадлежит открытие таких выразительных памятников, как городище Улудорбунла и расположенный близ него могильник (верховье р. Подкумок в 15 км выше Рим-Горы) [11].

На третьем выделенном нами этапе начинаются систематические раскопки древних и средневековых памятников в окрестностях городов Пятигорска и Кисловодска усилиями археологов Д.Я. Самоквасова, В.Р. Апухтина, А. Грена, И.И. Филиппова. Знаковым событием в кавказоведении стало создание в Тифлисе в 1873 г. Общества любителей Кавказской археологии, созданное на базе Московского археологического общества [12]. Импульсом в исследовании кавказских древностей явился V Археологический съезд в Тифлисе, состоявшийся в 1881 г. Готовясь к этому съезду, археологи производили раскопки в различных регионах Северного Кавказа, в том числе и на Кавказских Минеральных Водах.

Впервые широкомасштабные археологические раскопки в изучаемом регионе были проведены в 1877 г. российским археологом Н.Г. Керцелли, работавшим по поручению Московского общества любителей естествознания и этнографии. Археологом было раскопано несколько десятков курганов позднего Средневековья в окрестностях ст-цы Горячеводской [13].

Готовясь к указанному археологическому съезду, в 1879 г. известный археолог и кавказовед Е.Д. Фелицын впервые в изучаемом регионе исследовал курган бронзового века близ ст-цы Кисловодской [14].

Наиболее плодотворными были раскопки, проводившиеся на территории изучаемого региона в 1881-м и 1882 гг. известным исследователем древностей, профессором права Варшавского университета Дмитрием Яковлевичем Самоквасовым. Основными объектами исследований Д.Я. Самоквасова стали курганные насыпи в окрестностях городов Пятигорска и Кисловодска. Курганы копались колодцами, обычно размерами 7х7 м.

В 1881 г. Д.Я. Самоквасов раскопал 2 кургана у колонии Каррас (пос. Иноземцево), в которых обнаружены 2 погребения бронзового века. В этом же году Д.Я. Самоквасовым были исследованы 5 насыпей в окрестностях Кисловодска в урочище «Три камня».

В следующем, 1882 г. Д.Я. Самоквасов раскопал в южной и центральной части Константиновского плато 7 курганов, содержащих 13 погребений и 2 бескурганные могилы. Вышеперечисленные, т.н. «большие» курганы (высотой до 14 м), относятся к бронзовому веку. Помимо них Д.Я. Самоквасовым было раскопано значительное количество курганов меньших размеров (высотой 0,7–2,8 м), относившихся к эпохе позднего Средневековья [15].

Представляют интерес сведения о «больших каменных ящиках», обнаруженных археологом на возвышенности у подножья горы Верблюд, которые автор относил к «скифской эпохе» [16]. Эти погребения упоминаются в одной из работ В.И. Марковина как «дольмены» или «дольменовидные постройки» [17]. В более поздней своей работе В.И. Марковин ставит под сомнение существование дольменов на Кавказских Минеральных Водах [18]. Вероятно, вышеупомянутые каменные склепы из крупных плит относятся к раннему железному веку.

В 4 км от ст-цы Кисловодской Д.Я. Самоквасов обнаружил 16 позднесредневековых каменных гробниц, из которых раскопал и исследо-

вал 11 [19]. Всю свою коллекцию предметов древности, в том числе и предметы из погребений бронзового века Пятигорья, Д.Я. Самоквасов передал в Российский Императорский исторический музей (современный ГИМ). Материалы раскопок Д.Я. Самоквасов частично опубликовал в своих работах [20]. Некоторые из предметов нашли место в более поздней работе В.И. Марковина [21].

Представляет интерес интерпретация результатов раскопок, сделанная самим Д.Я. Самоквасовым. Так, предложенная исследователем периодизация состояла из 5 эпох: киммерийской, скифской, сарматской, славянской и монголо-татарской (половецко-татарской). При этом, по мнению Д.Я. Самоквасова, киммерийская эпоха, представленная подкурганскими погребениями с окрашенными костяками, была самой древней, выходящей непосредственно из каменного века, самих носителей этой культуры считал первоначальным населением Северного Кавказа и датировал их временем не ранее последней четверти VII века до н.э. Находки предметов из человеческой кости позволили Д.Я. Самоквасову выдвинуть тезис о бытовании на Северном Кавказе в т.н. «киммерийскую» эпоху антропофагии, который нашел свое подтверждение и в раскопках В.Р. Апухтина [22]. К сожалению, эта весьма интересная проблема в более поздних работах не поднималась.

Важное открытие скального могильника раннего Средневековья было сделано в 1885 г. известным кавказоведом М.М. Ковалевским в окрестностях аула Хасаут. Ученый вел раскопки могильника и в 1886 г. [23]. Отметим, что могильники долины р. Хасаут неоднократно исследовались в последующие годы и десятилетия.

Итоги исследований древностей Кавказских Минеральных Вод в XIX в. были подведены в работе профессионального археолога, приват-доцента университета Св. Владимира в Киеве А.Н. Грена, вышедшей в 1902 г. [24] Сам исследователь в 1902 г. предпринял раскопки пещер в районе железнодорожной станции Минутка (Кисловодск).

Раскопки археологических памятников Кавминвод были продолжены в начале XX в. Всеволодом Ростиславовичем Апухтиным. Свои самостоятельные исследования в нашем регионе В.Р. Апухтин начал в 1902 г. и вел их в течение почти всей своей жизни. На счету В.Р. Апухтина свыше 50 курганов и 8 бескурганых захоронений. Особенно интенсивно раскопки велись с 1902-го по 1913 г., были исследованы 6 могильников, относящихся к различным эпохам:

1. Курганная группа к северо-востоку от пос. Горячеводского, исследовалась В.Р. Апухтиным с небольшими перерывами с 1902-го по 1912 г., были раскопаны 4 кургана бронзового века и 39 – позднего Средневековья.

2. Курганный могильник на р. Бугунте (приток р. Подкумка). В.Р. Апухтиным в 1902 г. были раскопаны 2 кургана позднего Средневековья.

3. Курганный могильник у подножья горы Кинжал. В 1902 г. В.Р. Апухтиным были раскопаны 6 курганов высотой 1,5–2,5 м.

4. Могильник в Медовой балке (окрестности Кисловодска). Судя по описанию В.Р. Апухтина, он состоял из разнородных погребений. Одно из них располагалось в пещере, остальные, по словам местных жителей, представляли собой каменные ящики, к моменту раскопок разрушенные и разграбленные. В 1902 г. было исследовано пещерное захоронение.

5. Могильник в районе аула Хасаут (в 30 км к югу от Кисловодска) был представлен ранесредневековыми каменными ящиками, 7 из которых были исследованы В.Р. Апухтиным в 1906-м и 1907 г. [25].

6. Захоронение на северо-восточном склоне горы Бештау. Могила, представлявшая собой грунтовую яму, впущенную в материк на 1,4 м и перекрытую 2 каменными плитами, была раскопана в 1902 г. Отдельные находки из этого района указывают на то, что данное погребение было не единичным и входило в состав могильника.

Кроме указанных выше могильников, В.Р. Апухтин в 1906, 1907 и 1909 гг. исследовал несколько курганов бронзового века в Кисловодске [26]. Инвентарь погребений содержит керамику – лепные орнаментированные сосуды и курильницы, оружие из камня, бронзы и железа, костяные и бронзовые культовые предметы и украшения, изделия из стекла и щелка, относящиеся к разным историческим эпохам, начиная с бронзового века и заканчивая поздним Средневековьем.

Коллекции предметов древности, собранные В.Р. Апухтиным, неоднократно экспонировались на различных выставках. В начале 1920-х гг. частная коллекция В.Р. Апухтина была экспроприирована, ряд предметов из нее попали в Пятигорский краеведческий музей.

Значительную роль в изучении археологических памятников региона сыграло созданное в 1902 г. в Пятигорске Кавказское горное общество (КГО). Уже в 1904 г. члены КГО совместно с В.Р. Апухтиным провели раскопки на городище Рим-Гора. В экспедициях КГО принимал участие известный пятигорский фотограф Г.И. Раев, проводивший не только фотофиксацию раскопок, но и выпускавший открытки с изображениями археологических памятников и найденных предметов. Основатель КГО Р.Р. Лейцингер в 1906 г. получил открытый лист на раскопки в Пятигорском отделе, Нальчикском и Баталпашинском округах. В том же году членами КГО была предпринята Эшкаконская экспедиция, в ходе которой был открыт ряд памятников в долине реки в окрестностях Рим-Горы [27].

Завершают период раскопки курганов бронзового века, проводимые в 1913–1914 гг. И.И. Филипповым у ст-цы Кисловодской и известным в России археологом А.А. Бобринским в 1917 г. на левом берегу р. Белой (район Кисловодска). Богатая коллекция предметов бронзового века, собранная И.И. Филипповым, частично была в 1927 г. передана в Пятигорский музей, где в настоящее время и находится.

В целом можно отметить, что исследования археологических памятников Кавказских Минеральных Вод в дореволюционный период прошли длительный путь развития от внешнего описания наземных памятников древности к эпизодическим археологическим раскопкам и собиранию коллекций древностей и далее – к более систематическим и целенаправленным исследованиям и масштабным раскопкам. Заметим, что раскопки в изучаемый период велись главным образом на частные средства отдельных энтузиастов и не были объединены каким-либо общим планом.

Археологические материалы, выявленные и собранные исследователями конца XVIII – начала XX в. на территории КМВ, нашли свое место в многочисленных монографиях и научных статьях ученых XX в. и были ими использованы для построения типолого-хронологических схем древностей Северного Кавказа.

Примечания

1. *Формозов А.А.* Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975 № 4. С. 5.
2. *Лебедев Г.С.* Опыт периодизации отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии: тезисы докладов конференции 11–13 декабря 1990 г. СПб., 1993. С. 4.
3. *Минаева Т.М.* Золотоордынский город Маджар. МИСК. Ставрополь, 1953. Вып. 5. С. 151. Рис. 3.
4. *Кузнецов В.А.* Изваяние «Дука-Бек»: историко-археологические проблемы // ИАА. Армавир–М. 1999. Вып. V. С. 83–87.
5. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* Древности Кисловодской котловины. С. 10.
6. *Гориславский И.* Он выполнил указ Екатерины Второй // Кавказский край. 1992. № 5. С. 13.
7. *Дюбуа де Монпере Ф.* Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму/ Пер. Н.А. Данкевич-Пушиной. Сухуми, 1937. С. 154–156.
8. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* Указ. соч. С. 11.
9. *Фиркович А.С.* Археологические разведки на Кавказе. ЗРАО. 1858. Вып. 2. Т. IX. С. 371–405.
10. *Коваленко А.Н., Краснокутская Л.И.* Первый музей под открытым небом // Материалы краеведческих чтений, посвященных памяти Андрея Петровича Рунча. Пятигорск, 1998. С. 6–8.
11. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* Указ. соч. С. 12.
12. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* Указ. соч. С. 13.
13. *Фоменко В.А.* Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. С. 8.
14. *Корневский С.Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990. С. 4.
15. *Фоменко В.А.* Указ. соч. С. 8.
16. *Самоквасов Д.Я.* Описание археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908. С. 22–23.
17. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 284.
18. *Марковин В.И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. С. 32.
19. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* Указ. соч. С. 13.
20. *Самоквасов Д.Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Труды V археологического съезда. М., 1887; Хронологическая классификация Южной России. Варшава. 1890; Основания археологической классификации: Каталог коллекций древностей. Варшава, 1892; Могилы Русской земли. М., 1908; Описание археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908.
21. *Марковин В.И.* Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 7–58.
22. *Самоквасов Д.Я.* Описания археологических раскопок и собрания древностей. М., 1908. С. 43–44, 54–55.
23. *Миллер В.Ф.* Терская область: археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1. С. 104.
24. *Грен А.Н.* Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении// Кавказские Минеральные Воды. № 127. 4 сент.; № 129. 6 сент. 1902.
25. *Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской земли (от каменного века до христианского времени). М., 1908. С. 42.
26. *Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С., Савенко С.Н.* С. 15.
27. *Савенко С.Н.* Тайны Эшкаконской экспедиции и другие // Наследие: Вестник Кавказского горного общества. Пятигорск? 2000. № 2. С. 31–36.

M.V. SEMENDYAYEV

**THE HISTORY OF RESEARCH ARCHEOLOGY RELICS
OF THE REGION KMV FROM THE END OF XVIII – TILL EARLY XX CENTURIES**

In this article a short coverage the history of research archaeology relics of the region KMV (North Caucasus Mineral Waters) in the period from the end XVIII – for early XX centuries is presented. The article is divided into three sections of studying ancient relics, you can trace evolution in method of research – from outer descriptions of tombstone to systematic archaeology excavations.

Keywords: Archaeology, Caucasus Mineral Waters, the archaeology tombstone, tomb accessories.

УДК – 94 (470.6)

А.Х. Бижев
(г. Нальчик)

БЕСЛЕНЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ АДЫГСКОГО ЭТНОСА*

В данной статье исследуются основные вехи истории бесленеевцев в контексте развития адыгского этноса. Рассматриваются письменные сведения о бесленей, различные гипотезы об образовании данного народа и его появлении на Кавказе, влияния геополитического фактора на их историю, последствия переселения бесленеевцев в Турцию.

Ключевые слова: бесленеевцы, адыги, кабардинцы, Кавказ, Кубань, Турция, Россия, Крым, князь, аул, переселение.

История отдельных адыгских народов не изучена в достаточной мере. Нет ни одной специальной работы и о бесленеевцах, за исключением исследования Б.Х. Балкарова «Язык бесленеевцев». Но это не означает, что их след затерян. В работах Хан-Гирея, Шоры Ногмова содержатся отдельные фрагменты, предания, имена известных представителей этого народа. Разрозненные сведения о бесленеевцах имеются в трудах русских авторов как XVIII, так и XIX вв.

В советское время отдельные сюжеты истории бесленеевцев освещали М.Н. Покровский в работе «Адыгские племена в конце XVIII – первой половине XIX вв.», Е.Н. Кушева в труде «Народы Северного Кавказа и их связь с Россией в XVI – XVII вв.», В.К. Гарданов в монографии «Общественный строй адыгских народов в первой половине XIX в.» и др.

В 1946 г. Зевакин высказал мнение, что «русские архивные материалы и описания XVI–XVIII вв. исключительно ценны для изучения кабардинцев, осетин и других народов центрального Кавказа, но они почти ничего не дают для изучения прикубанских черкесов вплоть до последней четверти XVIII в.». Вывод этот оказался неверным. Усилиями Новосельского доказано, что в Крымских и Ногайских делах Посольского приказа есть интересные сведения о народах Северо-Западного Кавказа, в частности, и о бесленеевцах.

Дело в том, что западные адыги со второй половины XVI в. находились в среде влияния Крымского ханства. В документах Посольского приказа есть кабардинские дела, а документы, связанные с западными адыгами, в том числе и бесленеевцами, отложились, как отмечалось выше, в Крымских и Ногайских делах. Эти материалы малоизвестны из-за того, что они в боль-

* Данная публикация является выступлением А.Х. Бижева на конференции «Бесленей в историческом и этнокультурном контексте адыгского этноса». Автор не успел опубликовать данные материалы при жизни, в связи с чем они публикуются в том виде, в каком были представлены в редакционную коллегию.

шинстве случаев составлены на старорусском языке и не пущены в научный оборот. Между тем они свидетельствуют о том, что в XVI в. адыги имели четкое деление на народы. Причем это деление было довольно устойчивым.

Непосредственные сношения народов Северо-Западного Кавказа и Кабарды с Русским государством начались с 1550 г. Тогда имели место приезды из Черкесии и Кабарды в Москву и посольства из Москвы в Черкесию и Кабарду. Но дела об этих поездках не сохранились, о них имеются лишь упоминания в летописях и посольских делах о дипломатических сношениях с европейскими государствами.

В документах XVI–XVII вв. содержатся сведения и о бесленеевцах. Именуется они в них беленеевцами, бестелейскими черкасами, беслинцами, быслыней. При этом подчеркивается, что они жили за Кубанью.

В русских документах XVI–XVII вв. среди упоминаний об адыгских народах Северо-Западного Кавказа наиболее часты упоминания о кемиргойцах и бесленеевцах, причем обычно эти два народа называются рядом, как соседи, каковыми и были. Есть в Кабардинских делах Посольского приказа документ, где зафиксировано: «В 1647 году крымский царевич стоял под Кемиргей от Бесленей в полуднице, а от Казыевы Кабарды (Большая Кабарда) в 3-х днелицах». Документ 1633 г. фиксирует бесленей уже на р. Псыхе, так что бесленеевцы были как бы связующим звеном между западными и восточными адыгами.

Э. Челеби помещает народ бесленей в бассейне Кубани и Лабы и отмечает, что они нашли убежище в горах из-за боязни нападения калмыков.

По смерти Инала, родоначальника князей кабардинских, потомки его разделились на две части, из которых одна – главнейшая (кабардинская) – переселилась из южной стороны Кубани в окрестности Пятигорска, другая, именно бесленеевцы, осталась на прежних местах жительства, то есть за Кубанью. Это предание кажется более правдоподобным, однако есть и другие предания, по которым полагают, что и бесленеевцы вместе с кабардинцами, составляя одно владение, перешли из-за Кубани в окрестности Пятигорска, где при разделении кабардинского поколения, бесленеевцы составили шестую часть, или шестой удел. Когда кабардинцы постепенно подвигались на восток, к берегам Терека, бесленеевцы переселились за Кубань, на прежнее место жительства.

Как бы то ни было, бесленеевцы участвовали во всех завоеваниях, произведенных кабардинцами на северных областях Кавказа. Неоспоримым доказательством этого служит участь абазинцев, которую решало кабардинское оружие; часть этих абазинцев еще долго состояла в подданстве бесленеевских князей.

В то время как кабардинцы с отдаленных времен выражали свою преданность к России, бесленеевцы были более привержены к крымцам и туркам; причиной тому было более всего положение той земли, на которой они обитают, будучи смежны с прочими кубанскими черкесами; они не могли по политическим соображениям вовсе отделиться от них, что могло бы, конечно, подвергнуть их опасности, навлечь на себя вражду соседей – черкесов благодаря фанатизму духовенства, постоянно старающегося склонить умы своих соотечественников в пользу единоверной державы. Впрочем, бесленеевцы постоянно не зависели ни от турок, ни от татар, хотя по обстоятельствам, и соглашались во мнениях с первыми и по временам покорствовались и платили дань последним, но нередко и против войск их совместно с кабардинцами действовали.

Бесленеевцы также были раздираемы междоусобиями, но не подвергались таким бедствиям, какие испытывали кабардинцы, чем и обязаны многочисленности своих князей, что подтверждается примерами; владения, в которых было более отраслей княжеских родов, скорее приходили в упадок, будучи разоряемы следствием несогласия князей и партий.

Князья бесленеевские ведут свой род от Каноко, потомка упомянутого Инала, почему и носят общую фамилию Канокко-хе; однако они разделяются на два дома или на две отрасли, а именно: Солох-хе и Бекьмрзе-хе; и так как владение Бесленеевское разделено на два удела, причисленных к княжескому роду, то каждая часть имела название той отрасли княжеского рода, к которой причислена. Таким образом, удел, причисленный к отрасли Солох-хе, называется Солоххие, к отрасли же Бекьмрзе-хе – Бекьмрзие. Оба же удела в совокупности составляют владение Бесленеевское.

Бесленеевцы первые из черкесских народов живут на западе от кабардинцев. Занимаемые ими земли нимало не уступали землям этих последних ни в изобилии произрастания, ни в доброте почвы, ни в тучности пастбищ; также и наружный их вид не менее пленителен. Множество рек орошали их земли; из числа этих рек главнейшие – две Лабы, между которыми лежащие места более избирались для жительства. Бесленеевцы иногда состояли в союзе со своими соседями, то есть с темиргойцами и абазинцами; иногда же между ними происходили неприязненные действия.

Первые сведения о бесленеевцах относятся к XVII в. Однако на протяжении двух с половиной веков так мало написано о них, что нет возможности назвать хотя бы одну какую-нибудь работу, специально посвященную бесленеевцам. То немногое, что написано, разбросано почти отдельными фразами в работах различных авторов, как-то: у Челеби, Главани, Ногмова, Щербачева, Лопатинского, Берже, Сталя и многих других как русских, так и иностранных авторов, работы которых посвящены не только кабардинцам, но и Кавказу в целом.

Сведения эти носят отрывочный характер, а подчас совершенно противоречат друг другу, что не дает возможности составить по ним цельную картину жизни и быта бесленеевского народа.

Скудость письменных сведений о бесленеевском народе объясняется двояко: с одной стороны, тем, что бесленеевцы не играли значительной роли в истории Кавказа, с другой – авторы, не различая адыгские народы, и не то что адыгские народы, а даже народы всего Кавказа вообще, писали обо всех под общим названием. Отсюда нередки случаи, когда под именем «черкесы» писали даже о тюркских племенах¹.

Скудные письменные сведения о бесленеевцах и их истории дополняют в известной степени сохранившиеся в самом народе устные предания, но и они не могут быть использованы полностью как один из основных материалов при восстановлении истории, так как в них, как и во всяких устных преданиях, отложились самые различные общественно-политические взгляды разных времен и эпох: каждая эпоха давала свою трактовку истории народа. И среди всех этих слоев самым сильным является слой исламизма. Влияние ислама свело историю адыгов в придаток истории арабов. Кроме того, в этих преданиях многие детали истории отсутствуют, многие стерлись в памяти их носителей.

Несмотря на скудость письменных материалов по истории бесленеевского народа, все-таки существуют различные гипотезы об образовании данного народа и его появлении на Кавказе. В основе всех гипотез лежит

теория миграции, и различаются они только тем, что одни приводят бесленеевцев на Кубань из одного места, а другие – из другого.

Самой распространенной гипотезой в дореволюционной исторической литературе является гипотеза о переселении бесленеевцев вместе с другими народами из Аравии. Эта версия часто встречается и в устном народном творчестве. Так, в одной из легенд рассказывается, что адыги вместе с Араб-ханом пришли из Аравии и при помощи грузинского царя вытеснили ногайцев, которые занимали теперешние места поселения адыгов. В связи с этим считают, что многие предметы быта и орудия производства также арабского происхождения. Несомненно, что этот мотив в устное творчество проник под влиянием официальной литературы, в которой дана версия об арабском происхождении адыгского народа, сложившаяся после принятия ислама. Поэтому совершенно нетрудно увидеть в этой гипотезе исламистскую теорию об арабском происхождении адыгов вообще и бесленеевцев в частности. Порочность ее очевидна и не требует разъяснений.

Другую гипотезу мы находим у Ш. Ногмова. Он пишет в «Истории адыгейского народа»: «Князь Коноко Берсланевич, невзирая на трактат, уговорил отца Берслана и, избрав удобные обстоятельства, успел увести из Кабарды 200 семейств. Они поселились с ним на речке Орпе², их потомки, живущие там, называются бесленеевцами, и нынешние их князья происходят от князя Коноко, отчего их называют ныне по имени предка – Коноковыми»³.

Эта гипотеза носит следы сильнейшего влияния устных преданий самих бесленеевцев, в которых часто рассказывается о том, что они переселились в теперешние их места жительства из Кабарды. При этом характерно, что кабардинцы в свою очередь утверждают, что они переселились из Бесленея.

Несостоятельность этой теории об эмиграции бесленеевцев из Кабарды подтверждают другие источники, которые утверждают, что район Закубанья является древнейшим местом жительства бесленеевцев. Такое утверждение мы находим у П. Дубровина, П.Г. Буткова и др. Последний пишет: «Хотя Порта сие ему и воспретила, но с российской стороны в 1775 г. предпринято, в случае движения крымских войск в Кабарде, выслатъ из Кизляра часть войска при исправном штаб-офицере, на защиту кабардинцев. Бесленеевцы сами собою на древние их жилища за Кубань возвратились, с чем вместе и другая претензия ханом оставлена»⁴.

Здесь Бутков, по-видимому, перепутал два различных события в истории: переселение черкесов из Кабарды в бассейн реки Кубань и образование бесленеевского народа, несмотря на явный анахронизм. По словам же самого Ногмова, переселение князя Коноко Берсланевича со своими людьми за Кубань относится к концу княжения Идара, отца Темрюка. Это приблизительно середина XVI века. Переселение же кабардинцев за Кубань и начало образования закубанских черкесов, или кабардинцев, относится к концу XVIII века. Несмотря на несостоятельность основной мысли этой гипотезы, в ней правильно высказано предположение, что бесленеевский народ называется по имени какого-то родоначального феодала и что этим феодалом был Беслан, или Берслан, как это имеет место в этнонимике адыгских народов.

И наконец, существует еще одна версия о появлении бесленеевцев в районе Кубани. По этой версии бесленеевцы являются выходцами из Малой Кабарды, которые в свое время переселились за Кубань.

На основании письменных данных, которыми мы располагаем, можно составить следующее представление о бесленеевском народе и его истории, начиная с XVII века. С этого времени бесленеевцы живут как самостоятельный народ. Об этом говорят сведения о бесленеевцах, встречающиеся в работе Эвлия Челеби «Китаби Джиханума». В ней дается не только описание бесленеевского племени, но и карта его расселения. На этой карте бесленеевцы помещены между кабардинцами и темиргоевцами по реке Лабе.

Более подробные данные о местожительстве бесленеевцев находим у Щербачева. Он пишет: «Бесленеевцы к северу граничат с мохошами и покорными ногайцами, к востоку – беальми, за Кубанью – кабардинцами: к югу – хребтом Черных гор, к западу – абазехами и мохошами. Ходзь, Губа, Большая и Малая Лабы и на вершинах Чамыка».

У Н.Ф. Дубровина находим указание на то, что Кубанская котловина была занята бесленеевцами. «Кубанская котловина, орошаемая реками Фарс, Тегене (Большая Тегень), Тегенезий (Малая Тегень) и Воарц, занята была бесленеевцами, на северо-западе от которых по долине, орошаемой ручьями Челурадж, Белоток и Шеде, жили мохошевы».

Следовательно, на востоке бесленеевцы граничили с кабардинцами и доходили, по-видимому, до гор Бештау, на западе с мохошовцами, на юге с абазехами и на севере с ногайцами.

Бесленеевцы представляли собой одно из сильных и многочисленных племен адыгов. Еще у Ксаверио Главани читаем: «Посреди этого перешейка находится округ Бесней, наиболее плодородный и богатый. Он расположен на равнине, имеет около тысяч жилищ, между которыми много дворянских; жители славятся своей красотой. Округ этот пользуется большим уважением, как по многочисленности его дворянства, так и по характеру его жителей».

В военно-статистическом обозрении за 1851 г. численность бесленеевцев определяется уже не количеством жилищ, а количеством аулов, коих насчитывается 18.

На 7 аулов меньше насчитывает Сталь в своей работе «Этнографический очерк черкесского народа». В ней он пишет: «Народ бесленеевский живет в 11 аулах и имеет князей и дворянство; старшие князья у них Канокovy и Шолоховы, потомки Беслана, сына Инала Касая, родоначальника кабардинских князей».

Сейчас в памяти бесленеевцев стерлись названия тех аулов, которые целиком переселились в Турцию, их названия можно восстановить на основании фамилий бесленеевских князей и дворян, встречающихся в разных источниках, так как аул обычно называется у адыгов по фамилии князя или дворянина, которому он принадлежит. Так, название аула Тазаргуковского, ныне Бесланей, является бесленеевской дворянской фамилией Тазаруко, встречающейся в исторических документах.

Такого же происхождения название таких бесленеевских аулов, как Докшукинский (Вакожиле), Кургоковский и Коноковский, Шолохо, Тазартуко, Маршако, Тляходуко, Дахоко, Докшуко, Асланоко, Соншоко, Аножако, Сиди.

Бесленеевцы выделялись среди адыгских народов не только своей многочисленностью, но и своей развитой экономикой и культурой. П.И. Ковалевский писал: «Бесленеевцы были более других черкесских племен культурны. Они много занимались земледелием. Их язык ближе к чисто-черкесскому и содержит немного примесей».

Таким образом, можно считать, что бесленеевцы представляли один из могущественных народов адыгов до выселения в Турцию. Об этом же говорит и Лопатинский, когда пишет, что самым сильным здесь черкесским народом были бесленеевцы, жившие Большой Лабой и притоками Урупа.

О могуществе бесленеевцев в прошлом писал и «Русский инвалид»⁵ «Кроме этих пяти главных народов, к тому же народу принадлежали менее многочисленные общества, населявшие лесистые пространства между Лабой и Белой: залабинские кабардинцы (бежавшие 80 лет тому назад из Кабарды), бесленеевцы, темиргоевцы, егерукаевцы и махожи – они заключили в себе до 35 тысяч душ обоого пола и составили остатки некогда сильных народов, наиболее воинственных».

Переселение бесленеевцев в Турцию разорвало цепь адыгских народов, тянущуюся от Черного моря до предгорий Кавказа, и кабардинцы оказались оторванными от остальных народов, с которыми связывал их бесленеевский народ, служивший своеобразным мостом между западноадыгскими и восточноадыгскими народами. В связи с этим и кабардинский язык значительно обособился от языка остальных адыгских племен, приобретая новые черты.

После покорения Кавказа, когда царское правительство выселило горские народы в Турцию, основная масса бесленеевского населения, обманутая лживыми обещаниями турецкого правительства, эмигрировала в Турцию, и уже к 1858 г. их осталось на Кавказе не более пяти тысяч человек. В результате от многочисленного народа, каким был бесленеевский, остались небольшие этнографические островки на Кубани и Зеленчуках.

Число бесленеевцев значительно сократилось и в последующие годы.

Но Н.Ф. Дубровин в своей книге «Черкесы (адыге)» пишет: «Бесленеевский народ был большим и насчитывал на 1885 год двадцать пять тысяч человек, то есть немногим меньше кабардинцев, которых на это же время было тридцать тысяч человек»⁶.

В настоящее время бесленеевцы живут в аулах: Бесленей и Вакожим Карачаево-Черкесской республики, а также составляют часть населения сел. Блечепсын и Уляп Республики Адыгея, в аулах Кургоковском и Коноковском Успенского района Краснодарского края.

Кроме того, небольшое количество бесленеевцев живет среди ногайцев. «Общее число бесленеевцев, включая в него и живущих отдельными семьями в ногайских и абазинских аулах, доходит до 6000 человек»⁷.

Местоительство бесленеевцев, как наиболее восточного из кубанских адыгских народов, ближайшего к Кабарде, вызывало особое внимание к ним со стороны Крымских ханов. Крымские ханы, чтобы подчинить своему влиянию бесленеевцев, предпринимали походы, набеги за данью, за ясырем, требовали участия в военных походах, устанавливали родственные связи с бесленеевскими князьями, аталычество.

Бесленеевцы, оказавшиеся в сфере влияния России и Крыма, пытались играть на их противоречиях. Например, в 1652 г. бесленеевский владетель Контемир приехал в Терский город и вместе с мурзой Большой Кабарды присягнул на верность русскому царю и получил жалованье.

Бесленеевские князья, в отличие от других владельцев, последовательно боролись за объединение адыгских народов, считая единство необходимым условием обеспечения безопасности. Ни одна прежняя положительная акция не обходилась без их активного участия, начиная с 1550 г. В 1619 году бесленеевские князья призывали «Заодин стояти» против но-

гайских племен. Бесленевцы активно работали над объединением адыгских народов.

Бесленевский князь Маашук и Жанеевский князь Сибок положили начало институту выезда адыгских князей в Москву. Маашук Каноков (был крещен и получил имя Иван) и Сибок с их людьми были включены в состав русской армии и направлены в Ливонию для участия в войне. Бесленей и жанеевцы приняли участие в военных действиях под Псковом, Серитом, Мильтенном. Обычно они шли в авангарде полков. Маашук Каноков служил в Москве в 1557–1560 гг.

Хан-Гирей считал, что княжеский род Каноко разделялся на две отрасли – Шолох и Бекмрзе.

Дворянские роды Дохшоко, Бекупсеко, Теххако, Кургоко, Мсостко, Езико.

По данным Хан-Гирея, четыре села Шолоховых расположились по Большой Лабе, одно на Малой Лабе. Остальные расположились на Лабе, Шыдоке, Ходзь.

Примечания

1. Балкаров Б.Х. Язык бесленевцев. Нальчик, 1959. С. 12–13.
2. Вероятно, река Уруп. Она вытекает из главного хребта и впадает с левой стороны в Кубань, вблизи упраздненного укрепления Прочный Окоп.
3. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. С. 87.
4. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, 1722–1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869. С. 254; Балкаров Б.Х. Язык бесленевцев. Нальчик, 1959. С. 13.
5. Цит. по: Балкаров Б.Х. Язык бесленевцев. Нальчик, 1959. С. 16.
6. Дубровин Н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
7. Балкаров Б.Х. Язык бесленевцев. Нальчик, 1959. С. 17.

**Доктор исторических наук,
профессор Бижев Алий Хутатович
(1937–2001 гг.)**

Алий Хутатович Бижев родился 12 октября 1937 г. в ауле Кошехабль Адыгейской автономной области.

В 1957 г. А.Х. Бижев закончил Кошехабльскую среднюю школу, а в 1960 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Кабардино-Балкарского государственного университета. Круг интересов молодого студента включал в себя как историю России, так и историю адыгов XIX века. Уже в студенческие годы он пишет курсовые работы и рефераты по различным проблемам социально-экономической и политической истории адыгов.

После окончания университета А.Х. Бижев работал инспектором Кошехабльского района. В 1966 г. начинается его многолетняя научно-педагогическая деятельность на кафедре всеобщей истории КБГУ. В 1985 г. А.Х. Бижев защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Внешнеполитическое положение Северо-Западного Кавказа в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в.». Он выступил с серьезной и аргументированной критикой концепции Кавказской войны. Диссертация восполнила значительные пробелы в изучении внутривосточной и внешнеполитической истории западных адыгов. Али Хутатович предпринял серьезную попытку в преодолении утвердившихся в науке деформированных представлений об их истории. Диссертация содержала также новую трактовку проблем социально-экономиче-

ского и культурного развития адыгов, отдельных проблем Кавказской войны.

В 1986 г. Али Хутатович перешел на кафедру истории СССР дореволюционного периода. С этого времени его научно-педагогическая деятельность была связана именно с этой кафедрой. Он читал курсы истории России, различные спецкурсы и спецсеминары, которые с большим интересом слушали очень многие студенты специальности «История».

В 1994 г. была опубликована монография «Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в.». Это результат кропотливого сбора материалов и напряженной исследовательской работы. Книга явилась крупнейшим шагом вперед в области изучения истории адыгов XIX века, способствовала появлению специальных исследований по отдельным проблемам политической истории Черкесии.

В 1996 г. в Махачкале была защищена докторская диссертация А.Х. Бижева «Адыги Северо-Западного Кавказа: внутривосточные и международные отношения в годы Кавказской войны (20–30-е гг. XIX в.)». Это исследование представляет собой развернутое изложение взгляда Алия Хутатовича на проблемы Кавказской войны. Глубокое погружение автора в социокультурный контекст изучаемой эпохи, его колоссальная эрудиция и внимание к деталям обуславливают большой интерес к работе специалистов.

С совершенно новой стороны открывается научно-исследовательская деятельность А.Х. Бижева в монографии «Адыгское крестьянство в годы Кавказской войны» (2000), подготовленная в соавторстве с М.Ю. Хашировым. Здесь Алий Хутатович демонстрирует владение обширным нарративным материалом, умение видеть за ним первоисточники информации о социальном состоянии адыгского общества. В монографии впервые поставлены и весьма успешно решены сложные проблемы социальной истории адыгов: степень и особенности феодализации, статус разных слоев населения, тонкости различия понятий «крепостное право», «феодалная зависимость» и т.д.

Характеризуя деятельность А.Х. Бижева в качестве преподавателя, необходимо сказать, что и на этом поприще он проявил себя как талантливый педагог. Тактичный, умеющий слушать собеседника, с мягкими речевыми интонациями Алий Хутатович быстро находил общий язык со студентами. Нет ни одного уголка в Кабардино-Балкарии, где бы не работали его бывшие ученики, вспоминающие о нем с благодарностью.

A.H. BIZHEV

**BESLENEI IN HISTORICAL
AND ETHNO-CULTURAL CONTEXT
OF ETHNIC ADYGEYAN**

This article examines the main milestones in the development context Besleneys Adyghe ethnic group. Consider written information about Beslenei, various hypotheses on the formation of the people and their appearance in the Caucasus, the impact of geopolitical factors in their history, the consequences of migration Besleneys Turkey.

Keywords: Besleneys, Circassians, Kabardians, Kavkaz, Kuban, Turkey, Russia, Crimea, prince, village, resettlement.

Сведения об авторах

Башлай Ольга Васильевна, к.п.н., доцент кафедры культурологии и искусств ФГОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Тел. 8-909-769-12-18

E-mail: olia_bash@mail.ru

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, старший научный сотрудник отдела систематизации археологических материалов Государственного бюджетного учреждения «Институт истории и археологии РСО-А».

362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46

Тел.: 8-928-098-80-42

E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Данилов Антон Валерьевич, главный хранитель фондов Ессентукского краеведческого музея.

357601, г. Ессентуки, ул. Кисловодская, 5

Тел. 8 (87934) 6-15-31

E-mail: danilov_a.88@mail.ru

Емельянов Олег Борисович, к.и.н. ст. преподаватель филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки.

357600, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, д. 7

Тел.: 8 (87934) 2-81-81

E-mail: layla-em@yandex.ru

Кодзоев Нурдин Даутович, ведущий научный сотрудник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева.

386001, г. Магас, пр. Зязикова, 4

Тел. 8-928-092-98-15

E-mail: fpniki@mail.ru

Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора археологии ФГБНУ Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Остахов Анзор Александрович, к.и.н., доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (СКФУ) в г. Пятигорске.

357500, г. Пятигорск, пр. 40 лет Октября, 56

Тел. 8 (8793) 97-39-27

E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич, д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет».

355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1

Тел. 8-928-650-35-26

E-mail: z_proko_15@mail.ru

Семендяев Михаил Васильевич, зав. научным отделом Пятигорского краеведческого музея.
357501, г. Пятигорск, ул. Бернардацци, 2
Тел. 8 (8793) 33-08-51
E-mail: gbyksk.pkm@gmail.com

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Бижев Алий Хутатович (1937–2001 гг.), д.и.н., профессор КБГУ.

Details of the authors

Bashlai Olga Vasil'yevna, candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor Department of Cultural and Arts, North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street
Stavropol 355009
Ph. 8-909-769-12-18
E-mail: olia_bash@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, doctor of Historical Sciences, head of archeology and ethnology department of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior Research Assistant of the Unit of Systematization of Archeological Materials of the State Budgetary Institution «Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania».

46 Vatutina Street
Vladikavkaz 362025
Ph. 8-928-098-80-42
E-mail : sergeyburkov59@yandex.ru

Danilov Anton Valerievich, the Chief Facilities Keeper of The Essentouky Museum of Local Lore.

5 Kislovodskaya street
Essentouky 357601
Ph. 8 (87934) 6-15-31.
E-mail: danilov_a.88@mail.ru

Yemyelyanov Oleg Borisovich, art. teacher branch Stavropol State Pedagogical Institute in Essentuki, candidate of Historical Sciences.

7 Dolina Roz street
Essentouky 357600
Ph. 8 (87934) 2-81-81
E-mail: layla-em@yandex.ru

Kodzoev Nurdin Dautovich, leading research fellow of the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. Akhrieva.

4 Zyazikov Avenue
Magas 386001
Ph. 8-928-092-98-15
E-mail: fpniki@mail.ru

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich, doctor of Historical Sciences, leading research worker of archeology sector of Federal State Budget Educational Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Ostakhov Anzor Alexandrovich, candidate of Historical Sciences, associate Professor of Department of Sociology, General and Legal Psychology of North Caucasian Federal University in Pyatigorsk.

56 avenue 40 years of October
Pyatigorsk 357500
Ph. 8 (8793) 97-39-27
E-mail: zoroastra_anzor@rambler.ru

Prokopenko Yury Anatolyevich, doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Cultural and Arts, North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street
Stavropol 355009
Ph. 8-928-650-35-26
E-mail: z_proko_15@mail.ru

Semendyayev Michail Vasilyevich, the head of the scientific department of the Museum of Local Lore in Pyatigorsk.

2 Bernardazzi Street
Pyatigorsk 357501
Ph. 8 (8793) 33-08-51
E-mail: gbyksk.pkm@gmail.com

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, candidate of Historical Sciences, leader of Archeology sector of Federal State Budget Educational Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Научное издание
**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

ВЫПУСК
4

Макет и техническое редактирование
И.Х. Кушховой

Корректор
Л.О. Тамазова

Художественное оформление
И.Х. Кушховой

Подписано в печать 10.07.2015 г. Формат 70x108 $\frac{1}{16}$. Palatino Linotype
Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 129

The federal state budgetary science establishment
The Kabardian-Balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
e-mail: kbigi@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94